

ВЕСТНИК

УФИМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НЕФТЯНОЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УГНТУ

Наука, образование, экономика

Серия экономика

№ 1 (27) 2019

Журнал основан в 2012 году. Выходит 4 раза в год

Учредитель

Федеральное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (УГНТУ)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук».

Редакционный совет:

А.Н. Дегтярев — д-р экон. наук, профессор, председатель редакционного совета, академик РАЕН, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

А.Ф. Расулев — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая теория», Ташкентский государственный экономический университет (г. Ташкент, Узбекистан)

Б.Д. Хусаинов — д-р экон. наук, профессор, заведующий Отделом исследований глобализации и региональной интеграции Института экономики МОНРК (г. Алма-Ата, Республика Казахстан)

А.Г. Шеломенцев — д-р экон. наук, профессор, заведующий Отделом развития региональных социально-экономических систем, институт экономики Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация)

Т.П. Данько — д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова» (г. Москва, Российская Федерация)

Ю.Л. Пустовгаров — управляющий директор АО «Кумертауское авиационное производственное предприятие», депутат Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан (г. Уфа, Российская Федерация)

Л.М. Мазитова — канд. экон. наук, заместитель министра экономического развития Республики Башкортостан (г. Уфа, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

Н.З. Солодилова — д-р экон. наук, профессор, главный редактор, директор Института экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

Ш.З. Валиев — д-р экон. наук, профессор, заместитель главного редактора, начальник отдела научных изданий ИЭС, заведующий кафедрой «Региональная экономика и управление», Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

А.И. Кузьмин — д-р социол. наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, ведущий научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург, Российская Федерация)

Г.Т. Галиев — д-р социол. наук, профессор, начальник отдела дополнительного образования, Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

Т.В. Черкасова — д-р социол. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

Р.И. Маликов — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и менеджмент», Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

И.У. Зилькарнай — д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией исследования социально-экономических проблем регионов, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

Н.М. Блаженкова — д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой «Финансы и кредит», Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

Р.М. Сафуанов — д-р экон. наук, профессор, директор Уфимского филиала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Уфа, Российская Федерация)

В.И. Сухочев — д-р экон. наук, профессор, ректор НОУ ВПО «Кумертауский институт экономики и права» (г. Кумертау, Российская Федерация)

И.Р. Зарипова — д-р экон. наук, профессор, Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

У.Г. Зиннуров — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

В.В. Жилин — д-р экон. наук, д-р с.-х. наук, профессор, ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан» (г. Уфа, Российская Федерация)

О.В. Мишулина — д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой «Менеджмент и маркетинг» Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (г. Костанай, Республика Казахстан)

Л.А. Амирова — д-р пед. наук, профессор, проректор по научной работе, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Российская Федерация)

Р.Г. Аслаева — д-р пед. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Российская Федерация)

Т.Н. Третьякова — д-р пед. наук, профессор, заведующая кафедрой «Туризм и социально-культурный сервис», Институт спорта, туризма и сервиса ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет» (г. Челябинск, Российская Федерация)

А.И. Сорокина — д-р психол. наук, профессор, Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Д. А. Седаков

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Доступ и подписка на электронную версию журнала — www.elibrary.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 — 67386 от 05.10.2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

© Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2018.

Адрес редакции и издательства: 450062, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Космонавтов, д. 1

Тел.: (347) 243 – 16 – 19, ies.rusoil.net

Цена свободная. **12+**

Подписано в печать 28.03.2019 г. Формат 60×84/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,3.

Тираж 1 000 экз. Заказ № 51.

Адрес типографии: 450062, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Космонавтов, д. 1

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика.

Серия экономика», допускается только с письменного разрешения редакции.

Материалы приводятся в авторской редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Отпечатано в типографии издательства УГНТУ с готовых электронных файлов.

BULLETIN

UFA STATE PETROLEUM TECHNOLOGICAL UNIVERSITY

Science, education, economy

Series economy

№ 1 (27) 2019

Founded in 2012. Issued 4 times a year

Founder

Federal State-Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa State Petroleum Technological University» (USPTU)

The journal is included in the «List of peer-reviewed scientific publications, which should be published basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of Sciences, on competition of a scientific degree of the doctor of Sciences».

Editorial board:

Prof. Alexander N. Degtyarev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chairman of the Editorial Board, Member of Russian Academy of Natural Sciences, Active Member of Academy of Sciences the Republic of Bashkortostan, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Alisher F. Rasulev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department «Economic Theory» of Tashkent State Economic University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Prof. Bulat D. Khusainov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Department «Globalization and Integration Studies», Institute of Economy, MES of RK (Alma-Ata, Republic of Kazakhstan)

Prof. Andrey G. Shelomentsev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Development of Social and Economic Systems, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation)

Prof. Tamara P. Danko — Doctor of Economic Sciences, Professor, Russian Academy of Economics by G.V. Plekhanov (Moscow, Russian Federation)

Yuriy L. Pustovogarov — Managing Director of AO «Kumertau Aviation Production Enterprise», delegate of the State Assembly (Ufa, Russian Federation)

Lilia M. Mazitova — Candidate of Economic Sciences, Deputy Minister of Economic Development of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation)

Editorial staff:

Prof. Natalia Z. Solodilova — Doctor of Economic Sciences, Professor, editor in chief, Director of the Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Shamil Z. Valiev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Chief Editor, Head of Scientific Edition Department, Head of Regional Economics and Management, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Alexander I. Kuzmin — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Active Member of Russian Academy of Natural Sciences, Leading Researcher at Institute of Economics at Urals Branch of Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

Prof. Gali T. Galiev — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief of Department of Additional Education, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Tatjana V. Cherkasova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

- Prof. Rustam I. Malikov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economics and Management, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Ildar U. Zulkarnai — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Laboratory of Socio-Economic Problems in the Regions Research, Bashkir State University (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Natalia M. Blazhenkova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Rafael M. Safuanov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of Ufa Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Victor I. Sukhochev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Kumertau Institute of Economics and Law (Kumertau, Russian Federation)
- Prof. Ilsiyyar R. Zariyova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Ulfat G. Zinnurov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Management and Marketing Chair, Ufa State Aviation Technical University (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Valery V. Zhilin — Doctor of Economic Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Bashkir Academy of State Service and Management Board under the President of Bashkortostan Republic (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Olga V. Mishulina — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Management and Marketing Chair at Kostanai State University named for A. Baitursynov (Kostanai, Kazakhstan)
- Prof. Lyudmila A. Amirova — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector on Scientific Work, Bashkir State Pedagogical University named for M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Rahima G. Aslaeva — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Bashkir State Pedagogical University named for M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Tatjana N. Tretjakova — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department «Tourism and Socio-Cultural Service» of the Institute of Sport, Tourism and Service, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)
- Prof. Anna I. Sorokina — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Executive editor — Dmitriy A. Sedakov

The magazine is included in the Russian index of scientific citation (RISC).

Access and subscription to the electronic version of the magazine — www.elibrary.ru.

Mass media registration certificate ПИ № ФС 77-67386 dd. 05.10.2016 is issued by the Federal Department of Mass Media Supervision.

© Ufa State Petroleum Technological University, 2018.

Address of Editors office and Founder: 450062, Republic of Bashkortostan, Ufa, Kosmonavtov str., 1.

Tel. (347) 243–16–19, ies.rusoil.net

Price is free. **12+**

Publishing authorized on 28.03.2019. Paper format 60×84/8. Offset printing. 19,3 publication base sheets.

Volume 1 000 copies. Order № 51.

Address of Publishing Office: 450062, Republic of Bashkortostan, Ufa, Kosmonavtov str., 1.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced without prior written consent of the Editors office of the «Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy».

The items of this publication preserve original edition by their authors.

The Editors office do not always share an opinion of authors of the articles published.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Гайнанов Д.А., Атаева А.Г.</i> Сбалансированное пространственное развитие Республики Башкортостан: проблемы и перспективы	7
<i>Валиев Ш.З., Федорова О.А.</i> Механизм функционирования биотехнологического кластера Республики Башкортостан	16
<i>Галимова М.П.</i> Готовность российских предприятий к цифровой трансформации: организационные драйверы и барьеры	27

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ В ОТРАСЛЯХ И СФЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Гилева Т.А.</i> Цифровая зрелость предприятия: методы оценки и управления	38
<i>Насретдинова З.Т., Ахмедина Г.Б., Кузьяшев А.Н., Рахматуллин Ю.Я.</i> Генезис кооперативных отношений в аграрной сфере экономики России	53
<i>Курманова Д.А.</i> Финансовые технологии на розничном рынке банковских услуг	60
<i>Токарева С.А., Ремишевская К.В., Захаров Д.Ю.</i> Влияние системы управления НИОКР на цепочку создания ценности нефтегазовых компаний	68
<i>Бочкарев А.М.</i> Критерии оценки системы информационного обеспечения производственной деятельности промышленных предприятий	74

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

<i>Маликов Р.И., Ямалетдинова З.Т.</i> Развитие инструментов активизации предпринимательской деятельности в сфере санаторно-курортных услуг	80
<i>Блаженкова Н.М., Закирова А.Э., Ахмедина Г.Б., Хисаева А.И.</i> Взаимодействие властных и предпринимательских структур: инструментарий для реализации общих инвестиционных бизнес-проектов	87

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Коган О.С., Галиуллина С.Д.</i> Социально-психологические аспекты адаптации иностранных студентов при обучении в УГНТУ	95
<i>Старицына О.А., Хуснутдинова Л.Г.</i> Иностранцы заимствования в СМИ как инструмент манипулирования аудиторией (социологический анализ)	100
<i>Деркач В.В.</i> Социальное проектирование как прогностическая функция управленческой деятельности	107

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Галиева Г.М., Жилина Е.В.</i> Высшее образование: факторы и ориентиры регионального развития	113
<i>Хусаинова И.А., Коннова О.А.</i> Совершенствование профориентационной работы вузов Республики Башкортостан по итогам приемной кампании 2018 года	121
<i>Семенов В.А.</i> Опыт использования САПР в учебном процессе	130
Об авторах	137

CONTENT

ECONOMIC SCIENCE

REGIONAL DEVELOPMENT

- Gaynanov D.A., Ataeva A.G.* Balanced spatial development of the Republic of Bashkortostan: problems and prospects 7
- Valiev Sh.Z., Fedorova O.A.* Mechanism of biotechnological cluster functioning of Republic of Bashkortostan 16
- Galimova M.P.* Readiness of Russian enterprises to digital transformation: organizational drivers and barriers 27

ECONOMY AND MANAGEMENT IN BRANCHES AND FIELDS OF ACTIVITY

- Gileva T.A.* Digital maturity of the enterprise: methods of assessment and management 38
- Nasretdinova Z.T., Ahmedina G.B., Kuzyashev A.N., Rakhmatullin Yu.Ya.* Historical issues of the development of cooperative relations in the agrarian sphere of the Russian economy 53
- Kurmanova D.A.* Financial technologies in the retail banking market 60
- Tokareva S.A., Remishevskaya K.V., Zakharov D.Yu.* Influence of the R&D management system on the chain of creating the value of oil and gas companies 68
- Bochkarev A.M.* Evaluation criteria the information management system of the production activity of industrial enterprises 74

ENTREPRENEURSHIP

- Malikov R.I., Yamaletdinova Z.T.* Development of tools to activate entrepreneurship activities in the sphere of health and resort services 80
- Blazhenkova N.M., Zakirova A.E., Ahmedina G.B., Khisaeva A.I.* Interaction of authorities and entrepreneurship structures: tools for the implementation of common investment business projects 87

SOCIAL SCIENCE

SOCIAL DEVELOPMENT

- Kogan O.S., Galiullina S.D.* Socio-psychological aspects of the adaptation of foreign students in training in USPTU 95
- Staritsyna O.A., Khusnutdinova L.G.* Foreign borrowings is a tool for audience manipulating in mass media (sociological analysis) 100
- Derkach V.V.* Social designing as a prognostic function of management activities 107

PEDAGOGICAL SCIENCE

DEVELOPMENT OF EDUCATION

- Galieva G.M., Zhilina E.V.* Higher education: factors and guidelines for regional development 113
- Khusainova I.A., Konnova O.A.* Improvement of professional orientation work of higher education institutions of the Republic of Bashkortostan on the results of the 2018 reception campaign 121
- Semeno V.A.* Experience of using CAD in the educational process 130
- About authors 137

Гайнанов Д. А.
Gaynanov D. A.

*доктор экономических наук, профессор,
директор ФГБУН Института
социально-экономических исследований
Уфимского федерального
исследовательского центра РАН,
г. Уфа, Российская Федерация*

Атаева А. Г.
Ataeva A. G.

*кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
ФГБУН Института социально-
экономических исследований
Уфимского федерального
исследовательского центра РАН,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 332.12

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-7-15

СБАЛАНСИРОВАННОЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье представлены итоги исследований по анализу трансформации внутрирегиональной системы расселения в Республике Башкортостан и ряде регионов Урала и Поволжья. Были проанализированы миграционные перетоки по муниципальным районам и городским округам регионов, расположенных на расстоянии до 300 км от столиц. Была проверена гипотеза наличия прямой зависимости удаленности муниципального образования от столицы от общего роста населения и миграционной привлекательности территорий. Были выявлены общие для всех рассматриваемых регионов и специфические тенденции расселения, прежде всего связанные с развитием процессов агломерирования за последнее десятилетие.

Установлено, что усиление межмуниципальной экономической дифференциации вследствие стягивания ресурсов вокруг столицы и крупных городов влияет на рост сегрегации и дезинтеграции социального пространства, «оголение» периферии и утрату социокультурного потенциала регионов России.

Проведена оценка стратегической региональной политики регулирования «центр-периферийных» отношений Республики Башкортостан в условиях значительных миграционных перетоков внутри регионов. Определено, что основная проблема в этой области связана с отсутствием комплексного подхода к пространственному развитию республики и понимания перспективного будущего опорного каркаса региона.

Рассмотрены инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития Республики Башкортостан, касающиеся укрупнения муниципальных образований и развития интегративных процессов. Авторы определяют целесообразность укрупнения муниципальных образований, прежде всего сельских поселений, учитывая их низкую финансовую самостоятельность и необходимость содержания в них органов местного самоуправления за счет собственных доходов.

В качестве развития интегративных процессов авторы рассмотрели два направления: развитие субрегиональных форм локализации муниципалитетов и активизацию межмуниципального сотрудничества. Определено, что межмуниципальное сотрудничество позволяет объединить ресурсы и интересы муниципальных образований для решения как общих задач, так и задач, которые каждый муниципалитет в отдельности решить не способен в силу ограниченности ресурсов и полномочий.

¹ Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 007-00256-18-01 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2019 г.

Ключевые слова: пространственное развитие, агломерация, муниципальное образование, межмуниципальное сотрудничество, «центр-периферийные» отношения, региональная политика, сбалансированное пространственное развитие, дифференциация уровня социально-экономического развития, бюджетная обеспеченность, субрегион.

BALANCED SPATIAL DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article presents the results of research on the analysis of the transformation of the intraregional settlement system in the Republic of Bashkortostan and in several regions of the Urals and Volga region. The authors analyzed migration flows in municipal districts and urban districts of the Ural and Volga regions, located at a distance of up to 300 km from the regional capitals. We tested the hypothesis of the existence of a direct dependence of the distance between the municipality and the capital on the general population growth and the migration attractiveness of the territories. The authors identified common for all the considered regions and specific trends of resettlement, primarily related to the development of agglomeration processes over the past decade.

It has been established that the strengthening of inter-municipal economic differentiation affects the strengthening of segregation and disintegration of social space, the «exposure» of the periphery and the loss of the socio-cultural potential of the regions of Russia.

The authors evaluated the strategic regional policy of regulating the «center-peripheral» relations of the Republic of Bashkortostan in the context of significant migration flows within the regions. It is determined that the main problem in this area is associated with the lack of an integrated approach to the spatial development of the republic and an understanding of the promising future framework of the region.

We consider the tools to ensure a balanced spatial development of the Republic of Bashkortostan, concerning the consolidation of municipalities and the development of integrative processes. The authors determine the feasibility of enlarging municipalities, especially rural settlements, given their low financial autonomy and the need to maintain local government bodies at their own expense.

As the development of integrative processes, the authors considered two directions: the development of subregional forms of localization of municipalities and the intensification of inter-municipal cooperation. It was determined that inter-municipal cooperation allows combining the resources and interests of municipalities to solve both common tasks and tasks that each municipality alone cannot solve due to limited resources and powers.

Key words: spatial development, agglomeration, municipality, inter-municipal cooperation, «center-peripheral» relations, regional policy, balanced spatial development, differentiation of the level of socio-economic development, fiscal security, subregion.

Сбалансированное пространственное развитие является одним из ключевых приоритетов региональной политики, при этом на субфедеральном уровне этому направлению должно уделяться не меньшее внимание, чем на федеральном. Более того, можно согласиться с мнением авторов, что «многие проблемы социально-экономической и экологической несбалансированности зарождались, в первую очередь, на уровне региона и только позже приобретали национальные масштабы» [1].

Одной из главных проблем пространственного развития регионов являются негативные стороны «центр-периферийных»

отношений, когда центр стягивает все ресурсы (человеческие, финансовые и др.), происходит «оголение» периферии, усиливается дифференциация уровня развития внутрирегиональных территорий. Еще Дж. Фридман сконструировал модель «центр-периферия»: центр доминирует за счет инноваций и агломерационного эффекта; периферия, близко расположенная к центру, постепенно воспринимает нововведения; удаленная периферия является более консервативной [2].

В таком же аспекте авторами в 2017 г. проводились исследования по «центр-периферийным» отношениям в регионах

Урала: республиках Башкортостан и Татарстан, Челябинской, Свердловской областях, Пермском крае [3]. Были выявлены общие закономерности влияния удаленности муниципального образования от столицы на общий рост населения и миграционную привлекательность территорий для 230 муниципальных образований регионов Урала и Поволжья, расположенных на расстоянии до 300 км от столиц регионов. Результаты представлены в таблице 1.

В результате были получены следующие выводы:

- 1) чем дальше от столицы региона, тем выше миграционные оттоки населения из муниципальных образований любого типа;
- 2) максимальный миграционный прирост наблюдается не в столицах, а в пригородах — на территориях до 60 км от столицы, что характеризует развитие процессов субурбанизации;
- 3) на расстоянии 120–140 км и 200–220 км появляются точки притока населения, как правило, в крупных городских округах (промышленных центрах) и их периферии, что характеризует появление точек самоорганизации населения на отдаленных от столицы территориях.

В отличие от других регионов, особенностью Республики Башкортостан является

наличии другие точек миграционного прироста, помимо столицы и пригорода.

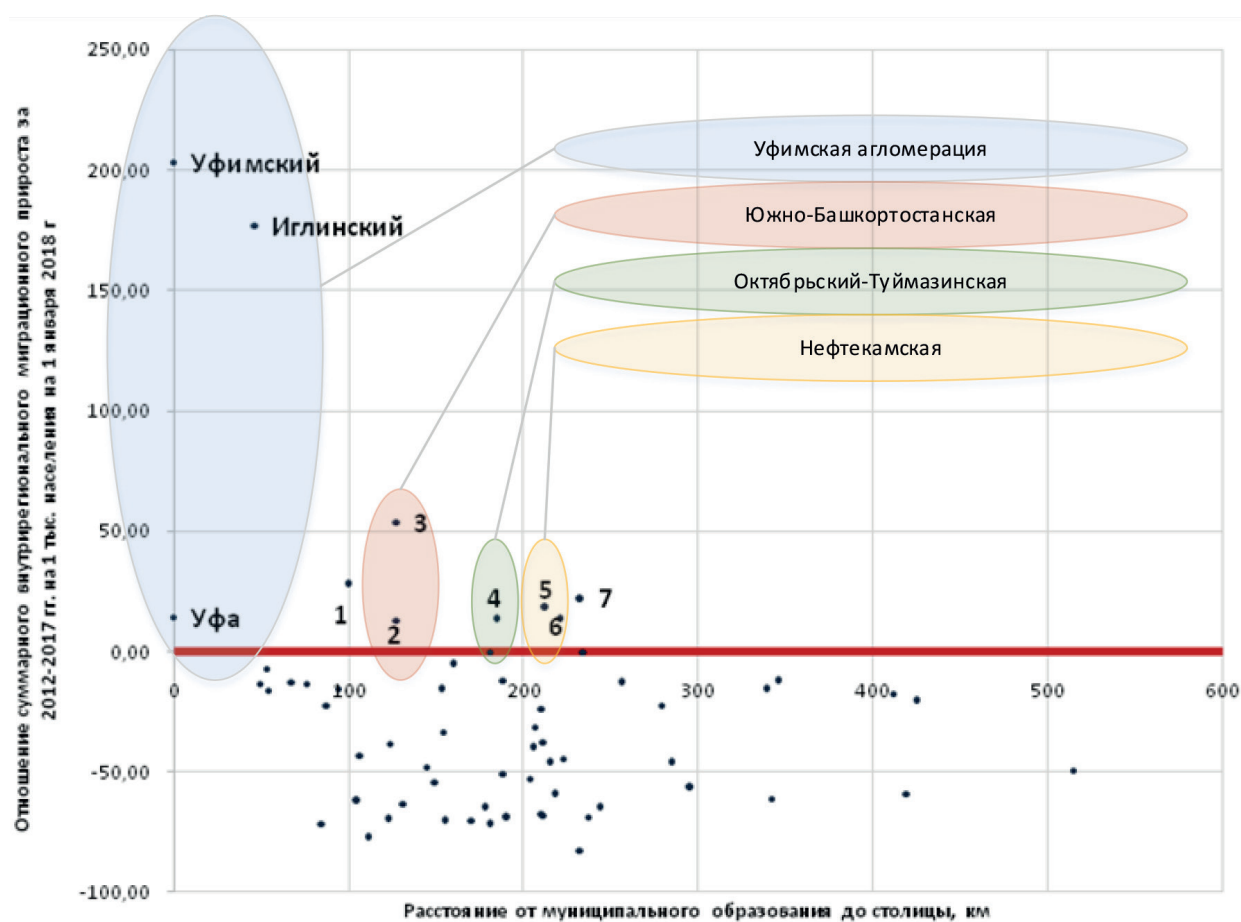
Рассмотрим, изменилась ли ситуация за последние два года. В отличие от предыдущего подхода, оценим только внутрирегиональные миграционные потоки по муниципальным образованиям Республики Башкортостан за период 2012–2017 гг. Для обеспечения сопоставимости данных, рассчитаем показатель «Отношение суммарного внутрирегионального миграционного прироста за 2012–2017 гг. к численности населения на 1 января 2018 г.». Расчеты будут проводиться для всех муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан. В итоге сопоставим показатель с расстоянием соответствующего муниципального образования до столицы региона (для муниципальных районов расстояние будет рассчитываться от их административных центров).

Результаты расчетов представлены на рисунке 1.

Из 54 муниципальных районов и 8 городских округов Республики Башкортостан положительный суммарный миграционный прирост за 6-летний период наблюдается только в 10 муниципальных образованиях. При этом 78,1 % миграционного прироста в этих муниципальных образованиях приходится на Уфу и два близлежащих района — Уфимский и Иглинский.

Таблица 1. Группировка муниципальных образований регионов Урала и Поволжья по степени удаленности от столицы

Расстояние от административного центра МО до столицы региона (км)	Количество муниципальных образований	Средний рост населения в МО за 2009–2015 гг., %	Коэффициент миграционной привлекательности (2010–2015 гг.)
Столица региона	5	107,53	42,88
до 20	5	243,01	75,78
от 21 до 40	9	103,60	39,59
от 41 до 60	18	99,58	38,11
от 61 до 80	7	96,09	-0,89
от 81 до 100	27	92,74	-14,85
от 101 до 120	19	92,87	-37,54
от 121 до 140	24	93,95	-30,07
от 141 до 160	14	91,80	-44,59
от 161 до 180	15	90,43	-55,79
от 181 до 200	21	90,13	-40,89
от 201 до 220	22	90,96	-54,01
от 221 до 240	14	92,58	-49,38
от 241 до 260	15	91,50	-42,38
от 261 до 280	6	89,29	-57,07
от 281 до 300	9	92,33	-54,26

1 — Бирский район; 2 — г. Стерлитамак; 3 — Стерлитамакский район; 4 — г. Октябрьский; 5 — г. Нефтекамск; 6 — Краснокамский район; 7 — Дуванский район

Рисунок 1. Зависимость относительного внутрирегионального миграционного прироста от расстояния муниципального образования до столицы Республики Башкортостан

Максимальный прирост при этом наблюдается не в столице, а в пригороде. Так, за последние 6 лет в Уфимский район из других районов и городов республики прибыло 18,6 тыс. чел. — это 20,3 % от всех жителей района на январь 2018 г. Количество прибывших в Уфимский район превысило миграционный прирост в столицу республики. В Иглинский район прибыло 11,1 тыс. чел. — 17,7 % жителей района на 2018 г.

Это характеризует активное усиление урбанизации и субурбанизации в республике. Однако эти процессы для республики не уникальны — активизация внутрирегионального миграционного прироста в столице и ее пригородах наблюдается практически во всех субъектах Российской Федерации. Но в Республике Башкортостан есть свои особенности.

Если рассмотреть относительный миграционный прирост по удаленности от центра,

то можно увидеть, что точки миграционного прироста подтверждают развитие в республике четырех агломераций: Южно-Башкортостанской на юге республики (городские округа Стерлитамак и Салават, Стерлитамакский район), Октябрьский-Туймазинской — на западе, Нефтекамской — на северо-западе Республики и Уфимской — в центре региона. Это говорит о потенциале развития сбалансированного каркаса расселения в Республике Башкортостан, когда помимо столицы, формируются еще три точки притяжения ресурсов, становясь драйверами развития соответствующих отдаленных областей региона.

Можно согласиться с мнением авторов, что сегодня объективным процессом трансформации внутрирегионального экономического пространства является формирование полицентрической сетки агломераций как нового каркаса региональной экономики [4].

Одновременно такой расклад подтверждает и острую проблему пространственного развития региона в виде отсутствия точек роста на востоке республики: северо-восточных районах и Зауралье. Это связано как с традиционной депрессивностью этих территорий, так и отсутствием здесь городских округов (помимо Сибая), которые, как правило, и становятся центром развития и «тянут» за собой близлежащие территории.

Ведет ли пространственная трансформация муниципальных образований к сегрега-

ции и дезинтеграции социально-экономического пространства? Эту проблему можно рассмотреть, проанализировав изменение разрыва между показателями развития муниципальных районов и городских округов.

Одна из ключевых причин «бегства» населения из отдаленных муниципальных образований — разница в уровне заработной платы. За 2010–2016 гг. темпы роста максимального уровня заработной платы были выше, чем минимального (рисунок 2).

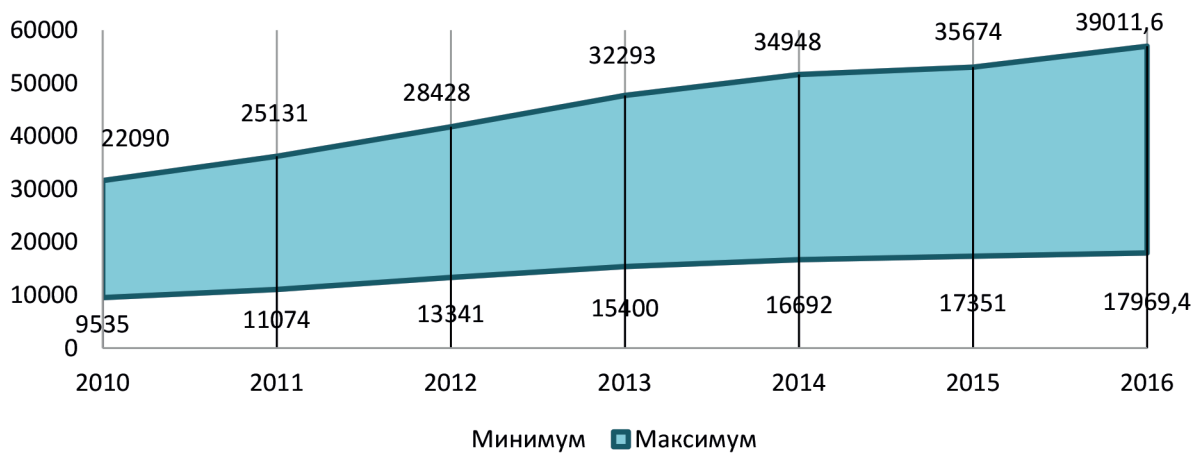

Рисунок 2. Дифференциация номинальной среднемесячной заработной платы по муниципальным районам и городским округам Республики Башкортостан за 2010–2016 гг., руб.

При этом весь период максимальная заработная плата приходилась на столицу республики, а минимальная — на отдаленные районы (в 2010, 2011, 2013, 2014, 2016 гг. — Бурзянский район, находящийся в Зауралье, в 295 км от столицы республики). В 2016 г. разрыв между максимальным и минималь-

ным уровнями заработной платы составил 2,17 раза.

Еще большая дифференциация наблюдается по бюджетной обеспеченности муниципальных образований, ежегодно разрыв увеличивается, достигая в 2016 г. 37,4 раза (рисунок 3).

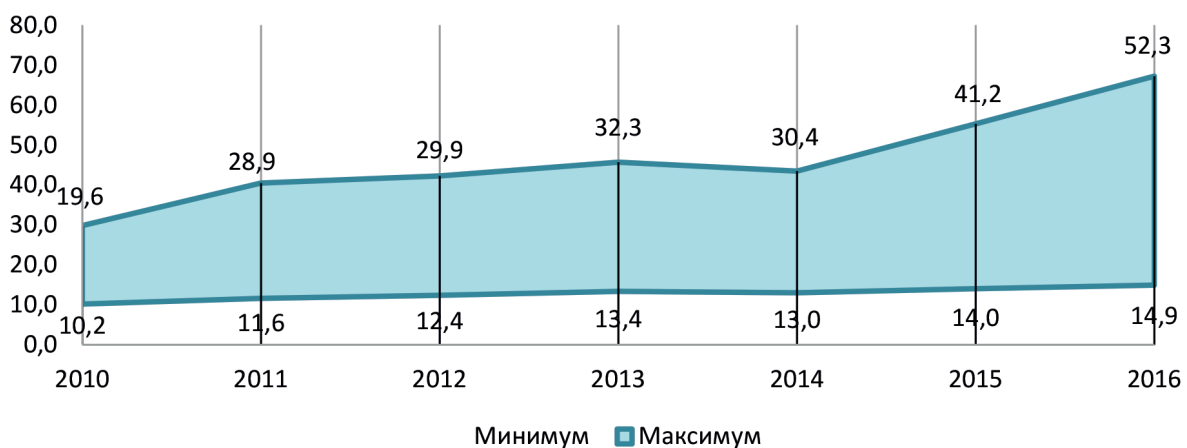

Рисунок 3. Дифференциация номинальной величины доходов местных бюджетов на душу населения в 2010–2016 гг., тыс. руб.

При этом ситуация с бюджетной обеспеченностью никак не связана с уровнем развития муниципальных образований. Так, в 2016 г. минимальный уровень бюджетной обеспеченности пришелся на г. Салават — один из крупнейших промышленных центров республики с высоким уровнем социально-экономического развития. Тогда как максимальная бюджетная обеспеченность оказалась у традиционно депрессивного

Бурзянского района. Это связано с системой перераспределения налоговых доходов по уровням бюджетной системы, которая стимулирует заинтересованность муниципальных образований в развитии собственной налогооблагаемой базы.

Увеличивается и разрыв по среднему инвестициям в основной капитал по муниципальным образованиям, который в 2015 г. составил 34,7 раза (рисунок 4).

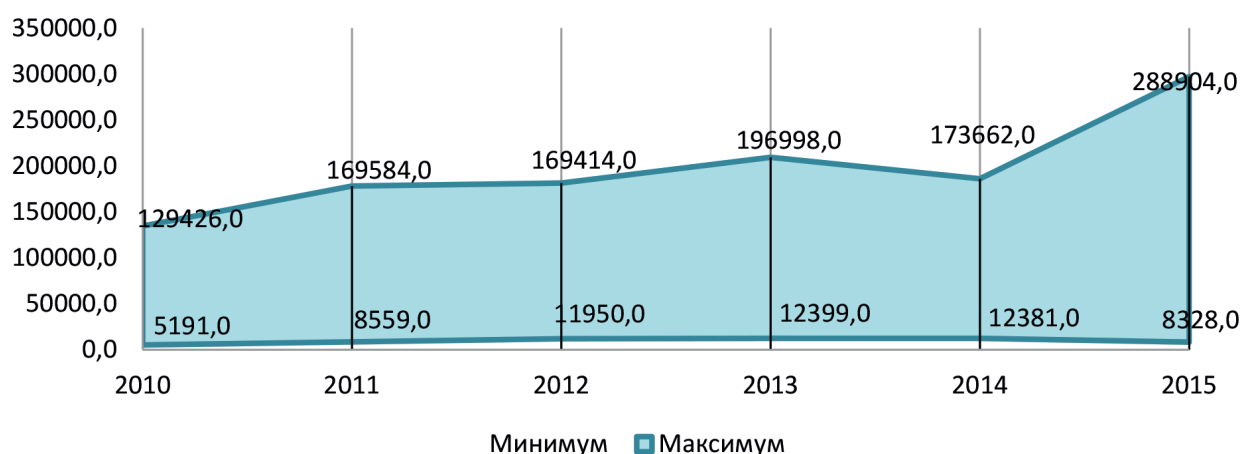

Рисунок 4. Дифференциация номинальной величины инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования на душу населения в 2010–2016 гг., тыс. руб.

Эти цифры в полной мере не отражают масштабы и причины дифференциации уровня социально-экономического развития, но в целом показывают общую картину усиления разрыва в уровне развития территорий. А это, безусловно, является ключевым фактором оттока населения и нарушения баланса пространственного развития республики, влияет на усиление сегрегации и дезинтеграции социального пространства, «оголению» периферии и утрате социокультурного потенциала республики.

Исходя из выявленных проблем и тенденций пространственного развития Республики Башкортостан, одной из стратегических задач региональной политики является регулирование «центр-периферийных» отношений. Традиционные механизмы региональной политики в виде выравнивания бюджетной обеспеченности, стимулирования «точек роста» должны быть пересмотрены в текущих условиях трансформации пространственного развития регионов.

Концепция / стратегия пространственного развития Республики Башкортостан на данный момент отсутствует. Это вполне логично, учитывая, что на федеральном уровне Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. была принята совсем недавно — 13 февраля 2019 г. [5].

Проблемы и перспективы пространственного развития рассматриваются в Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан, где один из четырех стратегических приоритетов связан со сбалансированным пространственным развитием. В подраздел включены следующие направления: «Снижение дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований», «Муниципальные образования со сдержанным уровнем социально-экономического развития», «Моногорода», «Агломерация территорий», «Инфраструктурное развитие», «Транспорт», «Энергетика», «Комфортная среда и благоустройство территорий».

Стратегия учитывает объективное формирование агломераций, но только двух: Уфимской и Южно-Башкортостанской. В качестве инструментов их развития Стратегия определяет развитие межмуниципального сотрудничества и разработку документов стратегического планирования социально-экономического развития данных агломераций.

Межмуниципальное сотрудничество также определяется в качестве инструмента снижения дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований Республики Башкортостан, наряду с развитием социальной сферы территорий и предоставлением городами социальных услуг прилегающим сельским населенным пунктам.

В целом, основная проблема Стратегии — отсутствие комплексного подхода к пространственному развитию республики и понимания перспективного будущего опорного каркаса региона. Важно определить, каковы перспективные формы пространственного развития республики: моногорода, территории опережающего развития, промышленные кластеры, агломерации? Какие формы пространственного развития формируются объективно без участия региональных властей, и как они могут управлять или просто регулировать эти процессы? А также, каким образом региональные органы государственной власти могут снизить негативные последствия межмуниципального перетока людских и финансовых ресурсов?

Ответы на эти и иные вопросы должны содержаться в Концепции пространственного развития Республики Башкортостан, разработка которой является важной задачей на долгосрочную перспективу.

Рассмотрим ряд ключевых моментов пространственного развития Республики Башкортостан, которые являются актуальными как сейчас, так и в ближайшее десятилетие.

1. Укрупнение муниципальных образований

Изменение концепции пространственного развития региона в пользу административного или экономического объединения муниципальных образований становится значимой характеристикой современного этапа.

В Республике Башкортостан количество муниципальных образований не меняется с 2010 г. (895 муниципальных образований, в том числе 54 муниципальных района, 9 городских округов, 14 городских и 818 сельских поселений). При этом по общему количеству муниципальных образований и по количеству сельских поселений республика занимает 2-е место среди субъектов Российской Федерации. В условиях того, что по площади территории регион занимает 27-е место, по численности населения 7-е место среди других регионов на 2018 г., это характеризует высокую дробность муниципального деления республики.

В пользу административного укрупнения сельских поселений говорит и то, что в 2017 г. в 626 из 818 сельских поселений Республики Башкортостан наблюдался миграционный отток, что составляет 76,5% муниципалитетов данного вида. В 2017 г. в 52 сельских поселениях республики проживает менее 500 человек. В среднем за период 2011–2017 гг. для 76,2% сельских поселений республики характерен ежегодный миграционный отток.

Учитывая низкую финансовую самостоятельность сельских поселений и необходимость содержания в них органов местного самоуправления (за счет собственных доходов), необходимо подумать о возможностях укрупнения муниципалитетов.

2. Интеграция муниципалитетов

Авторы убеждены, что эффективность реализации региональной политики пространственного развития определяется наряду с выравниванием уровня социально-экономического развития, стимулированием «точек роста» и активизацией потенциала развития периферийных территорий. В условиях нехватки собственных ресурсов это может быть осуществлено вовлечением этих территорий в программные региональные проекты в составе интеграционных структур.

Здесь можно отметить два направления: 1) развитие субрегиональных форм локализации муниципалитетов; 2) активизация межмуниципального сотрудничества.

Субрегионы становятся промежуточным уровнем между муниципалитетом и регионом,

они не имеют административной формы, хотя оформляются официально, могут иметь как временный, так и постоянный характер [6]. Субрегионы позволяют определить единый вектор развития для групп территориально приближенных муниципальных образований, кооперировать усилия и ресурсы для решения местных задач, а также привлечь дополнительные региональные и частные ресурсы для глобальных проектов социально-экономического развития.

Субрегионы являются альтернативой развития агломераций. Если первые формируются стихийно, без участия региональных властей, а задачей региона является регулирование этого процесса, то субрегионы — это, прежде всего, инициатива самого региона для обеспечения баланса развития в системе «центр-периферия».

Вторым видом интеграции муниципальных образований является межмуниципальное сотрудничество. Оно позволяет объединить ресурсы и интересы муниципальных образований для решения как общих задач, так и задач, которые каждый муниципалитет

в отдельности решить не способен силу ограниченности ресурсов и полномочий [7].

В наибольшей степени целесообразно использовать инструментарий межмуниципального сотрудничества для сельских поселений, не обладающих достаточными средствами и материальными ресурсами, необходимыми для разработки и реализации планов и программ социально-экономического развития, направленных на комплексное решение всех вопросов местного значения, для осуществления капитальных вложений и бюджетных инвестиций в развитие экономики соответствующих территорий [8].

Вывод

Таким образом, при разработке региональной политики пространственного развития в Республике Башкортостан необходимо учитывать те объективные тенденции, которые сложились в республике, и осуществлять их корректировку в части снижения негативных последствий усиления диспропорций внутрирегионального пространственного развития региона.

Список литературы

1. Даванков А.Ю., Кочеров А.В. Научно-методические основы исследования пространственных социо-эколого-экономических систем // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 14 (396). С. 15–25.
2. Лапаев С.П., Зацарина Ю.В. Теоретические основы сбалансированного развития экономики регионов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017. № 9. С. 31–34.
3. Гайнанов Д.А., Шеломенцев А.Г., Атаева А.Г. Трансформация расселения на Урале и в Поволжье после реформы местного самоуправления // Социологические исследования. 2017. № 10 (402). С. 64–76.
4. Уляева А.Г. Анализ методических подходов к выделению агломерационных образований // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 12 (435). С. 17–27.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 г. №207-р «Об утверждении Стратегии пространствен-

ного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // «Собрание законодательства РФ», 18.02.2019, N 7 (часть II), ст. 702.

6. Гайнанов Д.А., Атаева А.Г. Совершенствование территориальной организации населения Республики Башкортостан в условиях кризиса системы расселения // Финансовая экономика. 2018. №7 (ч. 11). С. 1298–1303.

7. Гайнанов Д.А., Уляева А.Г. Межмуниципальное сотрудничество: перспективы эффективного взаимодействия // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России». В 2-х частях. Уфа, 2015. С. 29–37.

8. Орешников В.В. Подход к поддержке управления развитием муниципальных образований // Матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе».

М.: Изд-во Государственного университета управления. 2016. С. 214–219.

References

1. Davankov A. Yu., Kocherov A. V. Nauchno-metodicheskie osnovy issledovaniya prostranstvennykh sotsio-ekologo-ekonomicheskikh sistem [Scientifically-Methodical Bases for Study of Spatial Socio-Ecological-Economic Systems]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2016, No. 14 (396), Issue 55, pp. 15–25. [in Russian].

2. Lapaev S. P., Zatsarinina Yu. V. Teoreticheskie osnovy sbalansirovannogo razvitiya ekonomiki regionov [The Theoretical Basis of The Balanced Economic Development of Regions]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii — Intelligence. Innovations. Investments*, 2017, No. 9, pp. 31–34. [in Russian].

3. Gainanov D. A., Shelomentsev A. G., Ataeva A. G. Transformatsiya rasseleniya na Urale i v Povolzh'e posle reform mestnogo samoupravleniya [Transformation of Population Resettlement in The Ural and The Volga Regions after The Reform of Local Self-Government]. *Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological Journal*, 2017, No. 10 (402), pp. 64–76. [in Russian].

4. Ulyaeva A. G. Analiz metodicheskikh podkhodov k vydeleniyu aglomeratsionnykh obrazovaniy [An Analysis of Methodological Approaches to The Determination of Agglomerations]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika — Regional Economics: Theory and Practice*, 2016, No. 12 (435), pp. 17–27. [in Russian].

5. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 13.02.2019 g. №207-r «Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda» «Sobranie zakonodatel'stva RF»* [The Government of The Russian Federation from

13.02.2019, No. 207-p «On Approval of The Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for The Period Till 2025» «Meeting of The Legislation of The Russian Federation»]. 18.02.2019, No. 7 (part II), article 702.

6. Gainanov D. A., Ataeva A. G. Sovershenstvovanie territorial'noi organizatsii naseleniya Respubliki Bashkortostan v usloviyakh krizisa sistemy rasseleniya [Improvement of The Territorial Organization of The Population of The Republic of Bashkortostan in The Conditions of The Dissemination System Crisis]. *Finansovaya ekonomika — Financial Economy*, 2018, No. 7 (11), pp. 1298–1303. [in Russian].

7. Gainanov D. A., Ulyaeva A. G. Mezhmunitsipal'noe sotrudnichestvo: perspektivy effektivnogo vzaimodeystviya [Inter-Municipal Cooperation: Prospects for Effective Interaction]. *Materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Innovatsionnye tekhnologii upravleniya sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regionov Rossii». V 2-kh chastyakh* [Proceedings of The VII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation «Innovative Technologies for Managing the Socio-Economic Development of Russian Regions». In 2 parts]. Ufa, 2015, pp. 29–37. [in Russian].

8. Oreshnikov V. V. Podkhod k podderzhke upravleniya razvitiem munitsipal'nykh obrazovaniy [Approach to Supporting The Development of Management of Municipalities]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Rol' mestnogo samoupravleniya v razvitii gosudarstva na sovremennom etape»* [Materials of The International Scientific-Practical Conference «The Role of Local Government in The Development of The State at The Present Stage»], Moscow, State University of Management Publ., 2016, pp. 214–219. [in Russian].

Валиев Ш. З.
Valiev Sh. Z.

*доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Региональная
экономика и управление»,
Институт экономики и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Федорова О. А.
Fedorova O. A.

*экономист Института дополнительного
профессионального образования,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 33.338.26:33.338.012:33.338.27

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-16-26

МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В статье рассматриваются предпосылки развития возобновляемых источников энергии транснациональными компаниями нефтегазовой промышленности. В частности, такие компании могут стать ядром биотехнологического кластера Республики Башкортостан, где существуют перспективы для производства расширенной номенклатуры товарной продукции, в том числе энергетической на основе биомассы. Инновационный биотехнологический кластер Республики Башкортостан будет способствовать снижению выбросов CO₂, сбалансированному развитию территории региона, повышению социально-экономического уровня жизни населения.

Доля возобновляемых источников энергии в мире растет. Помимо компаний, специализирующихся в вышеприведенном энергетическом секторе, проявляют большой интерес транснациональные компании нефтяной и газовой промышленности, такие как Total, Shell, Statoil. Несмотря на незначительный интерес российские транснациональные компании, такие как ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «Газпром» и ПАО НК «Роснефть», принимают участие в различных проектах, направленных на развитие сектора возобновляемых источников энергии.

Анализируются существующие кластеры возобновляемых источников энергии таких стран, как Швеция, Австрия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Австралия.

Определены принципы формирования кластера. Первостепенные заключаются: в ориентире на создание энергетических продуктов из местных ресурсов, невозобновляемого и возобновляемого характера; в комплексном подходе по формированию производств в освоении местных ресурсов и их переработки; в создании системы, направленной на реализацию кластерного подхода и влияющей на общую инфраструктуру, позволяющей определить экономическую заинтересованность предприятий, входящих в кластер; в ориентации на создание инновационной расширенной номенклатуры товарной продукции.

Представлен механизм функционирования биотехнологического кластера в виде четырех элементов регулирования: саморегулирования, государственного регулирования, регулирования советом директоров и научно-техническим советом. В работе приведена условная схема взаимодействия участников биотехнологического кластера Республики Башкортостан, способствующая созданию и увеличению инновационного ассортимента

товарной продукции. В работе представлены формы, методы, инструменты механизма регулирования и планируемые результаты деятельности данного кластера.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, биотехнологический кластер, компании нефтегазовой промышленности, механизм функционирования, регулирование.

MMECHANISM OF BIOTECHNOLOGICAL CLUSTER FUNCTIONING OF REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

The article discusses the prerequisites for the development of renewable energy by transnational oil and gas companies. In particular, such companies may become the core of the biotechnological cluster of the Republic of Bashkortostan, where there are prospects for the production of an extended range of commercial products, including energy based on biomass. The innovative biotechnological cluster of the Republic of Bashkortostan will contribute to the reduction of CO₂ emissions, a balanced development of the region, and an increase in the socio-economic standard of living of the population.

The share of renewable energy in the world is growing. In addition to companies specializing in the above energy sector, multinational companies in the oil and gas industry like Total, Shell, Statoil are highly interested. Despite the slight interest, Russian transnational companies such as PJSC LUKOIL, PJSC Gazprom and PJSC NK Rosneft are participating in various projects aimed at developing the renewable energy sector.

Existing clusters of renewable energy sources from countries such as Sweden, Austria, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and Australia are analyzed.

The principles of cluster formation are determined. The primary ones are: to focus on the creation of energy products from local resources of a non-renewable and renewable nature; in an integrated approach to the formation of production in the development of local resources and their processing; in creating a system aimed at implementing the cluster approach and affecting the overall infrastructure, allowing to determine the economic interest of enterprises within the cluster; in the orientation towards the creation of an innovative, expanded product range.

The mechanism of functioning of the biotechnological cluster is presented in the form of four elements of regulation: self-regulation, state regulation, regulation by the board of directors and the scientific and technical council. The paper presents a conditional scheme of interaction between the participants of the biotechnological cluster of the Republic of Bashkortostan, contributing to the creation and increase of the innovative range of commercial products. The paper presents the forms, methods, tools of the regulatory mechanism and the planned results of activities of this cluster.

Key words: renewable energy sources, biotechnology cluster, oil and gas companies, functioning mechanism, regulation.

В связи с сокращением доказанных запасов традиционной нефти достаточно сложно определить перспективы развития энергетического потенциала как региона, так и страны в целом. С одной стороны, ориентир использования природных энергетических ресурсов, таких как нефть и газ, предполагает высокие риски зависимости от невозобновляемых источников углеводородного сырья в будущем. Однако разработка Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года, согласно работе [1], предполагает усиленную отраслевую диверсификацию экономики региона, направленную на увели-

чение не сырьевой и не энергетической составляющей, а на расширение такого сектора, как туризм. По итогам 2016 года, основная доля промышленного производства в республике приходится на производство нефтепродуктов (рисунок 1) [2].

В Республике Башкортостан, где сосредоточен технологический, научный и образовательный потенциал в области освоения и переработки углеводородов, такая диверсификация может отрицательно сказаться на развитии энергетического сектора в будущем.

Энергетический сектор в регионе может быть представлен как совокупность традици-

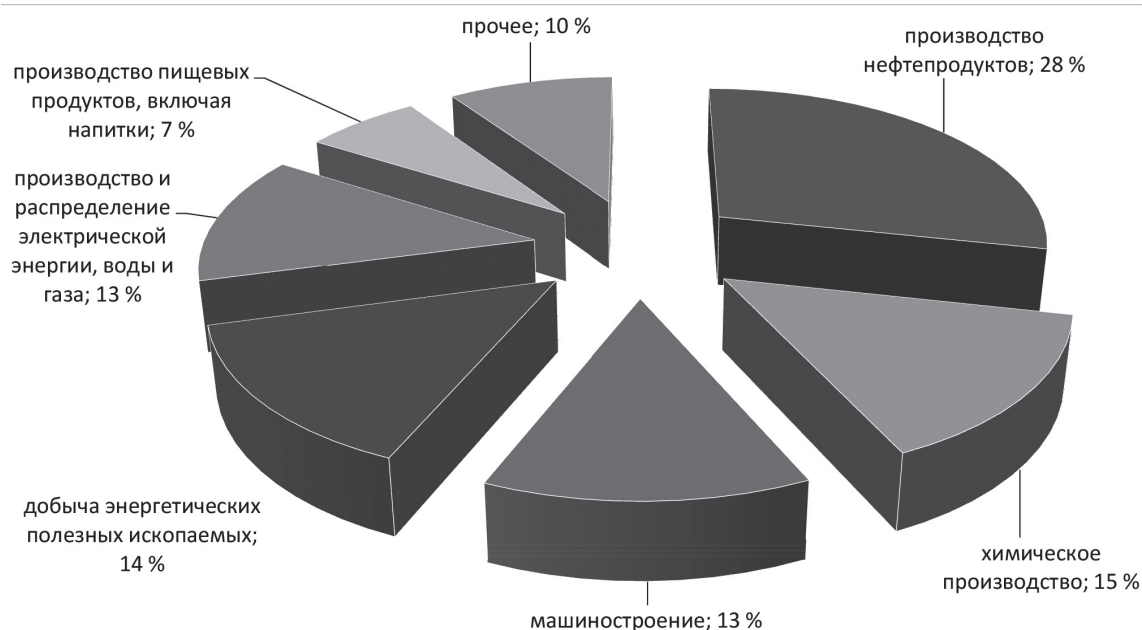

Рисунок 1. Доля отгруженной продукции промышленного производства на территории Республики Башкортостан за 2016 год

онных источников энергии, так и возобновляемых источников энергии (далее ВИЭ). Инновационный биотехнологический кластер, способствующий развитию ВИЭ, может обеспечить в будущем производство энергетических продуктов, таких как биодизель, биоэтанол; производство электроэнергии и тепла; энергосбережение; эффективное использование электроэнергии; способствовать снижению выбросов CO₂; сбалансированному развитию территории региона; повышению социально-экономического уровня жизни населения.

В связи с этим определена цель исследования — разработать механизм функционирования биотехнологического кластера, способствующего развитию энергетического сектора на основе ВИЭ на территории Республики Башкортостан. Исходя из поставленной цели сформулированы следующие задачи:

- определить предпосылки развития ВИЭ транснациональными компаниями нефтяной и газовой промышленности;
- выполнить анализ существующих механизмов функционирования кластеров ВИЭ;
- разработать механизм функционирования биотехнологического кластера на территории Республики Башкортостан.

1. Предпосылки развития ВИЭ транснациональными компаниями нефтяной и газовой промышленности

Доля ВИЭ в мире растет [3]. Так, на рисунке 2 представлен график анализа и прогноза акций компаний, занимающихся ВИЭ по направлениям деятельности (электроснабжение, теплоснабжение, транспортный сектор).

Из рисунка 2 видно, что прогнозируется рост акций компаний ВИЭ в большей части в электроснабжении, а в теплоснабжении и транспортном секторе рост акций остается на низком уровне.

На рисунке 3 представлен сравнительный анализ ВИЭ, а именно — получение энергии посредством био-, гидро-, геотермальных источников, а также энергии ветра и солнца.

Из рисунка 3 видно, что энергия, полученная посредством переработки биомассы, является лидером среди ВИЭ, в будущем ожидается освоение солнечной энергии и развитие ветроэнергетики.

Однако бурный рост наблюдается не только у компаний, специализирующихся на ВИЭ. Как минимум три транснациональные компании нефтяной и газовой промышленности, такие как Total, Shell и Statoil, успешно развиваются, придерживаясь стратегии диверсификации, а именно, участвуя в раз-

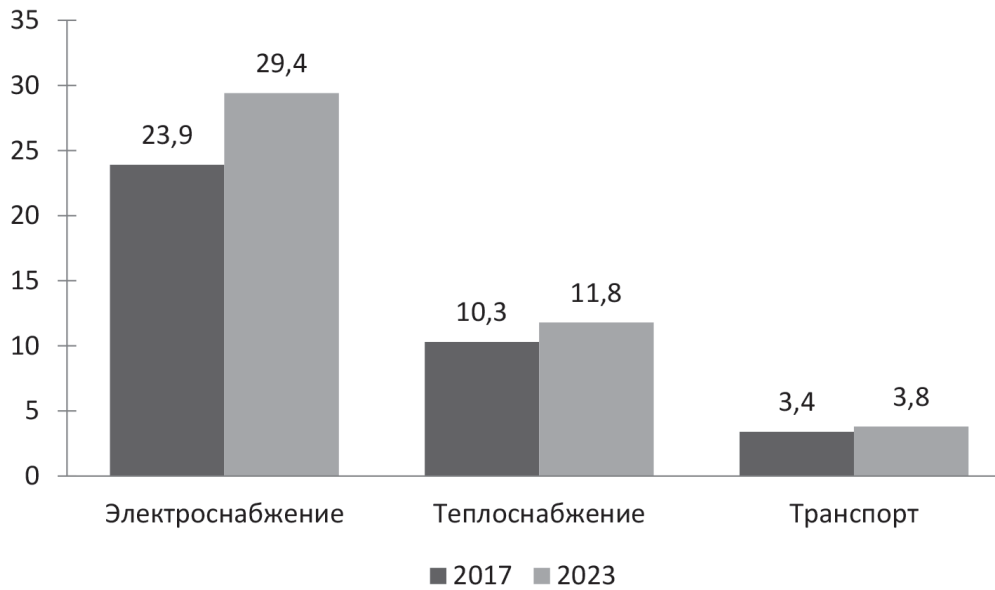

Рисунок 2. График анализа и прогноза акций компаний, занимающихся ВИЭ

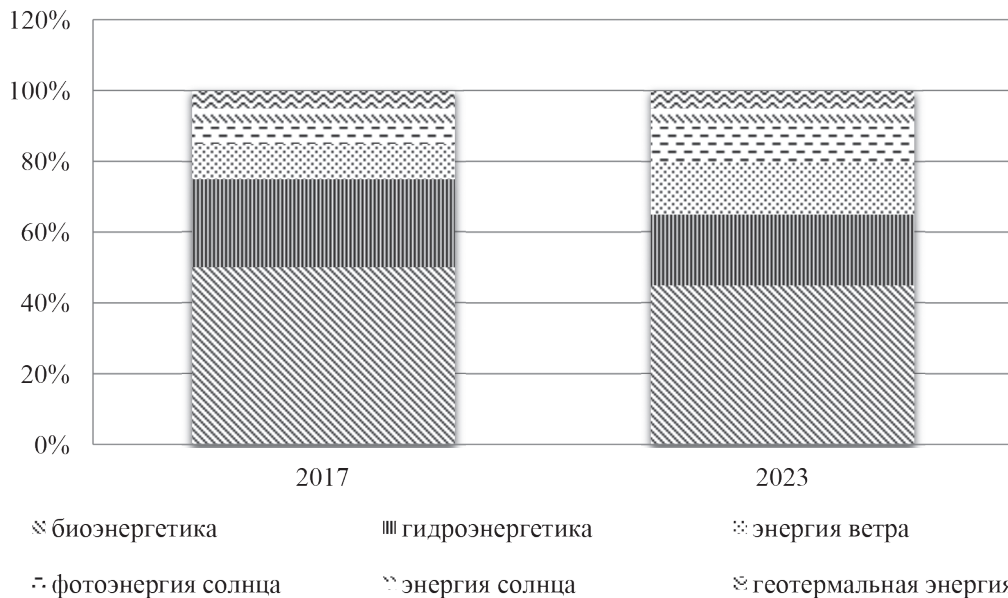

Рисунок 3. Сравнительный анализ ВИЭ в период с 2017 по 2023 гг.

личных инвестиционных программах, направленных на развитие ВИЭ. В работе [4] представлен сравнительный анализ проектов ВИЭ, реализуемых вышеперечисленными предприятиями и российскими транснациональными предприятиями ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «Газпром», ПАО НК «Роснефть». По результатам этого анализа сделан вывод, что лидером диверсификации является компания Total, которая располагает всеми звеньями производственной цепочки в сфере солнечной энергетики, а также уделяет большое внимание производству биотоплива. Например, во Франции в городе Марсель под

руководством компании нефтеперерабатывающий завод был перепрофилирован в биоперерабатывающий [5]. В свою очередь, компания Shell активно развивает производство биотоплива, а также инвестирует в солнечную и ветроэнергетику. Компании принадлежит 50 % акций Бразильской компании Raizen, которая является крупнейшим производителем этанола из сахарного тростника. Норвежская компания Statoil активно инвестирует в строительство ветроэлектростанций на шельфе. По сравнению с зарубежными партнерами российские компании значительно меньше уделяют внимание ВИЭ.

Стоит отметить, что компания ПАО «ЛУКОЙЛ» участвовала в инвестиционных проектах ВИЭ (ветроэнергетика) в Болгарии и Румынии, компания «Газпром» развивает ВИЭ (ветроэнергетика) в Сербии, компания ПАО НК «Роснефть» реализует проект в сфере ВИЭ, а именно — установку ветрогенераторов со встроенными солнечными панелями на территории Краснодарского края Российской Федерации.

Таким образом, учитывая положительные перспективы развития ВИЭ и уменьшение доказанных запасов традиционной нефти, можно предположить, что будущее энергетического сектора за энергетическими холдингами, ядром которых станут международные транснациональные компании, отдающие предпочтение диверсификации, а именно — развитию альтернативных источников энергии, таких как солнечная, ветро- и биоэнергетика, а также поискам новых способов повышения нефтеотдачи углеводородных пластов.

2. Анализ существующих механизмов функционирования кластеров ВИЭ

В настоящее время ВИЭ находятся в центре перехода от традиционных, природных источников энергии к менее энергоемкой и более устойчивой энергетической системе. Как показывает практика, в последнее время происходит быстрый рост акций предприя-

тий ВИЭ, резко сокращаются затраты на выработку солнечной фотоэлектрической энергии, и в частности энергии ветра. Электроэнергетический сектор остается самым ярким местом ВИЭ с экспоненциальным ростом фотоэнергетической энергии и ветра в последние годы и наращиванием значительного вклада в электроэнергетику. Но на электроэнергетику приходится только пятая часть мирового потребления энергии, и роль ВИЭ в транспортном и отопительном секторах остается критической для перехода к энергопотреблению [5]. Несмотря на пессимистический прогноз развития транспортного сектора, применение ВИЭ на основе биомассы остается актуальным. Так, на рисунке 4 представлена крупноблочная технологическая схема производства ВИЭ на основе биомассы.

В Республике Башкортостан сосредоточен уникальный комплекс нефтехимических и нефтеперерабатывающих заводов, который обеспечивает рост валового внутреннего продукта (ВВП) региона. В связи с истощением материковых месторождений традиционной нефти, началом добычи сланцевой нефти и освоения шельфовых месторождений, а также вводом новых нефтеперерабатывающих заводов на территории РФ, республика может оказаться в зоне риска.

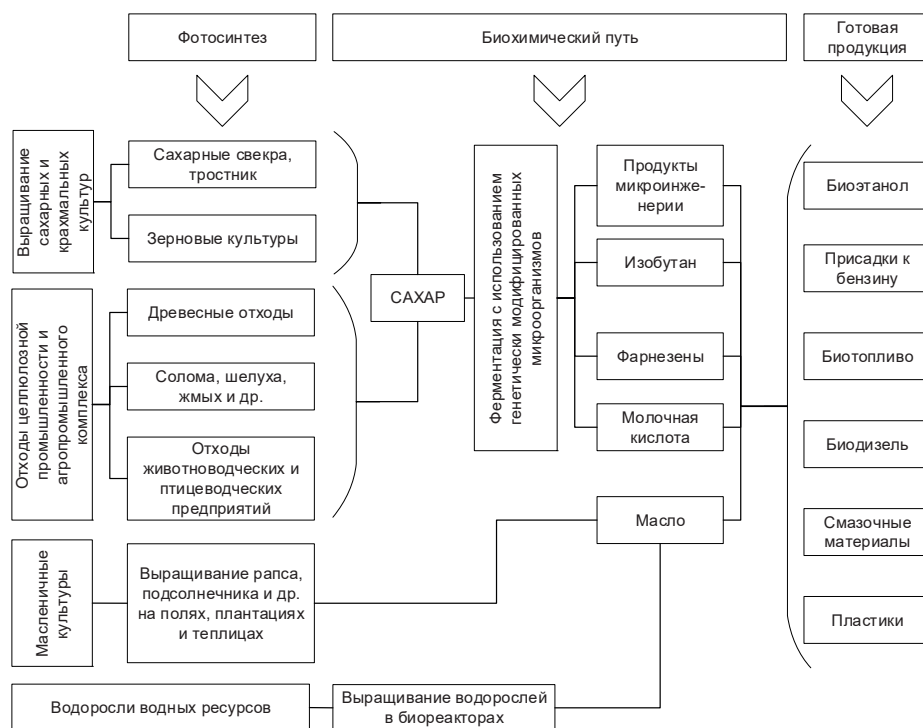

Рисунок 4. Технологическая схема производства ВИЭ на основе биомассы

В настоящее время объединение в форме биотехнологического кластера, ядром которого могут выступать компании нефтегазового и энергетического комплекса, позволит в будущем осуществить безопасный и эффективный переход к энергопотреблению и обеспечить высокий рост ВВП в регионе. В то же время малый и средний бизнес будет поддерживать ядро, способствующее развитию альтернативных источников энергии [6].

Проекты кластеров возобновляемых источников энергии таких стран, как Австрия, Швеция, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, приведены в работе [7].

Австрийский кластер создан в 1999 году для устойчивого развития энергетики. Деятельность кластера направлена на развитие рынка в области солнечной энергии и биомассы, низкого энергопотребления зданий и на финансирование третьей стороны. Функционирование кластера направлено на повышение проникновения на рынок специфических технологий или на принятие решения в выбранном сегменте. Кроме того, осуществляются значительные мероприятия в области поддержки экспорта, а также проводятся научные исследования и разработки в данной области.

Кластер Швеции разработал ряд проектов по поддержке рынка ВИЭ, а именно — использование древесных гранул, производство обогревательных приборов, работающих на энергии солнца. Эффективная деятельность кластера заключается в развитии рынка коммуникаций и информации для конкретных целевых групп; в оказании помощи участникам кластера в их стремлении развивать свою компетентность; в обмене опытом и знаниями между компаниями; в продвижении регионов и компаний на международном уровне с целью привлечения потенциальных деловых партнеров и выполнения экспортной поддержки деятельности; во внедрении общих проектов, инициированных членами кластера. Высокое качество выпускаемой продукции характеризует результат деятельности кластера — это технологическое оборудование для производ-

ства биоэнергии, отопительных приборов, солнечных отопительных приборов, солнечных отопительных систем, а также фотоэлектрических установок. Предоставляются услуги в технической и коммерческой областях, направленных на развитие рынка, инвестиционного капитала и финансовых решений для технологии «зеленой» энергии.

В отличие от кластеров ВИЭ Австрии и Швеции, кластер Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии рассматривается в качестве экспериментальной региональной схемы для объединения некоторых основных участников со стороны отрасли и государственного сектора с целью выработки единого подхода. По форме развития выделяется три типа кластера: географический кластер; кластер системы линейной поставки; реальный промышленный кластер. Результатом деятельности кластера является увеличение числа предприятий, групп, советов, производящих либо пытающихся производить энергию из ВИЭ.

Опыт развития кластера ВИЭ в Австралии [8] показывает, что, несмотря на историческое развитие ВИЭ (производство первых солнечных горячих водонагревателей — 1949 г., производство солнечных фотоэлементов — 1976 г.), выход инноваций остается низким, а компании сталкиваются со значительными трудностями в коммерциализации и развитии технологий в Австралии. Небольшое население и изоляция страны налагают дополнительные ограничения, такие как потенциал рынка для новых идей, увеличение транспортных расходов и отсутствие экспортной ориентации. Кроме того, в Австралии мало развитых кластеров, большая часть из которых зависима от природных ресурсов, а не от созданного национального достояния.

Кроме того, правительства многих стран поддерживают производителей ВИЭ, предоставляя им широкий спектр преференций. Основными формами такой поддержки являются субсидии и кредиты по низким процентным ставкам; гарантии по банковским ссудам; установление фиксированных закупочных цен на энергию, вырабатываемую на

основе ВИЭ; освобождение от уплаты налога на часть прибыли, инвестируемой в нетрадиционную энергетику; предоставление режима ускоренной амортизации; финансирование НИОКР в области нетрадиционной энергетики. Кроме того, освоение ВИЭ мотивирует меры, связанные с государственным регулированием и стандартизацией технологических процессов в энергетике, а также такие инструменты экологической политики, как плата за загрязнение окружающей среды, за выброс парниковых газов и другие «зеленые» налоги [9].

Согласно работе [10], наиболее быстрый рост ВИЭ отмечается в Китае, США, Германии, Испании, Италии, Индии и др. В Германии они уже составляют порядка 20 %. Автор пишет: «По мнению академика Ж.И. Алферова, к середине XXI в. будут получены новые наноматериалы для фотоэнергетики, которые смогут обеспечить человечество дешевой электроэнергией за счет прямого преобразования солнечной энергии».

В заключении данного раздела отметим, что потребление ВИЭ в мире без учета гидроэнергетики и традиционного использования биомассы к 2040 году может возрасти в 5–6 раз по отношению к 2017 году [11].

3. Механизм функционирования биотехнологического кластера на территории Республики Башкортостан

Для четкого понимания механизма функционирования биотехнологического кластера автор работы [12] определяет необходимость принципов формирования кластера, а именно:

— ориентир на создание энергетических продуктов из местных ресурсов, невозобновляемого и возобновляемого характера;

— комплексный подход в формировании производств освоения местных ресурсов и их переработки;

— создание системы, способствующей реализации кластерного подхода и влияющей на общую инфраструктуру, определяющую экономическую заинтересованность предприятий, входящих в кластер;

— ориентация на создание инновационной расширенной номенклатуры товарной продукции;

— реализация ввода новых мощностей и предприятий этапами;

— ориентация на взаимосвязи с другими отраслями народного хозяйства;

— включение в программу стратегического территориального развития региона;

— создание единого органа управления кластером под руководством высших должностных лиц предприятий ядра кластера, а также представителей органов регионального управления, научных и образовательных учреждений;

— опережающее развитие кадрового потенциала кластера, способствующего созданию биотехнологического кластера Республики Башкортостан.

Механизм функционирования биотехнологического кластера можно представить в виде системы форм, методов и инструментов, посредством которых происходит взаимодействие организаций и предприятий по производству и реализации биоэнергетической и сопутствующей продукции.

Механизм функционирования биотехнологического кластера, согласно работе [13], можно представить как совокупность механизмов саморазвития и внешнего регулирования.

Следовательно, механизм инновационного биотехнологического кластера Республики Башкортостан можно представить в виде объединения механизмов: саморазвития, государственного регулирования, регулирования научно-техническим советом и советом директоров.

Механизм саморазвития биотехнологического кластера Республики Башкортостан представлен в таблице 1.

К механизму внешнего регулирования автор работы [13] относит механизмы государственного регулирования и экспертного сообщества. В биотехнологическом кластере Республики Башкортостан внешнее регулирование может быть представлено, помимо механизма государственного регулирования, механизмами регулирования научно-технического совета и совета директоров [14].

В таблице 2 представлен механизм государственного регулирования биотехнологического кластера Республики Башкортостан.

В таблице 3 представлен механизм регулирования научно-технического совета биотехнологического кластера Республики Башкортостан.

В таблице 4 представлен механизм регулирования биотехнологического кластера Республики Башкортостан советом директоров.

Таблица 1. Механизм *саморазвития* биотехнологического кластера Республики Башкортостан

<i>Формы</i>	<i>Методы</i>	<i>Инструменты</i>
— миссия; — стратегия развития; — программы реализации; — планы; — договора о сотрудничестве (намерениях)	— координация работы участников; — интеграция предприятий и организаций; — вовлечение новых участников	— ценообразование; — скидки; — процентные ставки по кредитам и лизинговым платежам; — девелопмент и редевелопмент; — аутсорсинг
<i>Планируемые результаты</i>		
— разработка, согласование и утверждение стратегии развития в области ВИЭ; — заключение договоров о намерениях, сотрудничестве с целью реализации программ развития ВИЭ; — поддержание способностей членов кластера развивать компетенции в области ВИЭ, обмен опытом и знаниями между компаниями; — вовлечение новых участников кластера, заинтересованных в области развития энергоэффективности и энергосбережения; — развитие внутреннего рынка ВИЭ и мероприятия, направленные на развитие в области поддержки экспорта; — создание новых рабочих мест, привлечение в инновационные процессы в первую очередь молодежи.		

Таблица 2. Механизм *государственного регулирования* биотехнологического кластера Республики Башкортостан

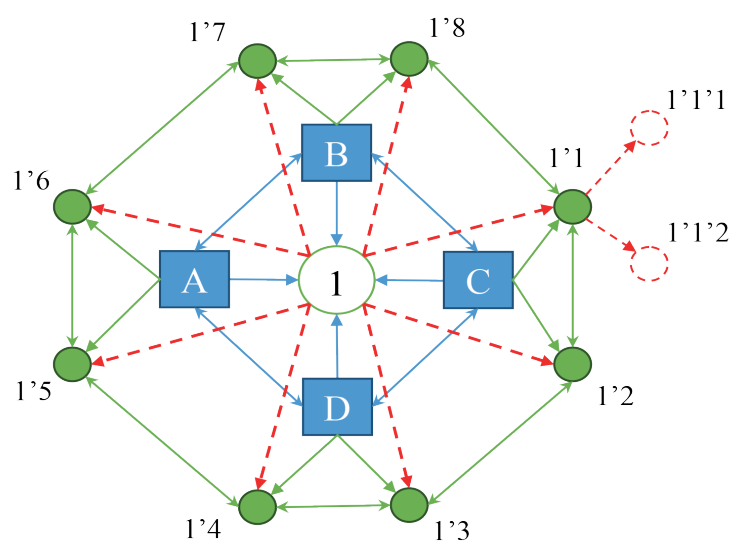
<i>Формы</i>	<i>Методы</i>	<i>Инструменты</i>
— стратегия развития территории; — программы развития кластера; — договора о сотрудничестве (намерениях)	— административные; — экономические прямые; — экономические косвенные; — социально-психологические	— общие: налоговой, денежно-кредитной политики; самофинансирование лизинга; государственное инвестирование; создание инфраструктуры коллективного пользования; — специальные: гарантии при изменении погодных условий (урожайный год / неурожайный год)
<i>Планируемые результаты:</i>		
— разработка, согласование и утверждение стратегии развития в области ВИЭ; — заключение договоров о намерениях, сотрудничестве с целью реализации программ развития ВИЭ; — предоставление налоговых льгот и каникул; — организация проведения различных мероприятий в форме совещаний и тренингов по внедрению инноваций в реальный сектор экономики; — издание пособий с целью вовлечения новых участников кластера, поддерживающих программы развития ВИЭ и программы энергоэффективности и энергосбережения; — предоставление бюджетных субсидий на реализацию конкретных программ по развитию ВИЭ.		

Таблица 3. Механизм *регулирующего* биотехнологического кластера Республики Башкортостан научно-техническим советом

<i>Формы</i>	<i>Методы</i>	<i>Инструменты</i>
— программы научных исследований; — программы подготовки кадров; — консультирование; — договора о сотрудничестве (намерениях)	— выработка приоритетов развития биотехнологического кластера	— аутсорсинг; — ценообразование; — скидки
<i>Планируемые результаты:</i>		
— разработка, согласование и утверждение стратегии развития в области ВИЭ; — заключение договоров о намерениях, сотрудничестве с целью реализации программ развития ВИЭ; — предоставление патентов на изобретение, патентов на полезную модель, научных, исследовательских разработок в области ВИЭ; — участие в различных мероприятиях в форме совещаний и тренингов по внедрению инноваций в реальный сектор экономики; — активное сотрудничество с производственными площадками и корректировка проектов, связанных с внедрением в массовое производство; — организация конференций, направленных на совершенствование развития ВИЭ; — повышение публикационной активности, направленной на развитие ВИЭ.		

Таблица 4. Механизм регулирования биотехнологического кластера Республики Башкортостан *советом директоров*

Формы	Методы	Инструменты
— программы подготовки кадров; — консультирование; — договора о сотрудничестве (намерениях)	— принятие и реализация приоритета развития кластера	— ценообразование; — скидки; — процентные ставки по кредитам и лизинговым платежам
<i>Планируемые результаты:</i>		
разработка, согласование и утверждение стратегии развития в области ВИЭ; — заключение договоров о намерениях, сотрудничестве с целью реализации программ развития ВИЭ; — предоставление производственных площадок для научно-исследовательской деятельности в области ВИЭ; — создание на производственных площадках лабораторий, способствующих эффективному внедрению новых технологий и материалов для развития ВИЭ.		

Рисунок 5. Схема взаимодействия участников для создания инновационного ассортимента товарной продукции

На рисунке 5 представлена условная схема взаимодействия участников хозяйствующих субъектов различных отраслей народного хозяйства, где

— **1** — объединяющий товарный продукт;

— **A, B, C, D** — хозяйствующие субъекты различных отраслей народного хозяйства;

— продукция первого уровня **1'1; 1'2; 1'3; 1'4; 1'5; 1'6; 1'7; 1'8** — это выпускаемая номенклатура товарной продукции хозяйствующих субъектов;

— инновационный ассортимент товарной продукции второго уровня получается в результате технического, технологического, инновационного взаимодействия объединяющего товарного продукта хозяйствующих субъектов и ассортимента товарной продукции первого уровня — **1'1'1; 1'1'2** и т.д.

В работе рассматриваются предпосылки формирования биотехнологического кла-

стера Республики Башкортостан, потенциальными участниками которого могут выступать предприятия нефтегазоперерабатывающей и нефтегазохимической промышленности, предприятия агропромышленного и машиностроительного комплекса, а также научно-исследовательские центры, вузы региона. Республика обладает резервом пахотных земель, животноводческими предприятиями и птицефабриками, а также деревоперерабатывающими предприятиями, урожай и отходы которых могут стать сырьем для производства энергии на основе биомассы.

Выводы

— Можно предположить, что будущее при сокращении доказанных запасов традиционной нефти и относительно высокой динамике развития ВИЭ за транснациональными энергетическими компаниями и предприятиями нефтяной и газовой промышленности, которые в настоящее время отдают

предпочтение диверсификации в пользу развития альтернативных источников энергии, таких как солнечная, ветро- и биоэнергетика; актуальным в дальнейшем остаётся также поиск путей повышения нефтеотдачи пласта, разработка новых способов добычи и переработки тяжелых и сланцевых нефтей.

— Анализ кластеров ВИЭ показал эффективность создания инновационной номенклатуры товарной продукции, в частности оборудования для производства альтернативной энергии.

— Объединение в форме биотехнологического кластера Республики Башкортостан, ядром которого могут выступать компании нефтегазового и энергетического комплекса,

и поддержка со стороны малого и среднего бизнеса, что в совокупности позволит в будущем осуществить безопасный и эффективный переход к энергопотреблению на основе альтернативных источников энергии и тем самым сохранить регион с высоким ростом ВВП.

— Механизм функционирования биотехнологического кластера представлен в виде четырех составляющих: саморегулирования, государственного регулирования, регулирования советом директоров и научно-техническим советом. Механизм регулирования кластера представлен в виде набора форм, методов и инструментов, позволяющих способствовать эффективному развитию ВИЭ на территории Республики Башкортостан.

Список литературы

1. Новиков С. Долгосрочные ориентиры развития Республики Башкортостан // Метод. 2018. № 3. С. 44–46.

2. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 20 декабря 2018 года № 624. Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года.

3. Международное энергетическое агентство. URL: <https://www.iea.org/Russian> (дата обращения: 25.01.2019).

4. Алиев Р.А., Захарчева К.С. Предпосылки и сравнительный анализ развития возобновляемых источников энергии нефтегазодобывающими компаниями // Вестник Евразийской науки. 2018. № 3. Том 10. URL: <https://esj.today/PDF/46ECVN318.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).

5. Biomass Meeting the Biotechnology Challenge // Total. 2014. 16 p. URL: <https://www.total.com/sites/default/files/atoms/file/total-biomass.pdf> (дата обращения: 15.12.2018).

6. Бояринов А.Ю., Теслюк Л.М., Дукмасова Н.В. Возобновляемые источники энергии как инструмент развития малого и среднего бизнеса в России // Инновационное развитие экономики. 2018. № 3 (45). С. 21–29.

7. Нго Ань Туэт. Формирование модели энергетического кластера для возобновляемых источников энергии во Вьетнаме // Экономическая наука сегодня: сборник науч-

ных статей / Пред. редкол. С.Ю. Солодовников. Минск: БНТУ, 2017. Вып. 5. С. 421–434.

8. Ju-Hon Kwek, Clare O’Neil, Alex Satchcroft, Thomas Vogt. The Australian Renewable Energy Cluster, 2008, 33 p. URL: https://www.isc.hbs.edu/resources/courses/moc-course-at-harvard/Documents/pdf/student-projects/Australian_Renewable_Energy_2008.pdf (дата обращения: 05.01.2019).

9. Тарасов А.П. Стимулирование освоения нетрадиционных возобновляемых источников энергии: мировые тенденции и Россия // Экономика и управление. Экономические науки. 2009. №5 (54). С. 176–178.

10. Нигматуллин Р.И. 4 Э нашей жизни: экология, энергетика, экономика этнос. М.: ЛитТерра, 2015. 112 с.

11. Новые энергетические прогнозы // Энергетический бюллетень. 2018. Вып. 66. 28 с. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/19857.pdf> (дата обращения: 12.12.2019)

12. Белков С.А. Инструменты формирования биотехнологического сектора промышленности в регионе: дисс. ... канд. экон. наук. Красноярск, 2010. 195 с.

13. Исупов А.М. Совершенствование механизма функционирования авиастроительных кластеров: дисс. ... канд. экон. наук. Оренбург, 2014. 225 с.

14. Валиев Ш.З., Исаева Н.В., Федорова О.А. Инновационный биотехнологический кластер как инструмент территориального развития Республики Башкортостан //

Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: экономика. 2018. № 1 (23). С. 28–36.

References

1. Novikov S. Dolgosrochnye orientiry razvitiya Respubliki Bashkortostan [Long-Term Development Guidelines of The Republic of Bashkortostan]. *Metod — Method*, 2018, No. 3, pp. 44–46. [in Russian].
2. *Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan ot 20 dekabrya 2018 goda № 624. Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Bashkortostan na period do 2030 goda* [Resolution Of the Government of The Republic of Bashkortostan of December 20 2018 № 624. Strategy of Social and Economic Development of The Republic of Bashkortostan for The Period up to 2030]. [in Russian].
3. International Energy Agency. Available at: <https://www.iea.org/Russian> (accessed 25.01.2019). [in Russian].
4. Aliev R.A., Zakharcheva K.S. Predposylki i sravnitel'nyi analiz razvitiya vozobnovlyaemykh istochnikov energii neftegazodobyvayushchimi kompaniyami [Factors and Comparative Analysis of Renewable Energy Development Oil and Gas Companies]. *Vestnik Evrazijskoj nauki — The Eurasian Scientific Journal*, 2018, No. 3, Vol. 10. Available at: <https://esj.today/PDF/46ECVN318.pdf> (accessed 10.01.2019). [in Russian].
5. Biomass Meeting the Biotechnology Challenge // Total, 2014, 16 p. Available at: <https://www.total.com/sites/default/files/atoms/file/total-biomass.pdf> (accessed: 15.12.2018).
6. Boyarinov A.Yu., Teslyuk L.M., Dukmasova N.V. Vozobnovlyaemye istochniki energii kak instrument razvitiya malogo i srednego biznesa v Rossii [Renewable Energy Sources as a Tool for The Development of Small and Medium-Sized Businesses in Russia]. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki — Innovative development of economy*, 2018, No. 3 (45), pp. 21–29. [in Russian].
7. Ngo An' Tuet. Formirovanie modeli energeticheskogo klastera dlya vozobnovlyaemykh istochnikov energii vo V'etname [Formation of The Energy Cluster Model for Renewable Energy Sources in Vietnam]. *Sbornik nauchnykh statei «Ekonomicheskaya nauka segodnya»* [Collection of Scientific Articles «Economic Science Today»]. Minsk, BNTU Publ., 2017, No. 5, pp. 421–434. [in Russian].
8. Ju-Hon Kwek, Clare O'Neil, Alex Satchcroft, Thomas Vogt. The Australian Renewable Energy Cluster, 2008, 33 p. Available at: https://www.isc.hbs.edu/resources/courses/moc-course-at-harvard/Documents/pdf/student-projects/Australian_Renewable_Energy_2008.pdf (accessed: 05.01.2019).
9. Tarasov A.P. Stimulirovanie osvoeniya netraditsionnykh vozobnovlyaemykh istochnikov energii: mirovye tendentsii i Rossiya [Promotion of Non-Traditional Renewable Energy Sources: Global Trends and Russia]. *Ekonomicheskie nauki — Economic sciences*, 2009, No. 5 (54), pp. 176–178. [in Russian].
10. Nigmatullin R.I. *4 E nashei zhizni: ekologiya, energetika, ekonomika etnos* [4 E of Our Life: Ecology, Energy, Economy, Ethnos]. Moscow, LitTerra, 2015, 112 p. [in Russian].
11. Novye energeticheskie prognozy [New Energy Forecasts]. *Energeticheskii byulleten'*, 2018, Issue 66. 28 p. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/19857.pdf> (accessed: 12.12.2019). [in Russian].
12. Belkov S.A. *Instrumenty formirovaniya biotekhnologicheskogo sektora promyshlennosti v regione: diss. kand. ekon. nauk.* [The Formation of The Biotechnology Industry in The Region: Cand. Econ. Sci.]. Krasnoyarsk, 2010. 195 p. [in Russian].
13. Isupov A.M. *Sovershenstvovanie mekhanizma funktsionirovaniya aviastroitel'nykh klasterov: diss... kand. ekon. nauk.* [Improvement of The Functioning of The Aviation Cluster: Cand. Econ. Sci.]. Orenburg, 2014. 225 p. [in Russian].
14. Valiev Sh.Z., Isaeva N.V., Fedorova O.A. Innovatsionnyi biotekhnologicheskii klaster kak instrument territorial'nogo razvitiya Respubliki Bashkortostan [Biotechnological Clusters as a Tool for Innovative Territorial Development of The Republic of Bashkortostan]. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: ekonomika — Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy*, 2018, No. 1 (23), pp. 28–36. [in Russian].

Галимова М. П.

Galimova M. P.

*кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономика предпринимательства»,
Институт экономики и управления,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный
технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 658.3

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-27-37

ГОТОВНОСТЬ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ К ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ДРАЙВЕРЫ И БАРЬЕРЫ

В статье представлены результаты анализа готовности российских предприятий к цифровой трансформации. Показано, что цифровые трансформации неизбежны, и для выбора направления трансформации необходимо оценить уровень готовности к цифровым преобразованиям. На основе кейсов предприятий и анализа исследований и опросов были выявлены ключевые драйверы и барьеры. Также определены основные направления трансформации. Ключевыми были определены организационные трансформации, которые на данный момент недооцениваются предприятиями, акцентирующими внимание на технологическом обновлении. К элементам организационных трансформаций отнесены цифровая культура, лидерство и лидерские компетенции, бизнес-модели, стратегии, управление, кадры (люди), коммуникации. Показано, что российские предприятия в большинстве не готовы к прорывной цифровизации. Ключевой причиной являются противоречия между стратегическими целями и текущими задачами предприятия, несоответствия организационной структуры и бизнес-модели характеру проводимых преобразований. Отмечено, что глобальные оценки цифровой готовности России не всегда коррелируют с оценками пользователей, что показывает несовершенство методик оценки цифровой готовности, с одной стороны, и показывает резервы для развития, с другой стороны. Выявлено, что российские предприятия не видят глобальных возможностей цифровой трансформации и не готовы к интеграции во внешнее цифровое пространство. Ключевой причиной является неготовность предприятий к открытым инновациям, которые лежат в основе цифровых преобразований. Полученные в ходе исследования результаты в научном и методическом аспектах позволят уточнить и расширить информационную и оценочную базу существующих методик оценки цифровой готовности предприятий, с практической точки зрения станут основой для выбора направлений цифровой трансформации и разработки стратегических планов и программ.

Ключевые слова: предприятие, цифровая трансформация, цифровая готовность, цифровое производство, кейсы, опросы, бизнес-модель, организационная трансформация.

READINESS OF RUSSIAN ENTERPRISES TO DIGITAL TRANSFORMATION: ORGANIZATIONAL DRIVERS AND BARRIERS

The article presents the results of an analysis of the readiness of Russian enterprises for digital transformation. It is shown that digital transformations are inevitable and to choose the direction of transformation it is necessary to assess the level of readiness for digital transformations. On the basis of case studies and analysis of research and surveys, key drivers and barriers were identified. Also identified the main directions of transformation. The key identified organizational transformations that are currently underestimated by enterprises, focusing on the technological update. Elements of organizational transformations include digital culture, leadership and leadership competencies, business models, strategies, management, personnel (people), and communications. It

is shown that Russian enterprises are mostly not ready for breakthrough digitalization. The key reason is the contradiction between the strategic goals and current objectives of the enterprise, inconsistencies of the organizational structure and business model with the nature of the changes. It was noted that Russia's global assessments of digital readiness do not always correlate with user ratings, which shows the imperfection of digital readiness assessment methodologies, on the one hand, and shows reserves for development, on the other. It is revealed that Russian enterprises do not see global opportunities for digital transformation and are not ready for integration into external digital space. The key reason is the lack of readiness of enterprises to open innovations that underlie digital transformations. The results of the research in the scientific and methodological aspects will clarify and expand the information and evaluation base of existing methods for assessing the digital readiness of enterprises, from a practical point of view, will become the basis for choosing the directions of digital transformation and developing strategic plans and programs.

Key words: enterprise, digital transformation, digital readiness, digital production, cases, polls, business model, organizational transformation.

Принятая в 2017 году программа «Цифровая экономика Российской Федерации» дала старт к переходу отечественных промышленных предприятий на новый цифровой уровень [1]. Этот переход должен носить характер цифрового прорыва. Россия намерена за 15–20 лет войти в группу лидирующих экономик мира за счет цифровых преобразований и развития цифровых конкурентных преимуществ [2]. И хотя по ряду «цифровых» показателей, таких как уровень цифровизации, доля цифровой экономики в валовом внутреннем продукте (ВВП), степень освоения технологий и степень технологического отставания, Россия не входит в группу лидеров, но скорость цифровых преобразований и темпы роста ВВП за счет цифровизации, которые характерны для страны в последние 3–5 лет, показывают реальные возможности решения поставленной государственной стратегической задачи.

Стимулом трансформации является возможность оставаться конкурентоспособными на внутреннем и глобальном рынках. Российские предприятия испытывают дефицит инвестиций в приобретении активов, в том числе и цифровых; испытывают дефицит в новых технологиях при росте объемов интеллектуальных ресурсов, но при низком уровне их коммерциализации, что ведет к нарастанию технологического отставания и не позволяет создавать уникальные продукты, в том числе и цифровые. Российская экономика характеризуется ростом издержек для преодоления рыночных и административных барьеров, а также для установления

связей и контактов с партнерами и потребителями. Как следствие, угроза утраты конкурентных позиций нарастает. Очевидно, что в таких условиях цифровой прорыв затруднен, с одной стороны, с другой стороны, именно он должен стать условием выхода из кризиса.

«Основным драйвером трансформации всегда будет стремление увеличить маржинальность бизнеса, улучшить энергоэффективность, снизить эксплуатационные расходы, а активное использование цифровых технологий и новые методы управления повышают прибыль предприятия в среднем на 26 % относительно конкурентов» [3].

Уникальной особенностью современной цифровой реальности является то, что сама цифровая среда является драйвером развития предприятий и напрямую побуждает их к трансформации. Предприятия «автоматически» встраиваются в цепочки создания ценности различных уровней, в бизнес-модели партнеров за счет развития открытых инноваций, сетевых технологий и новых организационных форм, практически «стирающих» физические границы, заменяя их на виртуальные.

Для определения направлений трансформации предприятия должны понимать уровень технико-технологической готовности и готовности изменять свои бизнес-процессы и подходы к управлению бизнес-процессами.

В мировых исследованиях при оценке цифрового потенциала стран оцениваются критерии: 1) наличие цифровых драйверов и 2) производственно-экономический потенциал [4]. К драйверам цифрового развития относятся:

человеческий потенциал; технологии и инновации; инфраструктура; доступ к глобальной торговле и инвестициям; устойчивое ресурсное обеспечение; внутренний спрос. К показателям уровня экономического потенциала относят: масштабность производства; 2) ком-

плексность производства; 3) структурную связанность отраслей экономики. Сочетание критериев позволяет построить матрицу оценки готовности к переходу к цифровой экономике (рисунок 1) [4].

Высокий уровень развития цифровых драйверов	<i>Высокий потенциал роста</i>	<i>Перспективные лидеры</i>
Низкий уровень развития цифровых драйверов	<i>Аутсайдеры</i>	<i>Промышленное наследие</i>
	Низкий уровень экономического потенциала	Высокий уровень экономического потенциала

Рисунок 1. Матрица оценки готовности к переходу к цифровой экономике

В матрице можно выделить 4 группы стран:

— группа «Перспективные лидеры»: страны с высоким уровнем экономического потенциала и высокой оценкой драйверов цифрового развития;

— группа «Промышленное наследие»: страны с высоким уровнем экономического потенциала, но средние/низкие оценки драйверов цифрового развития;

— группа «Высокий потенциал роста»: хорошие показатели драйверов цифрового развития, низкие значения комплексности и масштабов производства;

— группа «Аутсайдеры»: страны, которые либо утратили свой экономический потенциал, либо только начинают развиваться.

Если говорить о глобальной оценке, то Россия по оценкам World Economic Forum / A.T. Kearney относится к группе «Промышленное наследие», при этом в значительной близости к группе «Аутсайдеры» [4].

По мнению автора, можно транслировать данную тенденцию и на отдельные российские промышленные предприятия и отрасли. Использование такого двухкритериального подхода ставит экономику России и большинство российских промышленных предприятий в «нулевую» точку, когда в зависимости от выбранной стратегии и бизнес-модели можно быстро перейти в группу лидеров, либо в группу аутсайдеров. При этом предприятия и отрасли попадают во все группы, но при этом следует отметить неравномерность развития отраслей и предприятий, которые необходимо учитывать при раз-

работке программ цифровых преобразований.

Для понимания направлений цифровой трансформации необходимо уточнить содержание понятий цифровая экономика или «Индустрия 4.0». Среди множества определений в данной статье выделим определение, что «... индустрия 4.0 может быть обобщена как интегрированный, адаптированный, оптимизированный, ориентированный на обслуживание и совместимый производственный процесс, который коррелирует с алгоритмами, большими данными и высокими технологиями» [5].

Цифровое производство будем рассматривать как «... новое качество предприятия, подразумевающее интеграцию цифровых технологий по всей цепочке создания продукта, включая разработку продукта, создание технологии производства, подготовку производства, само производство и его сервис» [6].

Под цифровой трансформацией будем понимать следующее: «Цифровая трансформация — это нечто гораздо большее, чем просто понимание и внедрение новых технологий. Она стимулирует волну инноваций в бизнес-моделях, продуктах, услугах и внутренних бизнес-процессах, которые могут угрожать выживанию организации. Помимо использования новых технологий, для этого требуются новые способы мышления и ведения бизнеса, новые роли и навыки, новые организационные структуры и операционные модели, а также адаптация к гораздо более быстрым темпам изменений» [7].

В данной статье на основе анализа кейсов предприятий, анализа экспертных мнений,

опубликованных в исследованиях, анализа результатов многочисленных опросов выявлены основные проблемы цифровой трансформации российских промышленных предприятий.

В данной статье показатели оценки готовности анализируются в разрезе требований дорожной карты программы «Цифровая экономика Российской Федерации», которая определяет пять базовых направлений, которые составляют фундамент дальнейшего развития цифровизации: 1) инфраструктура; 2) информационная безопасность; 3) кадры и образование; 4) нормативное регулирование; 5) исследования и разработки.

Основные критерии оценки готовности к цифровой трансформации определены индексом International Digital Economy and Society Index (I-DESI) [8]. Фокусные точки исследования, принятые в мировом сообществе для оценки уровня цифровой готовности, коррелируют с критериями дорожной карты: инфраструктура для цифровых технологий; развитость услуг связи, хранения и передачи информации; развитие человеческого капитала; «цифровизация» бизнеса, включая уровень автоматизации внутренних процессов; информационная безопасность; регуляторная среда и барьеры для развития цифровых технологий.

Исследования, проведенные совместно НАФИ и Сколково, показали следующие результаты. В состав выборки вошли компании из «традиционных» отраслей экономики и высокотехнологичные стартапы, получившие статус участников проекта «Сколково». Такой подход к формированию выборки преследовал две задачи. С одной стороны, сегмент высокотехнологичных стартапов — это среда компаний нового экономического уклада, которые способны выиграть из-за перехода к цифровой экономике и могут формировать точки роста цифровой экономики. С другой стороны, компании «традиционных» секторов сталкиваются с большими рисками при переходе на новую цифровую модель и могут тормозить цифровые трансформации [10].

Согласно проведенному исследованию были получены следующие результаты (таблица 1).

По результатам исследования был сделан вывод, что большинство российских компаний не готовы к цифровой экономике. Основная проблемная зона для обеих групп компаний — низкий уровень развития человеческого капитала и инфраструктуры цифровых преобразований [11, 12]. Недостатком подобного исследования является отсутствие анализа подготовленности организационной структуры предприятий, качества стратегии и бизнес-моделей, способных обеспечить цифровые преобразования.

В целом, в России запущен механизм цифровых преобразований.

Анализ кейсов предприятий показал, что в России на сегодняшний день цифровые решения особенно активно внедряются в нефтегазовой отрасли, горнодобывающей и металлургической промышленности [3, 6, 9, 10, 13]. Успешные пилотные проекты реализуют АО «Хигда», АО «АЛРОСА», ОК «РУСАЛ», АО «Северсталь», АО «ОМК», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Татнефть», ПАО «Роснефть» и другие нефтяные компании. К числу лидеров цифровизации относятся и энергетические компании ПАО «Россети», АО «Томская генерация», ГК «Росатом». Последнее время цифровая активность проявилась и у предприятий обрабатывающей промышленности — предприятия ГК «Ростех» ПАО «ОАК» (Sukhoi Super Jet), ПАО «ОДК» (ОДК — УМПО, ОДК — Сатурн), ПАО «Росвертол», АО «Камов», предприятия АО «Российские космические системы», АО «Вертолеты России». Нарастивают цифровой потенциал предприятия — производители оборудования, машин, транспортных систем АО «ОСК», АО «РЖД», ООО «ПК НЭВЗ», ПАО «КАМАЗ». Цифровизация коснулась и предприятий легкой, текстильной и швейной промышленности, а также продовольственных компаний.

Но наблюдается отраслевая неравномерность.

Таблица 1. Оценка уровня цифровой готовности российских предприятий с учетом требований программы «Цифровая экономика»

Фокусная точка	Результаты оценки
Дорожная карта: Информационная инфраструктура должна обеспечивать доступ государству, бизнесу и гражданам к цифровым услугам и базам знаний	
Инфраструктура для цифровых технологий, уровень развития услуг связи, хранения и передачи информации	1) Широкополосным доступом в Интернет пользуются более 70 % предпринимателей в традиционных компаниях и 90 % высокотехнологичных компаний. Этот показатель сопоставим с мировыми трендами. 2) Уровень использования других услуг по хранению и обработке данных находится на существенно более низком уровне у традиционных компаний. У высокотехнологичных стартапов этот уровень выше. 3) Мобильным интернетом пользуются 52 % традиционных и 85 % высокотехнологичных компаний, серверами и дата-центрами — 33 % и 63 %, а облачными сервисами — 25 % и 66 % соответственно. Эти показатели не соответствуют мировым трендам.
Уровень «цифровизации» бизнеса	1) Около 63 % компаний традиционного бизнеса и 79 % высокотехнологичных стартапов представлены в сети интернет. 2) Меньше 50 % компаний имеют полноценные сайты с детальной информацией о компании, ее продуктах и услугах (43 % среди традиционных и 58 % среди высокотехнологичных компаний). 3) Менее 50 % компаний имеют собственные страницы в социальных сетях или используют цифровые каналы общения в мессенджерах (28 % у традиционного бизнеса и 47 % у высокотехнологичных стартапов). Эти показатели не соответствуют мировым трендам.
Уровень автоматизации внутренних бизнес-процессов	1) Электронный документооборот используют 64 % среди традиционных и 68 % среди высокотехнологичных компаний. 2) Для автоматизации бизнес-процессов компании используют неспециализированные решения с ограниченным набором функций и массивом управленческих решений, доля комплексных ИТ решений не превышает 20–30 %.
Дорожная карта: кадры и образование обеспечивают создание ключевых условий для подготовки специалистов цифровой экономики.	
Дорожная карта: формирование исследовательских компетенций и технологических заделов направлено на создание системы поддержки поисковых, прикладных исследований в области цифровой экономики, обеспечивающей национальную безопасность и технологическую независимость на глобальном уровне.	
Развитие человеческого капитала	1) Уровень владения цифровыми навыками ниже среднего. 2) Российские компании в целом уделяют сравнительно низкое внимание обучению сотрудников в области цифровых технологий. 3) Высокотехнологичные стартапы показывают более высокий уровень активности: образовательные программы в области цифровых технологий внедрены у 33 % респондентов.
Дорожная карта: информационная безопасность обеспечивает достижение состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз.	
Информационная безопасность	1) Менее 20 % компаний столкнулись с информационными атаками, которые повлекли финансовые потери. 2) Более 30 % респондентов оценивают угрозы в области информационной безопасности как вероятные. При этом у компаний нет эффективных технологий противодействия информационным атакам.
Дорожная карта: формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием (цифровой экономики).	
Цифровое государство: услуги и регулирование	Используют различные видов государственных услуг в электронном виде около 53 % компаний из традиционных отраслей и 64 % среди высокотехнологичных стартапов, при этом около 30 % оценивают этот опыт как положительный и лишь 6–7 % — как негативный.

Источник: обобщено автором [1, 8, 9, 10].

«Разница в объеме потребления информационных технологий между промышленным производством и лидерами в этой области — банками, телекоммуникационными компаниями, нефтегазовым бизнесом, конечно, понемногу сокращается последние годы, но недостаточно быстро для того, чтобы можно было

сделать качественный рывок в производственных возможностях нашей страны» [13].

В таблице 2 представлены мнения о проблемах и направлениях цифровой трансформации экспертов, предпринимателей и менеджмента предприятий, переходящих на цифровые модели бизнеса.

Таблица 2. Мнения экспертов и предпринимателей по оценке готовности российских предприятий к цифровой трансформации

Управленческие трансформации
«Для того, чтобы проводить действительно успешную цифровую трансформацию, которая будет оказывать влияние непосредственно на сам бизнес, нужно иметь стратегию цифровой трансформации. Это задача не одного года, и даже не двух лет. Стратегия должна быть расписана как минимум на 5-7 лет, прежде чем приступать к ее реализации».
«Нет пока четкого понимания всех возможностей. Предприятиям необходимо время, чтобы созреть для восприятия «Индустрии 4.0» не как обсуждаемого технологического концепта, а как конкретного инструмента и набора решений именно для их бизнеса».
Организационные трансформации
«Внедрять комплексный подход к цифровизации: переход от концепции «цифрового производства» к «цифровой компании».
«Необходимо рассматривать трансформацию всего бизнеса: от процедуры проектирования новой продукции, материально-технического обеспечения до способов привлечения клиента».
«Лоскутное» внедрение отдельных средств автоматизации еще нельзя назвать цифровой трансформацией. Необходимо представить образ будущего предприятия во всей организованной совокупности технологических и бизнес-процессов, во взаимодействии с рынком, клиентами и партнерами. Это основа создания интегрированного цифрового предприятия».
«Пытаться наложить дигитализацию на существующую структуру и бизнес-модель предприятия не целесообразно. Необходима трансформация организационных структур управления и производства».
Кадровые трансформации
«Для цифровой трансформации нужны специалисты нового поколения — инженеры, воспитанные на технологиях интернета, социальных сетей, смартфонов. Современное инженерное образование вкупе с условиями для развития малого производственного бизнеса дало бы возможность им реализовать свои знания в производственной сфере и позволило бы со временем накопить критическую массу для технологического рывка в России».
«Преодоление сопротивления цифровой трансформации. Часто сотрудники производства противятся и не принимают любые нововведения. И тут уже возникает очень важная задача для государства и бизнеса — мотивировать и доносить правильные знания людям о технологиях и о том, как с ними взаимодействовать, создавать инновационные центры, популяризировать прогресс, показывая его позитивное влияние на качество жизни и не забывать про социальную поддержку тех, кто по вине машин может остаться без работы».
Коммуникационные трансформации
«Привести существующие госстандарты и другие нормативные документы в соответствие с концепцией цифрового производства».
«Со стороны государства одними из основных условий успешной цифровизации видятся развитие государственно-частного партнерства, а также значительное изменение рынка труда в условиях новой цифровой экономики. Речь, прежде всего, идет о высвобождении большого количества рабочей силы и необходимости ее адаптации к новым реалиям».
«Путь в Индустрии 4.0 один — партнерство науки — вузов и эффективных НИИ — и производства. В это партнерство должна войти и фундаментальная наука».

Источник: обобщено автором [3, 6, 9, 10, 13].

В результате опроса выявлено, что предприятия сталкиваются: с достаточно низким уровнем цифровой культуры; с неготовностью лидеров к переходу к цифровым преобразованиям и нежеланием их брать ответственность за возможные цифровые провалы; с недостаточной информационной осведомленностью о цифровых преобразованиях и их эффектах. Также выявлено, что предприятия ограничиваются «локальной дигитализацией» из-за ограниченности бюджетов.

Представляет интерес оценка резервов повышения уровня цифровой готовности с позиций потерь. Именно возможные потери

являются барьерами для эффективной цифровизации. Ряд авторов указывают на следующие потери: 1) информационная неосведомленность, недостаточность и неточность информации, искажения при передаче, что подрывает цифровое доверие и ведет к неверным управленческим решениям; 2) избыточная информация, что ведет к росту издержек ее обработки и лишним информационным шумам; 3) сопротивление человека, связанное с риском потери рабочих мест по причине автоматизации и роботизации, что выражается в низкой мотивации персонала во внедрении цифровых технологий; 4) сопротивление управленческого персо-

нала новым технологиям из-за риска отрицания существующих технологий, из-за невозможности их интеграции; 5) потери из-за локальной оптимизации в интересах узкой группы пользователей, игнорирование глобальной и системного характера цифровых инноваций, что приводит к неэффективности всей цепочки создания ценности; 6) манипулятивное поведение с помощью цифровых технологий; 7) ошибки прогнозирования; 8) технические сбои и отказы технологий и оборудования, то есть неготовность и недостаточный технический уровень для реализации цифровизации [14].

Специалисты указывают, что практическая проблема заключается в том, что внедрение цифровых технологий в производственной деятельности сопровождается рядом особенностей, присущих российской системе управления [14–18]:

— внедрение цифровых инноваций происходит, как правило, локально, часто в формате терминальных проектов, которые не встраиваются в долгосрочную стратегию предприятия. Как правило, это не пионерские решения, а реакция на действия конкурентов или изменения внешней среды, что соответственно снижает их эффективность;

— цифровая трансформация происходит, либо происходит «интуитивно» без использования уроков успешного опыта, либо без учета специфики деятельности предприятий, что приводит к тиражированию типовых решений, не адаптированных под конкретную управленческую ситуацию;

— не учитываются риски внедрения, редко используется система предварительного тестирования инструментов цифровой экономики для выявления потенциальных ошибок и потерь;

— нет системной цифровой стратегии и дорожной карты. Цифровая стратегия является лишь частью корпоративной стратегии или рассматривается как одна из функциональных стратегий, направленная на технологическое обновление. Логика цифровой трансформации требует рассматривать цифровую стратегию как корпоративную и как конкурентную стратегию.

Все это приводит к высоким затратам на внедрение цифровых инноваций в промышленности на начальном этапе, а затем к еще большим затратам на исправление ошибок, допущенных на этапе внедрения технологий [14].

В ходе анализа было выявлено, что российские предприятия не видят глобальных возможностей цифровой трансформации и не готовы к интеграции во внешнее цифровое пространство [19–21]. Ключевой причиной является неготовность предприятий к открытым инновациям, к свободному распространению результатов интеллектуальной деятельности и совместному пользованию активами. Предприятия недооценивают возможности цифровизации как основы интеграции в глобальные цепочки, как основы для территориального и географического расширения бизнеса, как способа совместного использования активов и обеспечение доступа к глобальным активам. Это свидетельствует о том, что цифровые трансформации рассматриваются только на уровне предприятий или холдингов, корпораций, в которые они входят. А ведь именно глобальный эффект способен решить проблемы дефицита квалифицированных кадров или проблемы их избытка, проблемы ресурсных ограничений и привлечения инвестиций.

Выводы

1. Государственная стратегия нацелена на цифровые преобразования в России. Предприятия осознают их неизбежность, как условие обеспечения внутренней и глобальной конкурентоспособности.

2. Российские предприятия по уровню цифровой готовности находятся в критической точке между группой «Лидеры» и группы «Аутсайдеры», и вектор успешности определяют организационные трансформации при переходе к цифровой модели.

3. В России запущен механизм цифровых трансформаций. Следует отметить отраслевую неравномерность цифровизации, связанную с различным уровнем технико-технологической и организационно-экономической готовности.

4. Ресурсные и бюджетные ограничения не позволяют большинству компаний реализовать комплексную цифровизацию, обеспечить переход от «цифрового производства» к «цифровой компании».

5. Российские предприятия в большинстве не готовы к прорывной цифровизации. Ключевой причиной являются противоречия между стратегическими целями и текущими задачами предприятия, несоответствия организационной структуры и бизнес-модели характеру проводимых преобразований.

6. Недостаточно низкий уровень цифровизации связан и с тем, что предприятия акцентируют внимание на технологическом обновлении и внедрении ИКТ и недооценивают организационные аспекты, включающие цифровую культуру, лидерство и лидерские компетенции, качество бизнес-модели и стратегии, управление, кадры (люди), коммуникации.

7. Российские предприятия не видят глобальных возможностей цифровой трансформации и не готовы к интеграции во внешнее цифровое пространство. Ключевой причиной является неготовность предприятий к открытым инновациям, к свободному распространению результатов интеллектуальной деятельности и совместному пользованию активами.

8. При разработке методик оценки цифровой готовности и цифровой зрелости необходимо учитывать организационные аспекты и стратегические возможности глобальной цифровой интеграции.

9. При формировании направлений цифровой трансформации необходимо акцентировать внимание на организационных, управленческих, кадровых и коммуникационных трансформациях.

Список литературы

1. Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.01.2019).

2. Россия онлайн: Четыре приоритета для порыва в цифровой экономике. URL: http://image-src.bcg.com/Images/Russia-Online_tcm27-178074.pdf (дата обращения: 21.01.2019).

3. Цифровое будущее России: что нам готовит программа «Цифровая экономика» // Цифровое производство: сегодня и завтра российской промышленности. 2017. № 2. С. 6–18.

4. Мировая экономика и РФ: готовность к цифровому будущему. URL: <http://мниап.рф/repository/analytics/446/document.pdf> (дата обращения: 21.01.2019).

5. Ślusarczyk B. Industry 4.0: Are We Ready? URL: https://www.researchgate.net/publication/326113219_INDUSTRY_40-ARE_WE_READY (дата обращения: 21.01.2019).

6. Экспертное мнение. Будущее цифрового производства: прогнозы и факторы успеха // Цифровое производство: сегодня и

завтра российской промышленности. 2017. № 1. С. 91–106.

7. Are You Ready for Digital Transformation? Measuring Your Digital Business Aptitude. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2016/04/measuring-digital-business-aptitude.pdf> (дата обращения: 12.01.2019).

8. Шеенко Е., Стасевич О. Цифровая экономика и российские компании: уровень использования и готовность к переходу на цифровые технологии // Альманах Цифровая экономика. 2017. С. 116–129. URL: <https://sk.ru/news/m/skmedia/20434.aspx> (дата обращения: 05.12.2018).

9. Индекс зрелости Индустрии 4.0. Управление цифровым преобразованием Компаний. Исследование Acatech. URL: https://i40mc.de/wp-content/uploads/sites/22/2016/11/acatech_STUDIE_Maturity_Index_rus_WEB.pdf (дата обращения: 05.12.2018).

10. Авдеева И.Л., Головина Т. А., Парихина Л. В. Развитие цифровых технологий в экономике и управлении: российский и зарубежный опыт // Вопросы управления. 2017. № 6 (49). С. 50–56

11. Ismagilova L.A., Gileva T.A., Galimova M.P., Glukhov V.V. Digital Business Model

and SMART Economy Sectoral Development Trajectories Substantiation // Internet of Things, Smart Spaces, and Next Generation Networks and Systems. 17th International Conference, NEW2AN 2017, Third Workshop NsCC. St. Petersburg. 2017. pp. 13–28.

12. Бабкин А.В., Фортунова У.В. Методика оценки экономического потенциала промышленного предприятия в условиях цифровизации // Цифровая экономика и Индустрия 4.0: новые вызовы: тр. науч.-практ. конф. с Междунар. участием / Под ред. А.В. Бабкина. СПб., 2018. С. 252–259.

13. Четвертая промышленная революция в России: актуальные программы и проекты // Цифровое производство: сегодня и завтра российской промышленности. 2018. № 3. С. 26–47.

14. Фаттахов В.И., Исмагилов Р.Х. Потери в цифровой экономике: методы выявления, оценки, снижения // Организатор производства. 2018. Т. 26. №3. С. 34–43.

15. Валиев Ш.З., Сухочев В.И. России нужен эффективный и компетентный менеджмент // Высшее образование сегодня. 2010. № 3. С. 29–33.

16. Валиев Ш.З., Сухочев В.И. Как сформировать и оценить компетентность будущего менеджера? // Высшее образование сегодня. 2010. № 4. С. 57–61.

17. Солодилова Н.З., Маликов Р.И., Гришин К.Е., Арапов В.В. Институциональное проектирование развития критических технологий в процессе инновационного обновления экономики региона // Электронный научный журнал «Управление экономическими системами». 2014. № 11 (71). С. 31–52

18. Дегтярев А., Маликов Р., Хисаева И. Методологические основы формирования эффективной электронной бизнес-среды // Экономическая политика. 2012. № 4. С. 85–93.

19. Галимова М.П., Гилева Т.А. Трансфер технологий в цифровой экономике: критерии выбора бизнес-модели // Цифровая экономика и Индустрия 4.0: проблемы и перспективы: тр. науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб, 2017. С. 418–423.

20. Исмагилова Л.А., Галимова М.П., Гилева Т.А. Инструменты организации процессов создания конкурентоспособной про-

дукции в цифровой экономике // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. 2018. № 3. С. 43–51.

21. Промышленность 4.0: готовы ли производственные компании? Обзор производственного сектора России — 2018. Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/manufacturing/russian/russian-manufacturing-market-review-2018-ru.pdf>.28. (дата обращения: 05.12.2018).

References

1. Gosudarstvennaya programma «Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii»: utv. Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 28 iyulya 2017 g. № 1632-r. [The State Program «Digital Economy of The Russian Federation»: Approved. Order of The Government of The Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-p.]. Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed 21.01.2019). [in Russian].

2. Rossiya onlain: Chetyre prioriteta dlya poryva v tsifrovoi ekonomike [Russia Online: Four Priorities for The Rush in The Digital Economy]. Available at: http://image-src.bcg.com/Images/Russia-Online_tcm27-178074.pdf (accessed 21.01.2019). [in Russian].

3. Tsifrovoe budushchee Rossii: chto nam gotovit programma «Tsifrovaya ekonomika» [The Digital Future of Russia: What the Digital Economy Program Prepares for Us]. *Tsifrovoe proizvodstvo: segodnya i zavtra rossiiskoi promyshlennosti — Digital Production: Russian Industry Today and Tomorrow*, 2017, No. 2, pp. 6–18. [in Russian].

4. Mirovaya ekonomika i RF: gotovnost' k tsifrovomu budushchemu [The World Economy and the Russian Federation: Readiness for a Digital Future]. Available at: <http://мниап.рф/repository/analytics/446/document.pdf> (accessed 21.01.2019). [in Russian].

5. Ślusarczyk B. *Industry 4.0: Are We Ready?* Available at: file: https://www.researchgate.net/publication/326113219_INDUSTRY_40-ARE_WE_READY (accessed 21.01.2019).

6. Ekspertnoe mnenie. Budushchee tsifrovogo proizvodstva: prognozy i faktory uspekha [Expert Opinion. The Future of Digital

Production: Predictions and Success Factors]. *Tsifrovoye proizvodstvo: segodnya i zavtra rossiiskoi promyshlennosti — Digital Production: Today and Tomorrow of the Russian Industry*, 2017, No. 1, pp. 91–106. [in Russian].

7. *Are You Ready for Digital Transformation? Measuring your Digital Business Aptitude*. Available at: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2016/04/measuring-digital-business-aptitude.pdf> (accessed 12.01.2019). [in Russian].

8. Sheenko E., Stasevich O. Tsifrovaya ekonomika i rossiiskie kompanii: uroven' ispol'zovaniya i gotovnost' k perekhodu na tsifrovye tekhnologii [Digital Economy and Russian Companies: The Level of Use and Readiness for The Transition to Digital Technology]. *Almanac Digital Economy*. Available at: <https://sk.ru/news/m/skmedia/20434.aspx> (accessed 05.12.2018). [in Russian].

9. *Indeks zrelosti Industrii 4.0. Upravlenie tsifrovym preobrazovaniem Kompanii. Issledovanie acatech*. [Industry Maturity Index 4.0. Manage Digital Transformation Companies. Acatech Study]. Available at: https://i40mc.de/wp-content/uploads/sites/22/2016/11/acatech_STUDIE_Maturity_Index_rus_WEB.pdf (accessed 05.12.2018). [in Russian].

10. Avdeeva I.L., Golovina T.A., Parakhina L.V. Razvitie tsifrovyykh tekhnologii v ekonomike i upravlenii: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Development of Digital Technologies in Economics and Management: Russian and Foreign Experience]. *Vestnik upravleniya — Management Issues*, 2017, No. 6 (49), pp. 50–56. [in Russian].

11. Ismagilova L.A., Gileva T.A., Galimova M.P., Glukhov V.V. Digital Business Model and SMART Economy Sectoral Development Trajectories Substantiation. Internet of Things, Smart Spaces, and Next Generation Networks and Systems. *17th International Conference, NEW2AN 2017, Third Workshop NsCC 2017*, St. Petersburg, Russia, pp. 13–28.

12. Babkin A.V., Fortunova U.V. Metodika otsenki ekonomicheskogo potentsiala promyshlennogo predpriyatiya v usloviyakh tsifrovizatsii [The Method of Evaluating the Economic Potential of Industrial Enterprises in Conditions of Digitalization]. *Trudy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Tsifrovaya ekonomika i Industriya*

4.0: novye vyzovy». Pod redaktsiei A.V. Babkina. [Proceedings of The Scientific and Practical Conference with International Participation «Digital Economy and Industry 4.0: New Challenges». Edited by A. Babkin]. Saint-Petersburg, 2018, pp. 252–259. [in Russian].

13. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya v Rossii: aktual'nye programmy i proekty [The Fourth Industrial Revolution in Russia: Current Programs and Projects]. *Tsifrovoye proizvodstvo: segodnya i zavtra rossiiskoi promyshlennosti — Digital Production: Today and Tomorrow of the Russian Industry*, 2018, No. 3, pp. 26–47. [in Russian].

14. Fattakhov V.I., Ismagilov R.Kh. Poteri v tsifrovoy ekonomike: metody vyyavleniya, otsenki, snizheniya [Losses in Digital Economy: Methods of Identification, Assessment, Decrease]. *Organizator proizvodstv — Production Organizer*, 2018, Vol. 26, No. 3, pp. 34–43. [in Russian].

15. Valiev Sh.Z., Sukhochev V.I. Rossii nuzhen effektivnyi i kompetentnyi menedzhment [Russia Needs Effective and Competent Management]. *Vysshee obrazovanie segodnya — Higher Education Today*, 2010, No. 3, pp. 29–33. [in Russian].

16. Valiev Sh.Z., Sukhochev V.I. Kak sformirovat' i otsenit' kompetentnost' budushchego menedzhera? [How to Form and Assess The Competence of The Future Manager?]. *Vysshee obrazovanie segodnya — Higher Education Today*, 2010, No. 4, pp. 57–61. [in Russian].

17. Solodilova N.Z., Malikov R.I., Grishin K.E., Arapov V.V. Institutsional'noe proektirovanie razvitiya kriticheskikh tekhnologii v protsesse innovatsionnogo obnovleniya ekonomiki regiona [Institutional Projecting of The Development of Critical Technologies in Innovative Renovation of The Regional Economics]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Upravlenie ekonomicheskimi sistemami» — Scintific Elctronic Lournal «Management of Economic Systems»*, 2014, No. 11 (71), pp. 31–52. [in Russian].

18. Degtyarev A., Malikov R., Khisaeva I. Metodologicheskie osnovy formirovaniya effektivnoi elektronnoi biznesredy [Methodological Basis for The Formation of An Effective E-Business Environment].

Ekonomicheskaya politika — Economic Policy, 2012, No. 4, pp. 85–93. [in Russian].

19. Galimova M.P., Gileva T.A. Transfer tekhnologii v tsifrovoi ekonomike: kriterii vybora biznes-modeli [Transfer of Technologies in The Digital Economy: Criteria for The Selection of Business Models]. *Trudy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Tsifrovaya ekonomika i Industriya 4.0: problemy i perspektivy»* [Proceedings of The Scientific and Practical Conference with International Participation «Digital Economy and Industry 4.0: Problems and Prospects»]. Saint-Petersburg, 2017. pp. 418–423. [in Russian].

20. Ismagilova L.A., Galimova M.P., Gileva T.A. Instrumenty organizatsii protsessov sozdaniya konkurentosposobnoi produktsii

v tsifrovoi ekonomike [Tools for Organizing The Processes of Creating Competitive Products in The Digital Economy]. *Vestnik Kazan State Technical University. A.N. Tupolev — Vestnik KGTU im. A.N. Tupoleva*, 2018, No. 3, pp. 43–51. [in Russian].

21. *Promyshlennost' 4.0: gotovy li proizvodstvennyye kompanii? Obzor proizvodstvennogo sektora Rossii — 2018. Issledovatel'skii tsentr kompanii «Deloit» v SNG.* [Industry 4.0: Are Production Companies Ready? Overview of the manufacturing sector in Russia – 2018. Deloitte Research Center in the CIS.]. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/manufacturing/russian/russian-manufacturing-market-review-2018-ru.pdf>.28 (accessed 05.12.2018). [in Russian].

Гилева Т. А.

Gileva T. A.

*доктор экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Проектный менеджмент и экономика
предпринимательства», Институт экономики и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 658.3

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-38-52

ЦИФРОВАЯ ЗРЕЛОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ: МЕТОДЫ ОЦЕНКИ И УПРАВЛЕНИЯ

В статье раскрыто содержание процесса цифровой трансформации. В качестве ключевых задач выделены изменение организационной культуры, преобразование бизнес-моделей и продуктов, обеспечение роста гибкости предприятия. Приведены количественные оценки возможностей цифровизации, отмечена неравномерность цифрового развития в различных отраслях экономики. В качестве основы для разработки стратегии и программы цифровой трансформации предложено использовать оценку цифровой зрелости предприятия. Проведен сравнительный анализ восьми моделей ее оценки, по результатам которого выделены пять укрупненных оценочных направлений: стратегия и бизнес-модель, потребители, организационная культура и персонал, операционные процессы и информационные технологии. Сформулированы правила проведения оценки. Подчеркнуты роль стратегии цифровой трансформации в осуществлении преобразований, ее связь с уровнем цифровой зрелости предприятия. С одной стороны, текущий уровень цифровой зрелости необходимо учитывать при выборе стратегии, с другой, именно стратегия задает фокус преобразований и определяет целевой уровень цифровой зрелости предприятия. Предложена концептуальная схема управления цифровой зрелостью предприятия, в основе которой лежит преодоление разрыва между текущим и целевыми уровнями зрелости. Определено понятие дорожной карты цифровой трансформации как упорядоченной во времени совокупности проектов по реализации технологических и нетехнологических инноваций, обеспечивающих достижение стратегических целей предприятия на основе роста его цифровой зрелости. Проведен анализ готовности российских предприятий к работе в условиях цифровой экономики в разрезе выделенных укрупненных измерений цифровой зрелости. Показано, что основными препятствиями для цифровой трансформации являются отсутствие необходимой организационной культуры, недостаточные компетенции и квалификация персонала, отсутствие стратегии цифровой трансформации и неравномерность уровня развития информационных технологий как в межотраслевом разрезе, так и внутри отдельных отраслей. Отмечена актуальность перехода на гибкие технологии управления (Agile-технологии) и применения техники «пилотных» проектов.

Ключевые слова: предприятие, цифровая трансформация, цифровая зрелость, модель оценки, стратегия и дорожная карта цифровых преобразований, бизнес-модель, организационная культура, гибкие технологии управления.

DIGITAL MATURITY OF THE ENTERPRISE: METHODS OF ASSESSMENT AND MANAGEMENT

The article discloses the subject of the digital transformation process. The key tasks are the changes in organizational culture, the transformation of business models and products ensuring the growth of enterprise flexibility. Quantitative assessments of digitalization capabilities are given, also the digital development irregularity is noted in various sectors of the economy. As a basis for developing a strategy and program for digital transformation, it is proposed to use the assessment of the digital maturity of the enterprise. A comparative analysis of eight models of its assessment was

carried out, according to the results of which five integrated assessment areas were identified: strategy and business model, consumers, organizational culture and personnel, operational processes and information technologies. The assessment rules were also formulated. The role of the digital transformation strategy in the implementation of transformations and its connection with the level of digital maturity of an enterprise are emphasized. On the one hand, the current level of digital maturity must be considered when choosing a strategy, on the other, it is the strategy that sets the focus of transformations and determines the target level of digital maturity of an enterprise. A conceptual scheme for managing digital maturity of an enterprise is proposed, which is based on bridging the gap between its current and target levels. The concept of a digital transformation roadmap is defined as an orderly set of projects for the implementation of technological and non-technological innovations that ensure the achievement of the company's strategic goals based on the growth of its digital maturity. The analysis of the readiness of Russian enterprises to operate in the digital economy in the context of the selected integrated dimensions of digital maturity was carried out. It is shown that the main obstacles for digital transformation are the lack of the necessary organizational culture, insufficient competences and personnel qualifications, the lack of a digital transformation strategy and the unevenness of the level of development of information technologies both in the intersectoral context and within individual industries. The urgency of the transition to agile management technologies and the use of technology «pilot» projects were noted.

Key words: enterprise, digital transformation, digital maturity, assessment model, strategy and roadmap of digital transformations, business model, organizational culture, flexible management technologies.

Цифровая экономика все увереннее становится общемировым трендом, органически включая в себя практически все особенности современного экономического развития, раскрываемые с различных позиций в формате инновационной, информационной и сетевой экономик, а также экономики знаний. Безусловно, ключевой предпосылкой формирования цифровой экономики стало бурное развитие информационно-коммуникационных технологий, однако это лишь один из ее аспектов: необходимое, но не достаточное условие.

Большинство теоретиков и практиков, работающих в данной области, отмечают неправильное понимание сути цифровой экономики как одно из главных препятствий на пути успешной цифровой трансформации. Для раскрытия сущности цифровой трансформации приведем несколько определений:

— цифровая трансформация — это нечто гораздо большее, чем просто понимание и внедрение новых технологий. Она стимулирует волну инноваций в бизнес-моделях, продуктах, услугах и внутренних бизнес-процессах, которые могут угрожать выживанию организации. Помимо использования новых технологий, для этого требуются новые способы мышления и ведения биз-

неса, новые роли и навыки, новые организационные структуры и операционные модели, а также адаптация к гораздо более быстрым темпам изменений [1];

— цифровые преобразования заключаются не только в извлечении выгоды из новых технологий; это требует от лидеров бизнеса использования другого способа объединения людей и процессов с новыми технологическими инструментами, а также открытости для переосмысления традиционных бизнес-моделей и мышления цифровой компании с точки зрения того, как вы привлекаете своих клиентов, расширяете возможности своих сотрудников и оптимизируете свою деятельность, чтобы заново изобрести продукты и бизнес-модели [2];

— цифровое преобразование — это не просто применение технологии следующего поколения к существующим процессам. Это бизнес-стратегия, в которой технологии обеспечивают инновации и креативность, на основе чего компании получают новый и лучший опыт для клиентов [3];

— цифровая трансформация бизнеса — это организационные изменения за счет использования цифровых технологий и бизнес-моделей для повышения производительности [4];

— цель трансформации состоит в том, чтобы создать постоянно развивающуюся, гибкую компанию, готовую непрерывно адаптироваться к меняющимся условиям за счет соответствующих технологий, организационного обучения и процессов принятия решений с применением данных высокого качества, доступных в более короткие сроки [5].

Осуществление цифровой трансформации является сложным и неоднозначным процессом. За основу формирования рекомендаций по проведению цифровой трансформации и росту цифровой зрелости предприятия в статье принят наиболее обобщенный методологический подход, предполагающий выделенный трех укрупненных этапов [4]. На каждом из этапов определяется ответ на один ключевой вопрос: на 1 этапе — почему трансформировать (*Why transform?*), на 2 этапе — что трансформировать (*What to transform?*) и на 3 этапе — как трансформировать (*How to transform?*).

Почему трансформировать? Возможности и угрозы цифровизации

Сегодня существует достаточно много прогнозов в области перспектив цифровизации. Так, по оценкам *MacKinsey* [6], реальными перспективами отраслевого развития в цифровой экономике являются:

- повышение производительности труда за счет автоматизации работ — на 45–55 %;
- уменьшение простоев оборудования — на 30–50 %;
- снижение затрат на техническое обслуживание — на 10–40 %;
- сокращение времени выхода на рынок — на 20–50 %.

Согласно проведенному компанией *Cisco* анализу, влияние цифровизации будет в 10 раз превышать влияние Интернета [4]. *International Data Corporation (IDC)* оценивает экономическую ценность цифровой трансформации в 20 трлн долл., или более 20 % валового внутреннего продукта [3].

По результатам анализа более 400 крупных компаний из разных отраслей, проведенного совместно компаниями *Capgemini Consulting* и *MIT Sloan Management* [7], предприятия, активно использующие цифровые

технологии и новые методы управления (цифровые лидеры — *Digital Leaders*), в среднем на 26 % прибыльнее своих конкурентов. Более консервативные компании (*Digital Conservatives*), которые улучшают только менеджмент, получают плюс 9 % к прибыли. Организации, которые много инвестируют в цифровые технологии, но при этом уделяют мало внимания управлению (следующие цифровой моде — *Digital Fashionistas*), не способны получать синергетический эффект и создавать значительную дополнительную ценность на основе цифровых приложений. Они имеют финансовые показатели на 11 % ниже. И, наконец, компании, недостаточно использующие как потенциал цифровых технологий, так и потенциал управления (начинающие — *Digital Beginners*), имеют прибыль меньше в среднем на 24 %. Таковы возможности успешной цифровой трансформации.

Не менее «мотивирующими» могут оказаться и риски для предприятий, не инициировавших своевременно рост своей цифровой зрелости. Появление «цифровых разрушителей» (*Digital Disruptors*) [4] и «цифровых вампиров» [8] коренным образом изменило правила игры в различных отраслях и привело к потере конкурентоспособности многих компаний. Тем не менее, исследование *Cisco* [4] показало, что многие фирмы по-прежнему недооценивают опасность разрушения цифровых технологий и, следовательно, могут быть недостаточно подготовлены к негативным последствиям, которые уже выпали на долю многих компаний в сфере технологий, медиа, развлечений, розничной торговли и других секторах.

Во многом это объясняется неравномерностью цифрового развития отраслей и компаний. По результатам исследования деятельности компаний в различных отраслях экономики, специалистами компании *Cisco* была сформулирована концепция «цифрового вихря» («*Digital Vortex*») [8]. Цифровой вихрь представляет собой неизбежное движение отраслей промышленности к «цифровому центру», в котором бизнес-модели, предложения и цепочки создания стоимости

максимально цифровизированы. Цифровая революция в таких областях, как продажа музыки, видеопрокат, бронирование путешествий и газеты, привела к тому, что за 10 лет 44 % участников рынка начали использовать цифровые бизнес-модели вместо физических. Опрошенные руководители считают, что в среднем примерно четыре из десяти ведущих отраслевых предприятий будут уничтожены в ходе цифровой революции в ближайшие пять лет. Число вытесненных компаний колеблется от 4,3 из 10 в сфере телекоммуникаций до 2,5 в нефтегазовой области [8]. Кроме того, в рамках любой отрасли существуют предприятия с разным уровнем цифровой зрелости.

Понимание необходимости цифровых преобразований является первым шагом на пути роста цифровой зрелости предприятия.

Что трансформировать? Оценка цифровой зрелости предприятия

В настоящее время разработано достаточно много моделей оценки цифровой зрелости предприятий. Для того чтобы выявить наиболее общие и приоритетные направления оценки, проведем сравнительный анализ ряда подходов.

1. Центр цифрового бизнеса MIT (*MIT Center for Digital Business*) и Capgemini Consulting в течение нескольких лет проводили исследования в области цифровой трансформации для крупного бизнеса [7, 9]. По результатам анализа более 400 крупных компаний из разных отраслей были выделены три ключевые области цифровых преобразований: клиентский опыт (*Transforming Customer Experience*), операционные процессы (*Transforming Operational Processes*) и бизнес-модели (*Transforming Business Models*) [9]. В рамках каждой из выделенных областей существует по три взаимодополняющих элемента, и эти девять элементов образуют набор строительных блоков цифрового преобразования. Однако ни одна компания полностью не преобразовывает сразу все девять элементов. Различные компании продвигаются в направлении цифровой трансформации с разными темпами и достигают разных уровней успеха. Лучшие компании

(*Digital*) объединяют цифровые технологии с сильным лидерством, ориентированным на коренное преобразование бизнеса. Такое лидерство необходимо для разработки четкой стратегии цифровой трансформации, определяющей фокус и последовательность преобразований.

2. Модель цифровой зрелости (*Digital Maturity Model*) компании *Deloitte* [10] оценивает цифровые возможности по 5 ключевым измерениям: потребители, стратегия, технологии, производство, структура и культура организации (*Customer, Strategy, Technology, Operations, Organisation & Culture*). Пять основных измерений разделены на 28 субизмерений, которые, в свою очередь, разбиты на 179 показателей, по которым оценивается цифровая зрелость. Акцент делается на стратегию (*Business Strategy*), определяющую фокус преобразований. Последовательными шагами конкретизации стратегии являются определение бизнес-модели (*Business Model*) и операционной модели (*Operating Model*), которые и определяют требуемый уровень цифровой зрелости по выделенным измерениям.

3. Индекс цифровой трансформации (*Digital Transformation Index*), разработанный аналитическим агентством *Arthur D. Little*, имеет большее число укрупненных направлений оценки [11]: а) стратегия и руководство (*Strategy & Governance*); б) продукты и сервисы (*Products & Services*); в) управление клиентами (*Customer Management*); г) операции и цепочки поставок (*Operations & Supply Chain*); д) корпоративные сервисы и контроль (*Corporate Services & Control*); е) информационные технологии (*Information Technology*); ж) рабочее место и культура (*Workplace & Culture*). Для каждой компании результаты оценки представляются в виде радара, на котором с учетом отраслевой специфики также отмечаются уровень «виртуальных звезд» (*Virtual Star*) и среднеотраслевой уровень (*Average*) (рисунок 1).

Такая сравнительная оценочная база, сформированная по результатам исследований, является существенным преимуществом модели, поскольку позволяет

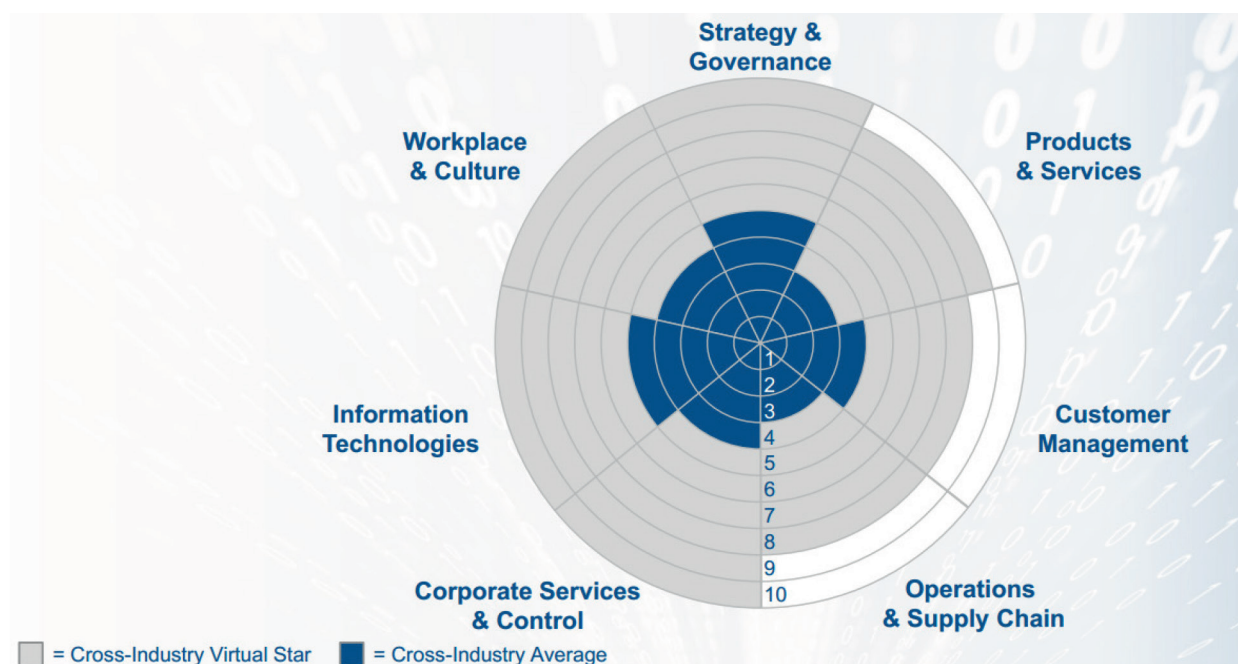

Рисунок 1. Индекс цифровой трансформации компании Arthur D. Little [11]

предприятию позиционировать себя на отраслевых рынках.

4. Модель оценки цифровых способностей (*Digital Business Aptitude — DBA*) компании *KPMG* [1] объединяет 5 областей оценки: видение и стратегия (*Vision & Strategy*), цифровые таланты (*Digital Talent*), ключевые цифровые процессы (*Digital First Processes*), гибкие источники и технологии (*Agile Sourcing & Technology*), руководство (*Governance*). Как и в двух предыдущих моделях, каждая из выделенных областей включает несколько составляющих. Результаты оценки представляются в виде радара, каждый оценочный сектор имеет свой цвет. Особенностью и преимуществом данной модели является диагностический инструмент самооценки, находящийся в свободном доступе. На радаре по каждому направлению оценки выделяется 2 уровня: для данного предприятия и средний по всем предприятиям, прошедшим самооценку. Таким образом формируется база для сравнительной оценки, очень важная для принятия решений в области выбора стратегии и приоритетных направлений цифровой трансформации.

5. Цифровое пианино (*Digitization Piano*), разработанное созданным по иници-

ативе компаний *IMD* и *Cisco* Глобальным центром трансформации цифрового бизнеса (*Global Center for Digital Business Transformation*) [4]. Аналогично 7 нотам, выделяются 7 трансформационных категорий (*Transformation Category*), составляющих наиболее важные элементы цепочки создания стоимости организации: бизнес-модель (*Business Model*), организационная структура (*Structure*), сотрудники (*People*), процессы (*Processes*), ИТ-возможности (*IT Capability*), предложения (*Offerings*), модель взаимодействия (*Engagement Model*).

Для каждой из них разработан перечень руководящих вопросов, ответы на которые могут помочь составить план преобразований. Особенностью данной модели является определение разрыва между текущим и требуемым уровнями по каждому направлению. При этом для получения эффекта рекомендуется одновременное преобразование нескольких элементов и технологий — создание музыкальных аккордов. Фокус изменений также определяется бизнес-стратегией, однако поскольку существуют тысячи потенциальных комбинаций (вариантов развития), гарантировать успех невозможно. Согласно Gartner, только 30 % усилий по трансформации

ции цифрового бизнеса сегодня являются успешными.

6. Компания *Ionology* выделяет 5 блоков изменений цифрового преобразования: стратегия и культура (*Strategy & Culture*), персонал и клиенты (*Staff & Customer*), процессы и инновации (*Process & Innovation*), технологии (*Technology*), данные и аналитика (*Data & Analytics*) [10]. Основой для формирования траектории цифровой трансформации служит стратегия.

7. Индекс зрелости Индустрии 4.0 *Acatech* [5] разработан на основе исследований, выполненных Национальной академией наук и техники Германии. Выделяются четыре ключевые области цифровой трансформации: ресурсы, информационные системы, культура и организационная структура. Методика оценки является несколько более сложной, чем описанные выше. Индекс формируется одновременно в нескольких областях. Выделенные направления оцениваются в соответствии с этапами развития Индустрии 4.0 (информатизация, связанность, наглядность, прозрачность, предсказуемость, самокоррекция). Кроме того, в разрезе пяти функциональных областей (развитие, производство, логистика, обслуживание, маркетинг и продажи) анализируются корпоративные процессы. Особое внимание уделяется преобразованию организационной структуры и культуры. Основная цель преобразований — создание постоянно развивающейся, гибкой компании.

8. Российская компания Команда-А (*KMDA*), позиционирующая себя как ведущий консультант по цифровой трансформации в России, выделяет 6 ключевых направлений стратегических преобразований в процессе цифровой трансформации [4]:

- клиентоцентричность — цифровой клиентский сервис, омниканальность, цифровой маркетинг и коммуникации;
- коллаборации — представление бизнеса как экосистемы, создание и развитие платформы для взаимодействия с партнерами;
- данные — широкое применение аналитических инструментов, использование

данных для адаптации продуктов и сервисов, поведенческий маркетинг;

- инновации — инновационная культура внутри компании, построение системы непрерывных улучшений и развития;
- ценность — определение и построение системы управления ценностными предложениями;
- люди — новые подходы к вовлечению и развитию сотрудников на основе цифровой культуры и мышления.

Проведенный анализ позволил выделить пять укрупненных направлений оценки цифровой зрелости предприятий (стратегия и бизнес-модель, потребители, организационная культура и персонал, операционные процессы и информационные технологии), а также сделать ряд существенных выводов относительно оценки и управления цифровой зрелостью предприятия:

- оценка осуществляется либо на основе развернутой системы критериев, либо по результатам ответов на совокупность сгруппированных по выделенным направлениям вопросов;
- часто оценка формируется в двух форматах: как сумма баллов и как выделение оценочных уровней. Например, при определении индекса цифровой трансформации выделяют следующие уровни цифровой зрелости [11]: цифровая осведомленность (оценка ниже 2,5 баллов), цифровая адаптация (от 2,5 до 5,0 баллов), цифровая ориентация (от 5,0 до 7,5 баллов) и цифровой центр (выше 7,5 баллов);
- могут использоваться различные взаимодополняющие методы оценки: самооценка, сравнительная оценка, экспертное оценивание (преимущественно специалистами консалтинговых компаний);
- наиболее распространенной формой представления результатов является круговая диаграмма типа «радар»;
- целевой уровень цифровой зрелости определяется стратегией предприятия, при разработке которой необходимо учитывать как текущий уровень цифровой зрелости предприятия, так и результаты цифровой трансформации других компаний (в рамках

одной отрасли и за ее пределами), а также комплекс внешних факторов (развитие и распространение информационных технологий, изменение потребительских ценностей и др.).

Как трансформировать? Проблемы, методы и инструменты

Управление цифровой трансформацией — сложный итеративный процесс, необходимым условием успешности которого является наличие четкой стратегии цифровой трансформации [1–4, 9, 10, 12, 13]. Стратегия задает «фокус» преобразований, определяющий портфель товаров и услуг предприятия, взаимодействие с партнерами и клиентами

по всей цепочке создания ценности и необходимые для этого информационные технологии. В соответствии со сформированной стратегией определяется целевой уровень цифровой зрелости предприятия, который необходим для ее успешной реализации. Для преодоления разрыва между текущим и целевыми уровнями целевой зрелости предприятия разрабатывается дорожная карта (*Roadmap*) цифровой трансформации, в соответствии с которой формируется портфель проектов, обеспечивающий сбалансированность технологических и нетехнологических инноваций и достижение стратегических целей предприятия (рисунок 2).

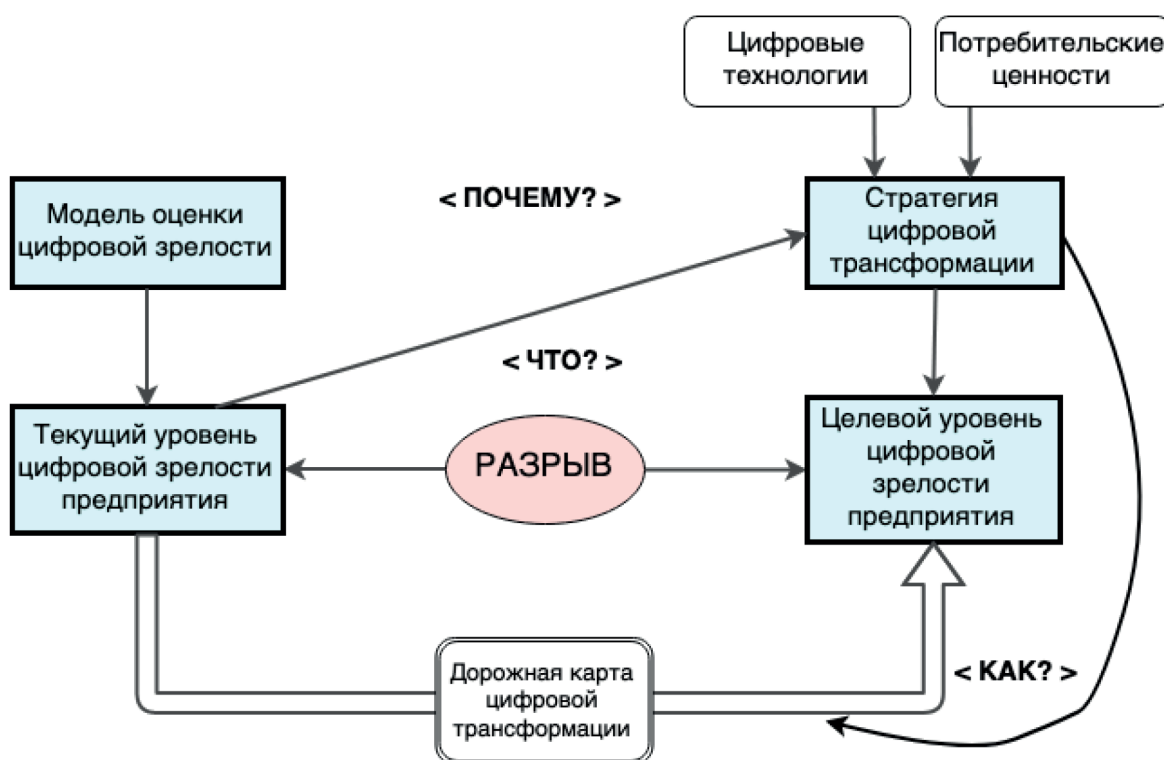

Рисунок 2. Концептуальная схема управления цифровой зрелостью предприятия

При этом необходимым условием успеха цифровых преобразований является их реализация не как отдельных проектов, а как целостной стратегии. Таким образом, дорожная карта цифровой трансформации представляет собой упорядоченную во времени совокупность проектов по реализации технологических и нетехнологических инноваций, обеспечивающих достижение стратегических целей предприятия на основе роста его цифровой зрелости.

Рассмотрим основные проблемы, методы и инструменты цифровой трансформации в разрезе выделенных ранее обобщенных направлений оценки цифровой зрелости предприятий.

Стратегия и бизнес-модель. В настоящее время в литературе не сложилось единого понимания цифровой стратегии (*Digital Strategy*), или стратегии цифровой трансформации (*Digital Transformation Strategy*).

Проведенный М. Zaki с коллегами анализ [14] показал, что:

1) в ряде случаев эти два понятия рассматриваются как синонимы, хотя иногда отмечается необходимость выделения двух относительно самостоятельных стратегий, однако критерии разграничения при этом не приводятся. Поэтому в рамках данной статьи эти отличия учитываться не будут;

2) цифровая стратегия, в отличие от функциональной ИТ-стратегии, имеет более высокий уровень иерархии и относится к бизнес-стратегии, либо даже к общеорганизационной стратегии. Она охватывает все сегменты бизнеса и характеристики компании и требует нескольких механизмов согласования: во-первых, согласования со стратегией предприятия; и, во-вторых, согласования с другими функциональными стратегиями, чтобы действовать в качестве объединяющей связи между различными уровнями стратегии внутри компании.

При этом основные требования к разработке бизнес-стратегий остаются в силе и для стратегии цифровой трансформации: систематический и непрерывный анализ внешней среды (технологических, экономических и политических факторов, потребительских предпочтений и конкурентов), учет внутренних возможностей и компетенций предприятия, его цифровой зрелости, формирование видения будущего предприятия (предоставляемых услуг, источников создания и получения стоимости, факторов дифференциации), конкретизация целевых ориентиров на основе ключевых показателей эффективности (*Key Performance Indicators — KPI*).

Другим инструментом, тесно связанным со стратегией предприятия, является бизнес-модель. Преобразование бизнес-моделей является принципиально необходимым условием успеха цифровой трансформации [15–18]. Одним из общепризнанных трендов является распространение бизнес-моделей типа многосторонних платформ, создание и развитие экосистемы бизнеса [19–21].

Организационная культура и персонал. По результатам исследования CGI Global 1000,

проведенного в 2016 г. компанией CGI Group [22], главным барьером для цифровой трансформации является изменение культуры и преодоление сопротивления со стороны сотрудников компании — эту причину назвали 72 % опрошенных. По результатам опроса российских компаний различной отраслевой принадлежности, проведенного компанией KMDA в 2018 г., выделены следующие основные препятствия для цифровой трансформации российских предприятий [13]:

- недостаточные компетенции и знания (64,1 %);
- нехватка квалифицированных кадров (60,9 %);
- отсутствие стратегии (53,2 %);
- страх изменений (45,3 %);
- недостаточное финансирование (39,1 %);
- позиция руководства (31,3 %).

Обобщая полученные результаты, СЕО компании Команда-А, В. Рыжков назвал основной проблемой на пути к изменениям в российских компаниях неправильное понимание сути термина «цифровая трансформация». Следующая проблема — это люди (сотрудники компаний), которые не хотят, а часто и не могут меняться со скоростью, соответствующей внешним изменениям. Итог: на сегодняшний день в подавляющем большинстве российских компаний отсутствует «цифровая культура». Основная масса сотрудников пока не обладает мотивацией, а также нужными навыками и компетенциями, чтобы участвовать в качественных изменениях. Есть еще и третья проблема — ожидание от цифровой трансформации быстрого и существенного роста прибыли и финансовых показателей в компании. Отсутствие таких результатов часто оказывает негативное влияние на мотивацию к изменениям не только сотрудников, но и топ-менеджеров предприятий.

Аналитическое агентство NAFI совместно с фондом «Сколково» провело в 2017 г. оценку индекса готовности российских компаний к цифровым изменениям [23]. За основу был принят International Digital Economy and Society Index (DESI), основ-

ными составляющими которого являются: инфраструктура для цифровых технологий; развитость услуг связи, хранения и передачи информации; развитие человеческого капитала; «цифровизация» бизнеса; информационная безопасность; регуляторная среда и барьеры для развития цифровых технологий. Объектами анализа выступали как компании из «традиционных» отраслей экономики, так и 120 высокотехнологичных стартапов, получивших статус участников проекта «Сколково». По результатам оценки компании из традиционных секторов показали низ-

кий уровень цифровой готовности — 36 % из 100. Для высокотехнологичных стартапов-участников исследования индекс цифровой готовности составил 49 %. Основная проблемная зона для обеих групп — низкий уровень развития человеческого капитала.

При этом не может не настораживать отношение руководителей и сотрудников к происходящим цифровым преобразованиям. Результаты ответов на некоторые ключевые вопросы, поставленные в рамках исследования [23], представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты опроса NAFI и фонда «Сколково» (фрагмент)

Варианты ответов	Участники «Сколково», % от опрошенных	Традиционные компании, % от опрошенных
Вопрос: Проводила ли Ваша организация за последние 6 месяцев мероприятия по повышению квалификации сотрудников в области цифровых технологий?		
Да, у нас внедрены централизованные образовательные программы	11	2
Да, мы оплачиваем тренинги / курсы по выбору сотрудников	20	6
Нет, не проводили / затрудняюсь ответить	69	92
Вопрос: Как бы Вы оценили вероятность того, что в будущем ваше предприятие подвергнется информационным угрозам?		
Очень вероятно	19	5
Скорее вероятно	45	26
Скорее не вероятно	25	46
Абсолютно невозможно	1	10
Затрудняюсь ответить	10	13
Вопрос: В июле 2017 года была утверждена Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». На Ваш взгляд, как принятие этой программы повлияет на деятельность Вашей организации?		
Повлияет позитивно	49	10
Не окажет влияния	24	27
Повлияет негативно	3	2
Впервые слышу о такой программе / затрудняюсь ответить	24	61

Поскольку одним из правил цифровой трансформации является ее проведение «сверху вниз» [2, 4], особую актуальность приобретают задачи, связанные с развитием компетенций менеджеров [24, 25]. Кроме того, в рекомендациях по проведению цифровых преобразований, разработанных ведущими консалтинговыми компаниями по результатам опыта работы в данном направлении, на первых позициях, как правило, стоят: изменение культуры [2], создание правильного мышления, общего понимания целей и стратегии цифровой трансформации, создание команды лидеров изменений [14],

обучение сотрудников цифровой стратегии, привлечение и удержание талантов [4].

Операционные процессы. Одной из основных целей цифровой трансформации является создание постоянно развивающейся, гибкой компании, готовой непрерывно адаптироваться к меняющимся условиям за счет соответствующих технологий, организационного обучения и процессов принятия решений с применением данных высокого качества, доступных в более короткие сроки [5]. Методологией управления, соответствующей таким требованиям, является группа Agile-технологий [26, 27].

Базовые принципы гибких методологий управления заложены в документе, называемом Agile Manifesto: люди и их взаимодействие важнее процессов и инструментов; готовый продукт важнее документации по нему; сотрудничество с заказчиком важнее жестких контрактных ограничений; реакция на изменения важнее следования плану [26]. Первоначально эти технологии применялись в сфере разработки ИТ-проектов, отличающихся высокой динамичностью и часто связанной с этим неопределенностью требований к конечному результату на начальных этапах проектирования, для которых принцип раннего обнаружения и исправления ошибки позволяет избежать гораздо больших затрат времени и ресурсов в дальнейшем. Сегодня такие ситуации возникают в самых различных отраслях, учитывая сложность и скорость происходящих изменений.

В основе Scrum, как одной из Agile-технологий, лежит простая идея: когда бы ни был запущен проект, ничто не мешает регулярно проверять ход работ и последовательно выяснять, справляется ли команда с заданием, создается ли именно тот продукт, который на самом деле хочет получить заказчик и есть ли способы усовершенствовать методы разработки и выполнить работу более качественно и быстро [26]. Работа организуется в небольших кросс-функциональных командах, которые содержат всех необходимых специалистов. Требования к конкретному продукту (результату реализации проекта) разбиваются на небольшие, ориентированные на пользователя, функциональные части, максимально независимые друг от друга, которые составляют беклог продукта. Элементы беклога продукта упорядочиваются с учетом их важности и необходимого порядка работ, за это отвечает «владелец продукта». Работа ведется короткими (от 1 до 4 недель) итерациями — спринтами, в конце каждого реализуется законченный функционал, который можно продемонстрировать потребителю и получить обратную связь. Также каждый день проводятся «скрам-митинг», на котором команда синхронизирует свою работу (друг с другом и с дру-

гими командами) и обсуждает возникшие проблемы.

Если, вопреки ожиданиям, начатый проект окажется неудачным, то, в соответствии с рекомендациями [2], не следует пытаться завершить его. Наоборот, необходимо как можно быстрее от него отказаться и перейти к другому проекту. Соответствующий принцип гласит: «Экспериментируйте и быстро умирайте» (или: «и быстро учитесь на ошибках»). Поэтому большинство проектов рекомендуется сначала начинать в виде «пилотных проектов», и лишь потом, в случае успеха, масштабировать успешные инициативы на всю организацию.

Информационные технологии. Результаты оценки предприятий по аспекту «Уровень «цифровизации» бизнеса» [23] показали, что большинство компаний-респондентов представлены в сети интернет (63 % у традиционного бизнеса и 79 % у высокотехнологичных стартапов), однако лишь половина компаний имеют сайты с детальной информацией о компании, ее продуктах и услугах (43 % среди традиционных и 58 % среди высокотехнологичных компаний). Доля комплексных ИТ-решений в автоматизации бизнес-процессов не превышает 20-30 %.

Более развернутая характеристика внедрения цифровых технологий в деятельность российских производственных компаний приведена в обзоре готовности производственного сектора России к развитию в условиях Индустрии 4.0, подготовленном Исследовательским Центром компании Делойт в СНГ (таблица 2) [28].

Однако, также как и в зарубежных исследованиях [4], в российской экономике наблюдается неравномерность цифровой готовности по отраслям:

— топ-3 отраслей, считающих свой прогресс в цифровой трансформации наиболее продвинутым — ИТ и разработка программного обеспечения, телеком, банковский сектор и финансовые услуги. Топ-3 отраслей, считающих свой прогресс в цифровой трансформации незначительным — нефть и газ, торговля, промышленное производство [13];

Таблица 2. Внедрение цифровых технологий в российских производственных компаниях в 2018 г., % от опрошенных [28]

Технология	Внедрили	Планируем внедрять	Не внедрили и не планируем
Электронный документооборот	56	32	12
Передовые системы учета (CRM, SAP и др.)	42	42	16
Общий центр обслуживания	35	24	41
Большие данные и машинное обучение	21	32	47
Полная автоматизация отдельного бизнес-процесса	21	52	27
Полная автоматизация цепочки бизнес-процессов	21	55	24
Машинный интеллект, предиктивный анализ	18	36	46
Видеоаналитика и машинное зрение	18	35	47
Роботизация бизнес-процессов	15	36	49
Создание проектных офисов (Agile PMC)	15	35	50
Блокчейн-распределенная зашифрованная база данных	14	30	56
Smart-производство	12	46	42
Дополненная или виртуальная реальность	11	29	61
Интернет вещей (коммуникация «машина — машина», IoT-технологии)	11	45	44

— лидерами в области технологической готовности среди производственных компаний является сектор высоких технологий, телекоммуникаций и СМИ, а по планируемому внедрению — обрабатывающий сектор [28].

Кроме того, внутри каждой отрасли есть свои лидеры, чей уровень цифровой зрелости существенно превышает среднее значение.

Выводы

1. Проведение цифровой трансформации становится необходимым условием конкурентоспособности предприятий. При определении приоритетов и сроков осуществления преобразований необходимо учитывать неравномерность цифрового развития различных отраслей экономики.

2. Модель цифровой зрелости предприятия определяет ключевые направления необходимых преобразований.

3. Детальная оценка цифровой зрелости предприятия может быть проведена консалтинговыми компаниями. В качестве ориентиров для проведения самооценки следует использовать пять укрупненных направлений: стратегия и бизнес-модель, потребители, организационная культура и персонал, операционные процессы и информационные технологии.

4. При проведении самооценки необходимо применять технологию бенчмаркинга,

ориентируясь не только на отраслевых лидеров, но и на ситуацию в других отраслях.

5. Основой цифровой трансформации, определяющей фокус преобразований и целевой уровень цифровой зрелости предприятия, является стратегия.

6. Инструментами детализации и реализации стратегии являются бизнес-модель, дорожная карта и соответствующий ей портфель проектов, сбалансированный с позиций реализации технологических и нетехнологических инноваций, направленных на рост цифровой зрелости предприятия.

7. Преобразование бизнес-модели является одной из важнейших составляющих роста цифровой зрелости предприятия и осуществляется в направлении расширения кооперационных взаимодействий, применения многосторонних платформ и создания экосистемы бизнеса. Такой подход позволяет увеличить гибкость предприятия как ключевой фактор его конкурентоспособности в условиях цифровой экономики, получить необходимые для развития ресурсы и компетенции, сократить время осуществления преобразований.

8. Одним из наиболее существенных препятствий успешных цифровых преобразований как для зарубежных, так и для российских предприятий является отсутствие необходимой организационной культуры и готовности персонала (включая менеджеров

различных уровней управления) к работе в новых условиях.

9. Рост цифровой зрелости предприятия — сложный итеративный процесс, не имеющий единственно правильной траектории развития. По-этому обеспечение успеха

требует применения сценарных методов планирования и гибких методов управления (Agile-технологий), быстрого реагирования на ошибки и обучения на них, применения практики «пилотных» проектов и их масштабирования в случае успеха.

Список литературы

1. Are You Ready for Digital Transformation? Measuring Your Digital Business Aptitude. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2016/04/measuring-digital-business-aptitude.pdf> (дата обращения: 21.01.2019).

2. Digital Transformation: Seven Steps to Success. How Businesses Can Stay Relevant and Competitive in Today's New Digital Era. URL: <https://info.microsoft.com/rs/157-GQE-382/images/Digital%20transformation-%20seven%20steps%20to%20success.v2.pdf?aliId=860635945> (дата обращения: 30.01.2019).

3. The Microsoft Digital Transformation Series. Part 1: The Digital Transformation Opportunity. Aligning Business Strategy to the Digital Transformation Market Opportunity. URL: <https://assetsprod.microsoft.com/mpn/en-us/digital-transformation-opportunity> (дата обращения: 02.12.2018).

4. Digital Business Transformation. A Conceptual Framework. 2015 Global Center for Digital Business Transformation. URL: <https://ru.scribd.com/document/372049639/Digital-Business-Transformation-Framework-pdf> (дата обращения: 10.12.2018).

5. Индекс зрелости Индустрии 4.0. Управление цифровым преобразованием Компаний. Исследование acatech. URL: https://www.acatech.de/wp-content/uploads/2018/03/acatech_STUDIE_rus_Maturity_Index_WEB.pdf (дата обращения: 12.12.2018).

6. Industry 4.0 at McKinsey's Model Factories. Get Ready for the Disruptive Wave. McKinsey Digital. URL: https://capability-center.mckinsey.com/files/downloads/2016/digital-4.0modelactoriesbrochure_0.pdf (дата обращения: 20.01.2019).

7. The Digital Advantage: How Digital Leaders Outperform Their Peers in Every Industry. Capgemini Consulting, MIT Sloan Management. URL: https://www.capgemini.com/wp-content/uploads/2017/07/the_digital_

[advantage_how_digital_leaders_outperform_their_peers_in_every_industry.pdf](#) (дата обращения: 20.01.2019).

8. Уэйд М. Цифровой вихрь. Как побеждать диджитал-новаторов их же оружием. М.: Эксмо, 2016.

9. Westerman G., Bonnet D., McAfee A. The Nine Elements of Digital Transformation. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/the-nine-elements-of-digital-transformation> (дата обращения: 05.01.2019).

10. Digital Maturity Model. Achieving Digital Maturity to Drive Grow. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Technology-Media-Telecommunications/deloitte-digital-maturity-model.pdf> (дата обращения: 05.01.2019).

11. Digital Transformation — How to Become Digital Leader. Study 2015 Results. URL: http://www.adlittle.com/sites/default/files/viewpoints/ADL_HowtoBecomeDigitalLeader_02.pdf (дата обращения: 05.01.2019).

12. A Step-by-Step Guide to Digital Transformation. URL: <https://www.ionology.com/wp-content/uploads/2017/01/Step-by-Step-Guide-New.pdf> (дата обращения: 12.01.2019).

13. Цифровая трансформация в России: аналитический отчет на основе результатов опроса российских компаний. 2018. URL: https://komanda-a.pro/blog/dtr_2018 (дата обращения: 25.01.2019).

14. Digital Strategy and Roadmap. URL: https://www.cgi.com/sites/default/files/pdf/digital_strategy_and_roadmap.pdf (дата обращения: 18.01.2019).

15. Zaki M., Ismail Abdelaa M.H. Digital Business Transformation and Strategy: What Do We Know So Far // Working Paper, 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/322340970_Digital_Business_Transformation_and_Strategy_What_Do_We_Know_So_Far (дата обращения: 18.01.2019).

16. Галимова М.П., Гилева Т.А. Трансфер технологий в цифровой экономике: критерии

выбора бизнес-модели // Цифровая экономика и Индустрия 4.0: проблемы и перспективы: Матер. науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб., 2017. С. 418–423.

17. Исмагилова Л.А., Галимова М.П., Гилева Т.А. Инструменты организации процессов создания конкурентоспособной продукции в цифровой экономике // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. 2018. № 3. С. 43–51.

18. Ismagilova L.A., Gileva T.A., Galimova M.P., Glukhov V.V. Digital Business Model and SMART Economy Sectoral Development Trajectories Substantiation // Internet of Things, Smart Spaces, and Next Generation Networks and Systems. 17th International Conference, NEW2AN 2017, Third Workshop NsCC 2017. St. Petersburg, 2017. pp. 13–28.

19. Паркер Дж., Альстин М., Чаудари С. Революция платформ. Как сетевые рынки меняют экономику — и как заставить их работать на вас. М.: МИФ, 2017.

20. Солодилова Н.З., Сунаева Г.Г., Шарипова И.М. Интернетизация производства в основании новой экономической модели // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2016. № 3. С. 7–12.

21. Солодилова Н.З., Маликов Р.И., Гришин К.Е. Методический инструментарий оценки состояния региональной предпринимательской экосистемы // Экономика региона. 2018. № 4. С. 1256–1269.

22. CGI Global 1000. Insights from Conversations with Business and IT Executives around the World (2016). URL: https://www.cginederland.nl/sites/default/files/files_nl/articles/cgi_nl_presentatie CGI-global-1000.pdf (дата обращения: 18.01.2019).

23. Альманах «Цифровая экономика». Сколково, 2017. URL: <https://sk.ru/news/m/skmedia/20434.aspx> (дата обращения: 05.02.2019)

24. Валиев Ш.З., Сухочев В.И. России нужен эффективный и компетентный менеджмент // Высшее образование сегодня. 2010. № 3. С. 29–33.

25. Валиев Ш.З., Сухочев В.И. Как сформировать и оценить компетентность будущего менеджера? // Высшее образование сегодня. 2010. № 4. С. 57–61.

26. Вольфсон Б. Гибкие методологии разработки. URL: https://tados.ru/wp-content/uploads/2017/04/Борис_Вольфсон_Гибкие_методологии.pdf (дата обращения: 12.02.2019).

27. Кон М. Agile: оценка и планирование проектов. М.: Альпина Паблишер, 2018.

28. Промышленность 4.0: готовы ли производственные компании? Обзор производственного сектора России — 2018. Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/manufacturing/russian/russian-manufacturing-market-review-2018-ru.pdf> (дата обращения: 12.02.2019).

References

1. *Are You Ready for Digital Transformation? Measuring Your Digital Business Aptitude*. Available at: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2016/04/measuring-digital-business-aptitude.pdf> (accessed 21.01.2019).

2. *Digital Transformation: Seven Steps to Success. How Businesses Can Stay Relevant and competitive in Today's New Digital Era*. Available at: <https://info.microsoft.com/rs/157-GQE-382/images/Digital%20transformation-%20seven%20steps%20to%20success.v2.pdf?aliId=860635945> (accessed 30.01.2019).

3. *The Microsoft Digital Transformation Series. Part 1: The Digital Transformation Opportunity. Aligning Business Strategy to the Digital Transformation Market Opportunity*. Available at: <https://assetsprod.microsoft.com/mpn/en-us/digital-transformation-opportunity> (accessed 02.12.2018).

4. *Digital Business Transformation. A Conceptual Framework. 2015 Global Center for Digital Business Transformation*. Available at: <https://ru.scribd.com/document/372049639/Digital-Business-Transformation-Framework-pdf> (accessed 10.12.2018).

5. *Indeks zrelosti Industrier 4.0. Upravljenie tsifrovym preobrazovaniem Kompanii. Issledovanie acatech* [The Index of Maturity of Industry 4.0. Managing The Digital Transformation of Companies. The Acatech Study]. Available at: https://www.acatech.de/wp-content/uploads/2018/03/acatech_STUDIE_rus_Maturity_Index_WEB.pdf (accessed 12.12.2018). [in Russian].

6. *Industry 4.0 at McKinsey's Model Factories. Get Ready for the Disruptive Wave. McKinsey Digital*. Available at: https://capability-center.mckinsey.com/files/downloads/2016/digital4.0modelfactoriesbrochure_0.pdf (accessed 20.01.2019).

7. *The Digital Advantage: How Digital Leaders Outperform their Peers in Every Industry. Capgemini Consulting, MIT Sloan Management*. Available at: https://www.capgemini.com/wp-content/uploads/2017/07/the_digital_advantage_how_digital_leaders_outperform_their_peers_in_every_industry.pdf (accessed 20.01.2019).

8. Ueid M. *Tsifrovoy vikhr'. Kak pobezhdat' didzhital-novatorov ikh zhe oruzhiem* [Digital Vortex: How Today's Market Leaders Can Beat Disruptive Competitors at Their Own Game]. Moscow, Eksmo Publ., 2016.

9. Westerman G., Bonnet D., McAfee A. *The Nine Elements of Digital Transformation*. Available at: <https://sloanreview.mit.edu/article/the-nine-elements-of-digital-transformation/> (accessed 05.01.2019).

10. *Digital Maturity Model. Achieving Digital Maturity to Drive Growth*. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Technology-Media-Telecommunications/deloitte-digital-maturity-model.pdf> (accessed 05.01.2019).

11. *Digital Transformation — How to Become Digital Leader. Study 2015 Results*. Available at: http://www.adlittle.com/sites/default/files/viewpoints/ADL_HowtoBecomeDigitalLeader_02.pdf (accessed 05.01.2019).

12. *A Step-by-Step Guide to Digital Transformation*. Available at: <https://www.ionology.com/wp-content/uploads/2017/01/Step-by-Step-Guide-New.pdf> (accessed 12.01.2019).

13. *Tsifrovaya transformatsiya v Rossii: analiticheskii otchet na osnove rezul'tatov oprosa rossiiskikh kompanii. 2018*. [Digital Transformation in Russia: an analytical report based on the results of a survey of Russian companies. 2018]. Available at: https://komanda-a.pro/blog/dtr_2018 (accessed 25.01.2019).

14. *Digital Strategy and Roadmap*. Available at: https://www.cgi.com/sites/default/files/pdf/digital_strategy_and_roadmap.pdf (accessed 18.01.2019).

15. Zaki M., Ismail Abdela M.H. *Digital Business Transformation and Strategy: What Do We Know So Far*. Working Paper, 2018. Available at: https://www.researchgate.net/publication/322340970_Digital_Business_Transformation_and_Strategy_What_Do_We_Know_So_Far (accessed 18.01.2019).

16. Galimova M.P., Gileva T.A. *Transfer tekhnologii v tsifrovoy ekonomike: kriterii vybora biznes-modeli* [Transfer of Technologies in The Digital Economy: Criteria for The Selection of Business Models]. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Tsifrovaya ekonomika i Industriya 4.0: problemy i perspektivy»* [Proceedings of The Scientific and Practical Conference with International Participation «Digital Economy and Industry 4.0: Problems and Prospects»]. Saint-Petersburg, 2017, pp. 418–423. [in Russian].

17. Ismagilova L.A., Galimova M.P., Gileva T.A. *Instrumenty organizatsii protsessov sozdaniya konkurentosposobnoi produktsii v tsifrovoy ekonomike* [The Tools of Organization of Processes of Creation Competitive Products in The Digital Economy]. *Vestnik KGTU im. A.N. Tupoleva — Vestnik KGTU im. A.N. Tupoleva*, 2018, No. 3. pp. 43–51. [in Russian].

18. Ismagilova L.A., Gileva T.A., Galimova M.P., Glukhov V.V. *Digital Business Model and SMART Economy Sectoral Development Trajectories Substantiation. Internet of Things, Smart Spaces, and Next Generation Networks and Systems. 17th International Conference, NEW2AN 2017, Third Workshop NsCC 2017*. St. Petersburg, 2017, pp. 13–28.

19. Parker Dzh., Al'stin M., Chaudari S. *Revolyutsiya platform. Kak setevye rynki menyayut ekonomiku — i kak zastavit' ikh rabotat' na vas* [Platform Revolution. How Networked Markets Are Transforming the Economy — And How to Make Them Work for You]. Moscow, MIF Publ., 2017. [in Russian].

20. Solodilova N.Z., Sunaeva G.G., Sharipova I.M. *Internetizatsiya proizvodstva v osnovanii novoi ekonomicheskoi modeli* [Production Internetization in The Basis of New Economic Model]. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika*. —

Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy, 2016, No. 3, pp. 7–12. [in Russian].

21. Solodilova N.Z., Malikov R.I., Grishin K.E. Metodicheskie in-strumentarii otsenki sostoyaniya regional'noi predprinimatel'skoi ekosistemy [Methodological Tools to Measure the State of Regional Entrepreneurial Eco-system]. *Ekonomika regiona — Economy of Region*, 2018, No. 4, pp. 1256–1269. [in Russian].

22. CGI Global 1000. Insights from Conversations with Business and IT Executives around the World (2016). Available at: https://www.cginederland.nl/sites/default/files/files_nl/articles/cgi-nl_presentatie_cgi-global-1000.pdf (accessed 18.01.2019).

23. *Al'manakh «Tsifrovaya ekonomika»*. [Almanac «Digital Economy»]. Skolkovo, 2017. Available at: <https://sk.ru/news/m/skmedia/20434.aspx> (accessed 05.02.2019) [in Russian].

24. Valiev Sh.Z., Sukhochev V.I. Rossii nuzhen effektivnyi i kompetentnyi menedzhment [Russia Needs Effective and Competent Management]. *Vysshee obrazovanie segodnya — Higher Education Today*, 2010, No. 3, pp. 29–33. [in Russian].

25. Valiev Sh.Z., Sukhochev V.I. Kak sformirovat' i otsenit' kompetentnost' budu-

shchego menedzhera? [How to Form and Assess The Competence of The Future Manager?]. *Vysshee obrazovanie segodnya — Higher Education Today*, 2010, No. 4, pp. 57–61. [in Russian].

26. Vol'fson B. *Gibkie metodologii razrabotki* [Flexible Development Methodologies]. Available at: https://tados.ru/wp-content/uploads/2017/04/Борис_Вольфсон_Гибкие_методологии.pdf (accessed 12.02.2019). [in Russian].

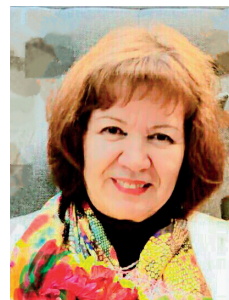
27. Kon M. Agile: otsenka i planirovanie proektov [Agile: Project Evaluation and Planning.]. Moscow, Alpina Publ., 2018. [in Russian].

28. *Promyshlennost' 4.0: gotovy li proizvodstvennye kompanii? Obzor proizvodstvennogo sektora Rossii — 2018. Issledovatel'skii tsentr kompanii «Deloit» v SNG* [Industry 4.0: are Manufacturing Companies Ready? Overview of The Russian Manufacturing Sector-2018. Research Center of Deloitte in The CIS.]. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/manufacturing/russian/russian-manufacturing-market-review-2018-ru.pdf> (accessed 12.02.2019). [in Russian].

Насретдинова З. Т.
Nasretdinova Z. T.

кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Экономика
и предпринимательство»,
Башкирский кооперативный
институт (филиал)
АНОО ВО Центросоюза РФ
«Российский университет кооперации»,
г. Уфа, Российская Федерация

Ахмедина Г. Б.
Ahmedina G. B.

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономико-правовое
обеспечение безопасности»,
Институт истории
и государственного управления,
ФГБОУ ВО «Башкирский
государственный университет»,
г. Уфа, Российская Федерация

Кузяшев А. Н.
Kuzyashev A. N.

кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Гуманитарные
и естественнонаучные дисциплины»,
Башкирский кооперативный
институт (филиал)
АНОО ВО Центросоюза РФ
«Российский университет кооперации»,
г. Уфа, Российская Федерация

Рахматуллин Ю. Я.
Rakhmatullin Yu. Ya.

кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Экономико-правовое
обеспечение безопасности»,
Институт истории
и государственного управления,
ФГБОУ ВО «Башкирский
государственный университет»,
г. Уфа, Российская Федерация

УДК 338.436

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-53-59

ГЕНЕЗИС КООПЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Необходимость поиска путей повышения стабилизации аграрного производства России на основе реализации кооперативного движения, представляющего собой стратегически важную социально-экономическую задачу, предполагающую системное исследование и уточнение исторических аспектов ее функционирования и развития обусловила актуальность темы исследования. Дальнейшая разработка научно обоснованных подходов, методических и практических рекомендаций по развитию процессов кооперации и интеграции различных хозяйствующих структур в регионах страны в настоящее время продолжает оставаться актуальной задачей.

Результаты исследования, представленные в статье, отражают анализ исторических аспектов зарождения и развития кооперативных отношений на основе проведения ретроспективного анализа последовательности и направленности динамики формирования и трансформации форм кооперативного движения в нашей стране.

Результатом работы явилась ретроспективная оценка последовательности и разнонаправленности динамики формирования и трансформации системы кооперативного движения от традиционных форм кооперации до дальнейшего интегрирования сельскохозяйственного производства с другими отраслями народного хозяйства, позволившая обособить основные этапы в формировании сельскохозяйственной кооперации, обладающие специфическими, присущими только данному этапу, формами выражения. В результате анализа выявлено: стратегии развития кооперации на всех этапах исторического и социально-экономического развития зависели как от природно-климатических условий, национального мышления, политического обстановки, так и экономического положения, как в стране, так и в мире.

Ключевые слова: исследование, кооперативные отношения, исторические аспекты, зарождение, развитие, результаты, аграрная сфера, экономика, Россия.

HISTORICAL ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF COOPERATIVE RELATIONS IN THE AGRARIAN SPHERE OF THE RUSSIAN ECONOMY

The relevance and novelty of the work is explained by the fact that at present it is necessary to study the issues on finding ways to improve the stability of agricultural production, it is very important for Russia. Therefore, it is very urgent and necessary to clarify certain moments of historical stages and features of the birth, transformation and development of cooperative relations in our country. It is necessary to apply more actively the experience of implementing cooperative relations in the country's economy. Cooperation provides an opportunity to solve problems in the economy and social sphere of the country in a strategic plan.

The article presents the results of research on historical issues related to the birth and development of cooperative relations in the agrarian sphere of the Russian economy. An analysis was made of the process of birth, transformation and development of various types of cooperative relations in our country.

As result of work it was revealed that in our country the birth, transformation and development of cooperative relations was uneven. Historical research allowed to identify the stages of development and highlight their features. The development of cooperative relations took place from traditional forms of cooperation to the further integration of agricultural production with other branches of the national economy. Strategies for the development of cooperation of countries at all stages of historical, social and economic development depended both on the natural and climatic conditions, on the national thinking, on the political situation, and on the economic situation that took place in the country and in the world.

Key words: research, cooperative relations, historical aspects, origin, development, results, agrarian sphere, economy, Russia.

Становление и развитие сельскохозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции являются одним из первоочередных направлений стабилизации и совершенствования аграрного производства России. Успехи развития экономической теории и практики, как в глобальном масштабе, так и в России в целом, определяются умениями и способностями реализации позитивного опыта, накопленного предшествующими поколениями [1].

Активное внедрение преимуществ кооперации и неразрывная связь со стабильностью развития народного хозяйства аграрного сектора подтверждены как современной мировой практикой, так и отечественным опытом хозяйствования [2]. За счет деятельности кооперативных предприятий по итогам ООН около половины жителей Земли обеспечивает свое существование. О возможностях и результативности кооперативов демонстрируют ниже перечисленные факты: 49 000 кре-

дитных союзов Всемирного совета кредитных союзов обслуживают 177 000 000 членов в 96 странах мира, 80–99 % молока вырабатывают кооперативы сельскохозяйственного производства в Норвегии, Новой Зеландии и Соединенных Штатах, 71 % рыбной продукции производят кооперативы в Республике Корея и 40 % сельскохозяйственной продукции реализуют кооперативы в Бразилии [3]. В Нидерландах, Финляндии, Ирландии, а во Франции и Германии почти 100 % сельхозтоваропроизводителей объединены в сельскохозяйственные кооперативы [4].

Исторический генезис формирования сельскохозяйственной кооперации за более чем 150-летнее развитие связан с колебаниями от экстенсивных к интенсивным формам экономического роста [5]. Как показывают исследования, понятие кооперации в теоретическом аспекте было сформировано и обосновано только в начале XIX века. Основоположником формы кооперативных отношений в сельском хозяйстве принято считать английского предпринимателя Р. Оуэна. Более детально теорию современной кооперации стали разрабатывать его продолжатели — Ш. Фурье, У. Кинг, Ф. Бюше, Г. Шульце-Делич, Ф. Райффайзен, Н.Г. Чернышевский, А.В. Чайнов, С.С. Маслов и др.

Деятельность сельскохозяйственных кооперативов в соответствии с определениями понятия «кооперация» в «Толковом экономическом и финансовом словаре» И. Бернара и Ж. Колли, с определением основоположника кооперативной теории в России А.В. Чайнова, а также на основе определения в статье 3 Устава Международного кооперативного

альянса, статьи 46 Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации» основывается на специфических базовых принципах, единых для всех кооперативных организаций России, представленных в таблице 1.

Анализ отечественных и зарубежных источников, отражающих показатели динамики формирования кооперации в агропромышленном комплексе, позволил выявить их нестабильность, неравномерность и разнообразие трансформации в развитии, проявляющиеся в переходе от традиционных, устойчивых форм кооперации к дальнейшему интегрированию аграрного производства с другими сферами деятельности экономики [6–8]. Стратегии развития кооперации на всех этапах исторического и социально-экономического развития зависели как от природно-климатических условий, национального мышления, политического обстановки, так и экономического положения как в стране, так и в мире.

Ретроспективная оценка последовательности и разнонаправленности динамики формирования и трансформации форм кооперативного движения в нашей стране позволяет выделить семь основных этапов в формировании кооперации в аграрном секторе экономики: первый период — период длительного становления (1865–1905 гг.), второй — столыпинский период подъема и расцвета (1906–1916 гг.), далее — резкий спад в годы «военного коммунизма» (1918–1921 гг.), позже — НЭПовский — этап возрождения (1922–1929 гг.), пятый период — «огосударствление» кооперации в период «директивной экономики» (1930–1984 гг.), шестой —

Таблица 1. Принципы деятельности сельскохозяйственной кооперации в сопоставлении с российскими культурными принципами и ценностями

Российские культурные принципы и ценности	Базовые принципы сельскохозяйственной кооперации
Духовность	Удовлетворение потребностей членов кооператива
Равноправие	Демократичность управления
Справедливость	Распределение экономической выгоды пропорционально участию в хозяйственной деятельности
Ответственность	Ответственность членов кооператива за результаты экономической деятельности
Российские культурные принципы и ценности	Базовые принципы сельскохозяйственной кооперации
Самофинансирование	Безубыточность работы
Взаимопомощь	Обязательное информирование членов кооператива о результатах экономической деятельности

первоначальный этап нового возрождения, реорганизации колхозов и совхозов (1984–1995 гг.), седьмой период — современный (1996 — настоящее время) [5].

В каждом из представленных периодов кооперация в сельском хозяйстве обладала специфическими, присущими только данному этапу, формами выражения. Так, в первоначальный этап развития кооперативное движение формировалась в сфере обмена и обращения товарами сельскохозяйственного производства, представленного в качестве потребительских, кредитных, снабженческо-сбытовых кооперативов.

В этап изменений, известных как столыпинских преобразований, активно начало формироваться земледельческое хозяйство, понимаемое как семейно-трудовое объединение. Деятельность крестьян рассматривалась как деятельность организованного союза, например семьи. Данная форма организации труда была определена как кооперативно-семейная.

Период 1906–1916 гг. в развитии сельскохозяйственной кооперации характеризуется организацией небольших производителей товаров в специфический синдикат, созданный на союзе незначительного капитала сельскохозяйственных товаропроизводителей. Далее формирование кооперации характеризуется трансформацией ее из сферы обмена в сферу производства и переработки продукции сельского хозяйства. Впервые в России образовывается единый организующий и регулирующий кооперативный центр — Совет Всероссийских кооперативных съездов. Интенсивное развитие кооперативного движения в сельскохозяйственном секторе способствовало обеспечению продовольствием не только население нашей страны, но также и способствовало развитию возможностям вывозить продукцию кооперативных организаций также за рубеж.

В данный промежуток времени кооперативное движение становится наиболее популярным и массовым явлением, поскольку большая часть работников сельского хозяйства признали его эффективность и экономическую выгоду. Для сравнения, если

в 1897–1904 гг. рост количества товариществ достигал 77 единиц в год, то в 1905–1908 гг. их количество уже исчислялось 539 кооперативами, в 1909–1912 гг. было создано 1321 товарищество, а в 1913–1915 гг. организовывалось более одной тысячи кооперативов ежегодно [9].

Полагаем, что многие помнят блистательную страницу кооперативного движения России — маслосыродельную. По словам известного русского экономиста М. И. Туган-Барановского, результаты кооперации убедительно демонстрировали грандиозные резервы кооперативного движения России и обеспечивали стране в 1906 году 2-ое место в мировом экспорте масла после Дании. А в 1914 году уже четверть масла, производимого во всем мире, была реализована Россией. От экспорта масла в казну государства поступало вдвое больше денег, чем от золота (таблица 2).

Таблица 2. Динамика развития кооперации в России

Виды кооперативов	1901–1902 гг.	1917 г.
Кредитные кооперативы	837	16055
Потребительские общества	600	20000
Сельскохозяйственные общества	137	6032
Сельские товарищества	—	2100
Маслодельные артели	51	3000
Кустарные артели	н/с	600
Всего	1625	47787

К началу 1917 г. в России образовалась предрасположенность к формированию целостной кооперативной системы, о чем свидетельствуют статистические данные тех лет. Объемы производимой продукции российской кооперации за 1900–1917 гг. увеличились в 35 раз, а с 1910 по 1917 гг. — почти в 4,5 раза [9].

Однако, торжество революции в октябре 1917 г., власть военного коммунизма в период гражданской войны (1913–1921 гг.) в конечном итоге разрушили все виды кооперативного движения. Производство и реализация сельхозпродукции были практически дестабилизированы, сельхозпродукция почти даром отбиралась продотрядами у работников кооперативов. Крестьянство начало уменьшать посевы, сокращались объемы

производства. Даже смена протозверстки продналогом не позволила превысить средний процент реализованного товара на рынке к производимому 11 % против 26–29 %, зафиксированному в период до 1917 г. Таким образом, кооперация в своем первоначальном историческом понимании была ликвидирована по всем ее направлениям.

Значимый вклад в мощном восстановлении кооперативного движения внес период НЭПа, явившийся своеобразным логическим продолжением развития периода столыпинских преобразований. Он отмечен глобальными темпами роста численности кооперативов и их союзов по вертикальным и по горизонтальным связям. Увеличиваются сферы воздействия на все области сельского производства вопреки тому, что прирост капитала в крестьянских хозяйствах в 1923 г. относительно уровня 1915 г. составлял лишь 40 %. В разнообразные формы кооперации в 1929 г. было вовлечено более 80 % всех крестьянских подворий. За 1921–1928 гг. количество сельхозкооперативов увеличилось свыше чем в 5 раз, показатель данных объединений крестьянского населения в кооперативы повысился в 20 раз [10]. В данный этап развития кооперация в сельском хозяйстве явилась причиной образования единого рынка по всей стране, оказывая влияние практически на все отрасли производства в сельском хозяйстве, объединив более двух десятков независимых свободных отраслевых кооперативных союзов, таких как: «Льно-центр», «Хлебоцентр», «Картофелецентр», «Плодвинцентр», «Птицесоюз», «Союзсахар» и т.д., объединенных в «Союз союзов сельхозкооперации РСФСР». В то же время интенсивное развитие кооперации в сельском хозяйстве, как в сфере производства, рыночного обращения и сферы услуг в аграрном секторе, выявило некоторую беспомощность имеющихся тогда национальных структур в вопросах гарантии стабильности работы в аграрном секторе экономики. С самого начала НЭПа рынок и фактически все товарообращение возвратилось в частный сектор, что не только установило новые правила и стратегию торгового оборота, но и

в немаловажной степени всю стратегию общественного производства, обмена, распределения и потребления материальных благ на селе. Оживилась перерабатывающая и сбытоснабженческая кооперация, обеспечивающая начальной обработкой товарную сельхозпродукцию в деятельности маслодельческих, картофелетерочных, плодоовощесушильных и других кооперативов [9].

Доминирующую роль в производственной деятельности крестьян оказали в тот период сбытоснабженческий и кредитный виды кооперации. Сбытоснабженческие кооперативы не только занимались сбытом сельхозпродукции крестьян, но также и снабжали семенами, другими средствами производства, что активизировало сельхозпроизводство и увеличивало уровень товарности продукции. Доля сбытоснабженческой кооперации в заготовлении продуктов потребления в 20-е годы увеличилась с 10 % до 46,2 %. Единство сбытоснабженческих выгод сподвигло товаропроизводителей продукции сельского хозяйства к динамичному развитию и иных видов коопераций. На базе реформ этапа НЭПа были структурированы товарно-денежные отношения, на основании чего натуральный продналог в 1925 г. был замещен на единый денежный. Государственная поддержка производственной кооперации субсидированием с 1927–1930 гг. составила 719 млн руб. Кооперативный сектор к концу 1926 г. уже преобладал в стране: более половины товарооборота осуществлялось благодаря кооперативам.

Экономический эффект от кооперации проявлялся не только в высокой эффективности труда межхозяйственных организаций, но также и в том, что хозяйства-пайщики стимулировались повышением результатов работы на основе их причастности при разделе заработанных ими прибылей.

Уникальную экономическую стабильность разнообразные кооперативные движения ярко продемонстрировали в периоды войн и революционных потрясений. В немалой степени за счет кооперации общество смогло выдержать безнадежный экономический хаос и дезинтеграцию.

Вывод

Выступая значимой экономической и социальной силой, кооперация попадает в центр интереса власти и во все исторические периоды ощущает на себе значительные преобразования и опыты. Результирующим вектором ее развития в условиях отсутствия конкуренции с частным капиталом и рыночной экономики становятся все более жесткое подчинение органам государственного управления, бюрократизация, потеря внутренне присущих кооперации черт и принципов организационного построения, что подтверждает необходимость поиска путей повышения стабилизации аграрного произ-

водства России на основе реализации кооперативного движения, представляющего собой стратегически важную социально-экономическую задачу.

Однако природа кооперации такова, что она, выступая социально-ориентированной системой, главную свою задачу видит в обеспечении материальных и социальных интересов работников и малоимущих слоев населения.

Кооперация — это не только история, но и решение проблем, вызванных рыночными реформами в России, которое будет тем успешнее, чем полнее будет учтен исторический опыт.

Список литературы

1. Ахмедина Г.Б. Взаимодействие власти и предпринимательских структур в контексте современности // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9–1 (86). С. 459–464.

2. Ахмедина Г.Б. Социальная ответственность и социальное предпринимательство // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность в современных условиях: теория и практика: матер. Всеросс. науч.-практ. конф. Уфа, 2015. С. 128–130.

3. Рахматуллин Ю.Я. Проблемы формирования прибылей и убытков в отечественной и зарубежной практике // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2013. № 3 (41). С. 204–206.

4. Кузяшев А.Н. Закономерности многообразия форм собственности в экономике // Азимут научных исследований: экономика и управление. Тольятти. 2017. Т. 6. № 4(21). С. 146–149.

5. Кузяшев А.Н. Экономика. Уфа: Академия ВЭГУ, 2011. 360 с.

6. Марванова Л.В. Оценка экономической эффективности работы предприятия и резервы ее повышения // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 4–5. С. 700–701.

7. Насретдинова А.Р. Роль химии в повышении эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения // Сб. матер. Междунар. молодежн. симпозиума по

управлению, экономике и финансам. Казань: Изд-во Solo Press, 2016. С. 246–247.

8. Садыкова Д.Ф., Рахматуллин Ю.Я. Анализ финансовых ресурсов организации // Эпоха науки. 2018. № 14. С. 118–121. DOI 10.1555/2409-3203-2018-0-14-218-121.

9. Ежегодник «Вся кооперация СССР». М., 1929. 186 с.

10. Животноводство: резервы роста. Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России. URL: http://www.akkor.ru/sites/default/files/13.05.14_slaydy1.ppt (дата обращения 01.02.2019).

References

1. Akhmedina G.B. Vzaimodeistvie vlasti i predprinimatel'skikh struktur v kontekste sovremennosti [Interaction of Power and Business Structures in The Context of Modernity]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo — Economy and Entrepreneurship*, 2017, No. 9–1 (86), pp. 459–464. [in Russian].

2. Akhmedina G.B. Sotsial'naya otvetstvennost' i sotsial'noe predprinimatel'stvo [Social Responsibility and Social Entrepreneurship]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sotsial'noe predprinimatel'stvo i korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' v sovremennykh usloviyakh: teoriya i praktika»* [Materials of The All-Russian Scientific and Practical Conference «Social Entrepreneurship and Corporate Social Responsibility in Modern Conditions: Theory

and Practice»]. Ufa, 2015, pp. 128–130. [in Russian].

3. Rakhmatullin Yu.Ya. Problemy formirovaniya pribylei i ubytkov v otechestvennoi i zarubezhnoi praktike [Problems of Profit and Loss Formation in Domestic and Foreign Practice]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta — Izvestiya of the Orenburg State Agrarian University*, 2013, No. 3 (41), pp. 204–206. [in Russian].

4. Kuzyashev A.N. Zakonomernosti mnogoobraziya form sobstvennosti v ekonomike [Patterns of Diversity of Forms of Ownership in The Economy]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie — Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*, Tolyatti, 2017, Vol. 6. No. 4 (21), pp. 146–149. [in Russian].

5. Kuzyashev A.N. *Ekonomika* [Economics]. Ufa, VEGU Academy Publ., 2011. 360 p. [in Russian].

6. Marvanova L.V. Otsenka ekonomicheskoi effektivnosti raboty predpriyatiya i rezervy ee povysheniya [Assessment of The Economic Efficiency of The Enterprise and The Reserves of Its Increase]. *Mezhdunarodnyi studentcheskii nauchnyi vestnik — International Student Scientific Bulletin*, 2016, № 4–5, p. 700–701. [in Russian].

7. Nasretdinova A.R. Rol' khimii v povyshenii effektivnosti ispol'zovaniya zemel' sel'skokhozyaistvennogo naznacheniya [The Role of Chemistry in Improving the Efficiency of Agricultural Land Use]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnogo molodezhnogo simpoziuma po upravleniyu, ekonomike i finansam* [Collection of Materials of The International Youth Symposium on Management, Economics and Finance]. Kazan, Solo Press Publ., 2016, pp. 246–247. [in Russian].

8. Sadykova D.F., Rakhmatullin Yu.Ya. Analiz finansovykh resursov organizatsii [Analysis of The Financial Resources of The Organization]. *Epokha nauki — The Age of Science*, 2018, No. 14, pp. 118–121. DOI 10.1555/2409-3203-2018-0-14-218-121. [in Russian].

9. *Ezhegodnik «Vsya kooperatsiya SSSR»* [Yearbook «All USSR Cooperation»]. Moscow, 1929. 186 p. [in Russian].

10. *Zhivotnovodstvo: rezervy rosta. Assotsiatsiya krest'yanskikh (fermerskikh) khozyaistv i sel'skokhozyaistvennykh kooperativov Rossii* [Livestock: Growth Reserves. Association of Peasant Farms and Agricultural Cooperatives of Russia]. Available at: http://www.akkor.ru/sites/default/files/13.05.14_slaydy1.ppt (accessed 01.02.2019). [in Russian].

Курманова Д. А.
Kurmanova D. A.

*кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры финансов и налогообложения,
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 336.717

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-60-67

ФИНАНСОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА РОЗНИЧНОМ РЫНКЕ БАНКОВСКИХ УСЛУГ

За последние годы в секторе финансовых услуг произошли серьезные изменения, вызванные появлением новых технологий. Развитие экономических отношений между субъектами финансового рынка обязывает их находиться в постоянном поиске новых решений, создании и внедрении инновационных технологий в свои продукты и услуги. Процессы взаимодействия в создании банковского продукта, выстраивании долгосрочной стратегии и успешной проектной деятельности переходят в цифровую интерактивную модель взаимодействия, когда традиционные экономические процессы приобретают новые способы взаимодействия в цифровой среде. На сформировавшихся рынках появляются финтех-стартапы в таких областях, как обслуживание физических лиц и управление частным капиталом, которые выбиваются в лидеры за счет удобных для клиентов решений, не обремененных традиционными системами.

Финансовые технологии предполагают не только внешнюю модернизацию банка, но и реструктуризацию большей части внутренней системы работы коммерческих банков во взаимодействии на основе партнерства с создаваемыми на финансовом рынке финтех-компаниями, что определяет актуальность темы исследования.

Цель научной статьи заключается в мониторинге практики применения финансовых технологий в банковской сфере как наиболее быстроразвивающихся тенденций в банковском деле, что служит основой для прогнозирования направлений развития сферы финансовых услуг в новой цифровой конкурентной среде.

Финансовые технологии коренным образом меняют конкурентную среду финансовых институтов и структуру рынков их функционирования, сокращая филиальную сеть банков, число занятых в сфере финансовых услуг, одновременно расширяя их предоставление в режиме реального времени, формируя условия для многофункциональных цифровых банков с низкой базой текущих затрат за счет упрощения традиционных систем. Финтех-сегмент рынка капитала способствует формированию новой бизнес-модели, предлагая пользователям более персонализированный вариант обслуживания в сочетании с более низкими фиксированными затратами и ценовыми параметрами.

Ключевые слова: финансовые технологии, финансовые услуги, инновации, банки, финтех-компании.

FINANCIAL TECHNOLOGIES IN THE RETAIL BANKING MARKET

The financial services sector has undergone major changes in recent years as a result of new technologies. The development of economic relations between the subjects of the financial market obliges them to be in constant search of new solutions, the creation and implementation of innovative technologies in their products and services. The processes of interaction in the creation of a banking product, building a long-term strategy and successful project activities are moving into a digital interactive model of interaction, when traditional economic processes acquire new ways of interaction in the digital environment. In emerging markets, FinTech startups are emerging

in areas such as servicing individuals and managing private capital, which are becoming leaders due to customer-friendly solutions that are not burdened by traditional systems.

Financial technologies involve not only the external modernization of the Bank, but also the restructuring of most of the internal system of commercial banks in cooperation on the basis of partnership with the FinTech companies created in the financial market, which determines the relevance of the research topic.

The purpose of the scientific article is to monitor the practice of financial technologies in the banking sector as the fastest growing trends in banking, which serves as the basis for forecasting the directions of development of financial services in the new digital competitive environment.

Financial technologies are radically changing the competitive environment of financial institutions and the structure of their functioning markets, reducing the branch network of banks, the number of employees in the financial services sector, while expanding their provision in real time, creating conditions for multifunctional digital banks with a low base of current costs by simplifying traditional systems. The FinTech segment of the capital market contributes to the formation of a new business model, offering users a more personalized service option combined with lower fixed costs and price parameters.

Key words: financial technologies, financial services, innovations, banks, FinTech-companies.

В банковской сфере происходят огромные изменения, ключевым фактором которых выступает развитие финансовых технологий как современных инноваций на рынке финансовых услуг на базе новых технологий. С позиции потребителя финансовых услуг — это новые приложения, новые продукты, которые предлагаются не только традиционными финансовыми институтами, но также компаниями, развивающими финансовые технологии вне банковской системы, что позволяет предоставлять финансовые услуги одновременно различными независимыми поставщиками услуг.

Финансовые технологии, или финтех (FinTech), — отрасль, состоящая из компаний, использующих технологии и инновации, чтобы конкурировать с традиционными финансовыми организациями в лице банков и посредников на рынке финансовых услуг.

Финансовые технологии демонстрируют рост инвестиций в России несмотря на снижение общего объема инвестиций. По данным экспертов, за 2011–2016 годы инвестиции в финтех-рынок России выросли более чем в десять раз. Порядка 90 % инвестиций в финансовые технологии осуществляются ведущими российскими банками. Более 70 % средств направлено в сферу персональных финансов и финансов малого бизнеса. Общий объем российских инвестиций в финансовые технологии, по данным РВК, оценивается в 0,2 % от мирового уровня [1].

Наиболее востребованными направлениями инноваций на рынке финансовых услуг являются: платежи и денежные переводы, платежные сервисы (более 50 % инвестиций); проекты в сфере кредитования (25 % инвестиций); управление капиталом и операции на финансовых рынках (7 %); страхование (2 %) [2].

Банк России считает наиболее перспективными финансовыми технологиями анализ данных и Big Data, мобильные технологии, искусственный интеллект, роботизацию, биометрию, распределенные реестры, облачные технологии [3].

В области дистанционного банковского обслуживания финтех включает в себя множество интересов, которые на данный момент активно развиваются: цифровые платежи и одноранговые платежи (Peer-to-peer payments); одноранговое кредитование (Peer-to-peer lending); краудфандинг и краудинвестинг (Equity crowdfunding); риск-менеджмент; анализ Big Data и прогнозное моделирование (Predictive modeling) технологии безопасности (Security tech).

Консалтинговая компания EY полагает, что сектор финансовых технологий развивается глобально с точки зрения занятости, инвестиций и количества финтех-компаний, хотя он еще очень далек от уровня зрелости. Основные инициативы на рынке финансовых технологий можно разделить на следующие группы: стартапы; традиционные

финансовые учреждения (банки, страховые организации); технологические или розничные компании, появившиеся в финансовом секторе; сложные стартапы со смешанной структурой собственности.

Консалтинговая и аудиторская компания Deloitte оценила активность российских банков по внедрению новых технологий. Эксперты выбрали 11 инноваций и разделили их на несколько групп: безопасность («умная» идентификация), аналитика (Big Data, личные финансовые помощники) цифровые технологии (онлайн-кошелек, бесконтактная оплата и т.д.), автоматизация (роботы в отделениях), геймификация (игры и квесты для клиентов) и P2P-кредитование. В итоге самым продвинутым банком по оценке Deloitte стал Сбербанк (18 баллов), второе место разделили Альфа-банк и Тинькофф Банк (16 баллов). На третьей строчке оказался банк «Открытие» (8 баллов) [4]. В 2017 г. Сбербанк запустил систему «Цифровой индекс Иванова» — показатель, характеризующий уровень цифровизации жизни среднестатистического жителя России. Согласно отчетам, более 95 % операций проводятся в Сбербанке через цифровые каналы и только около 50 % с физическими лицами [5].

Исследование отечественной банковской практики позволило выявить присутствие на рынке ряда тенденций (рисунок 1):

1) активное отраслевое использование информационно-вычислительных технологий, онлайн-сервисов, мобильных приложений способствует усилению конкуренции со стороны финтех-компаний;

2) роботизированные технологии берут на себя работу с массивами данных, его анализом и построением прогнозов;

3) игровые компоненты и визуальная составляющая банковских предложений, программ и процессов становятся значимыми критериями успешности, применяется геймификация;

4) расширяется использование технологии Big Data (Больших Данных) для анализа кредитоспособности, кредитного скоринга и андеррайтинга, производятся монетизация данных и предложение клиенту подходящих именно ему банковских услуг;

5) в связи с активизацией инновационной банковской деятельности повышается роль управления рисками ведения инновационной деятельности.

Эти тенденции напрямую связаны с инновационными технологиями, внедряемыми в финансовом секторе, что приводит к усилению конкуренции в отрасли со стороны финтех-компаний, которые нацелены на предоставление разноплановых услуг финансового характера, необходимого качества в максимально короткие сроки и являются едва ли

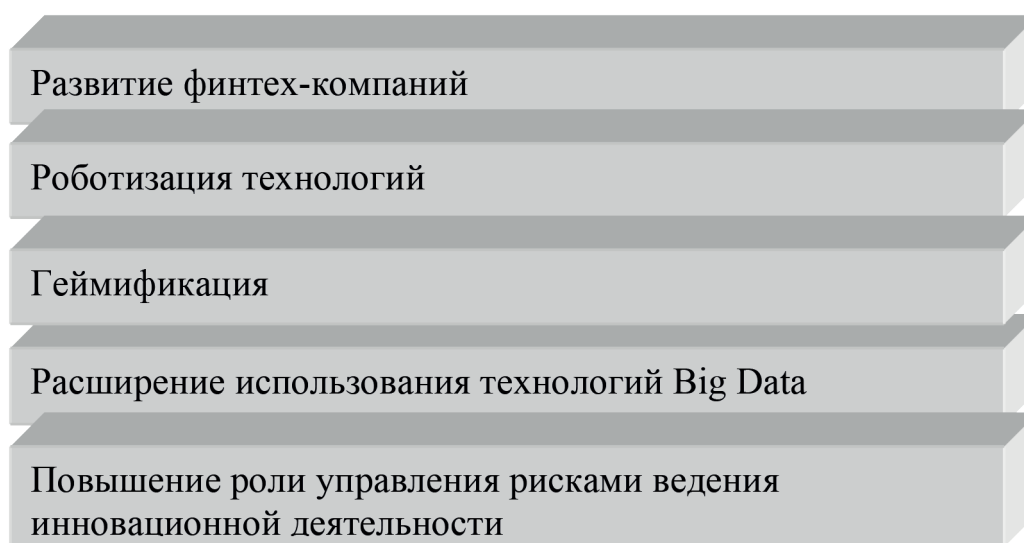

Рисунок 1. Современные тенденции в развитии банковских инноваций

не главными конкурентами банков в борьбе за клиента. Финтех-компании в отличие от банков обладают более гибкой структурой и, как следствие, мобильностью. Предоставление услуг финтех-компаниями ведется с использованием современных каналов: мобильных приложений, искусственного интеллекта (роботов), социальных сетей и др.

Потребителям финансовых услуг необходима более вариативная ассортиментная линейка, максимально соответствующая требованиям современной жизни, поэтому

банки конкурируют за клиентов с финтех-компаниями, способными к более быстрому и целевому предоставлению услуг финансового характера. Этот факт служит подтверждением необходимости активного использования банками передовых инновационных технологий для сохранения лидерства в сегменте финансовых операций. На рисунке 2 представлены данные, отражающие уровень успешности инновационных банковских продуктов и услуг [6].

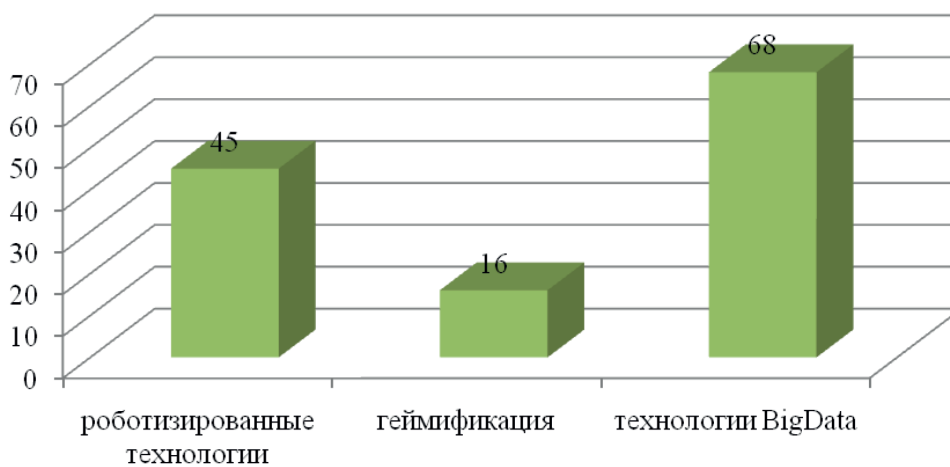

Рисунок 2. Уровень успешности инновационных банковских продуктов и услуг, % к общему числу [6]

Таким образом, важнейшими особенностями продуктовой стратегии коммерческих банков на современном этапе являются неизбежное следование общемировым тенденциям (развитие финтехнологий, роботизация, геймификация, преобладание технологий Big Data, управление рисками) и неизбежное ориентирование бизнес-технологий на цифровую экономику.

Несмотря на все преимущества, которые предоставляют финансовому миру роботизированные технологии, встает вопрос востребованности финансистов, бухгалтеров и иных категорий банковских служащих. Аналитическая компания My Private Banking прогнозирует, что к 2025 г. под управлением роботов будет находиться 10% всех средств частных инвесторов, а Сбербанк планирует принимать 80% решений с опорой на искусственный интеллект уже к 2021 г., тем самым сократив штат своих сотрудников на десятки

тысяч человек. В этих условиях российским высшим учебным заведениям уже сейчас необходимо внести коррективы в планы подготовки соответствующих специалистов с учетом реальной потребности рынка.

Российские банки существенно отстают в применении геймифицированной технологии, связанной с клиентским сектором и выстраиванием устойчивых взаимоотношений, как с пользователями финансовых услуг, так и с самими банковскими сотрудниками. На рисунке 3 представлены сравнительные данные развития отдельных направлений финансовых технологий в банковском секторе России и стран ЕС [6].

Уровень успешности инновационных банковских продуктов и услуг в европейских банках выше: в роботизированных технологиях на 30%, геймификации — в 2 раза, и лишь в технологии Big Data уровень приблизительно одинаков (71% и 68%). Соответственно

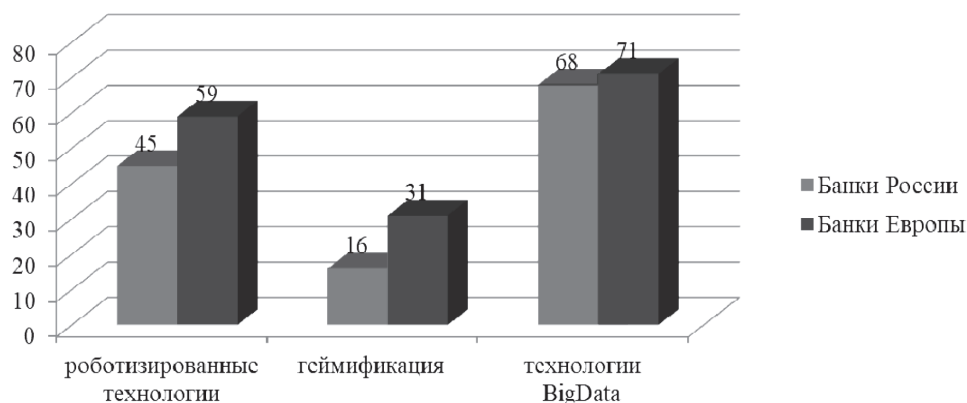

Рисунок 3. Уровень успешности инновационных банковских продуктов и услуг в России и в Европе, % к общему числу [6]

потенциал развития финансовых технологий на российском финансовом рынке с учетом мирового опыта достаточный (таблица 1).

Перспектива развития финансовых технологий в России связана с решением вопросов организации системного развития и интеграции цифровых технологий в основные сферы жизни общества. По определению Всемирного банка, «цифровая экономика — это новая парадигма ускоренного экономического развития». Цифровые технологии коренным образом меняют личную жизнь человека, бизнес и глобальную экономику. Лидером по

доле цифровой экономики в ВВП среди стран Большой двадцатки является Великобритания (более 12%), далее Южная Корея (8%), Китай (7%). Россия в этом рейтинге занимает лишь 16 место с долей цифровой экономики в ВВП в 2016 г. всего 2,8%.

В России индекс готовности к цифровой экономике рассчитывается по индексу International Digital Economy and Society Index (I-DESI), применяемому Европейской Комиссией для анализа уровня развития цифровой экономики по странам Европейского союза и 15 государств (включая

Таблица 1. Потенциал развития инновационных банковских продуктов и услуг на финансовом рынке России

Тенденции банковских инноваций	Современное состояние	Потенциал развития с учетом мирового опыта
Интеграция банков с финтех-компаниями	Активное развитие, оборот финтех-компаний за последние три года вырос на 73%	В рамках развития цифровой экономики (digital economy)
Роботизированные технологии обеспечивают оперативную работу с массивами данных, их анализ и построение прогнозов	Первые попытки внедрения автоматизации процессов. Уровень автоматизации — не более 5% операций (в ряде банков — до 10%) с применением роботов	Замена 37% операций в банке с применением роботов
Игровые компоненты банковских предложений, программ и процессов (геймификация)	Практически не используется	С помощью геймификации можно анонсировать цепочку инновационных банковских продуктов и услуг, как делается в банках развитых стран
Расширяется использование технологии Big Data	Имеет широкое применение. Более 60% инновационных банковских продуктов и услуг приходится на этот тренд	В рамках развития цифровой экономики (digital economy)
Повышение роли управления рисками ведения инновационной деятельности	При внедрении инновационных банковских продуктов и услуг наблюдается высокий уровень риска, что сдерживает их развитие в банках, так как финансовая устойчивость и надежность банковского сектора России невысоки по сравнению с зарубежными банками	Радикальная трансформация банковского риск-менеджмента, бухгалтерского учета и аудита, пересмотр системы рейтинговой оценки надежности банков

Россию). Фокусные точки исследования, принятые в мировом сообществе измерения цифровой экономики, включают: инфраструктуру цифровых технологий, развитость услуг связи, хранения и передачи информации, развитие человеческого капитала, «цифровизацию» бизнеса с учетом уровня автоматизации внутренних процессов, информационную безопасность, регуляторную среду и барьеры для развития цифровых технологий.

По приведенным фокусным точкам проведено исследование экспертами аналитического центра НАФИ и Фонда «Сколково». Оценка проводилась по выборке, состоящей из 120 компаний «традиционных» отраслей экономики, относящихся к категории крупные и средние, и 120 банков. Результаты

оценки индекса готовности к переходу на цифровые технологии по данной выборке представлены на рисунке 4.

Уровень готовности российских компаний к цифровой экономике оценивается как крайне низкий (36 % из 100 %). Среди банков уровень готовности к переходу на новую «цифровую модель» гораздо выше — 68 %.

Результаты оценки индекса готовности к переходу на цифровые технологии банков России и ЕС представлены на рисунке 5.

Уровень готовности к переходу на цифровые технологии банков ЕС выше — 79 %, однако отставание не критичное. Оценка показывает существенный разрыв в двух фокусных точках: человеческий капитал (индекс банков России — 20 %, индекс банков ЕС — 47 %, отставание почти

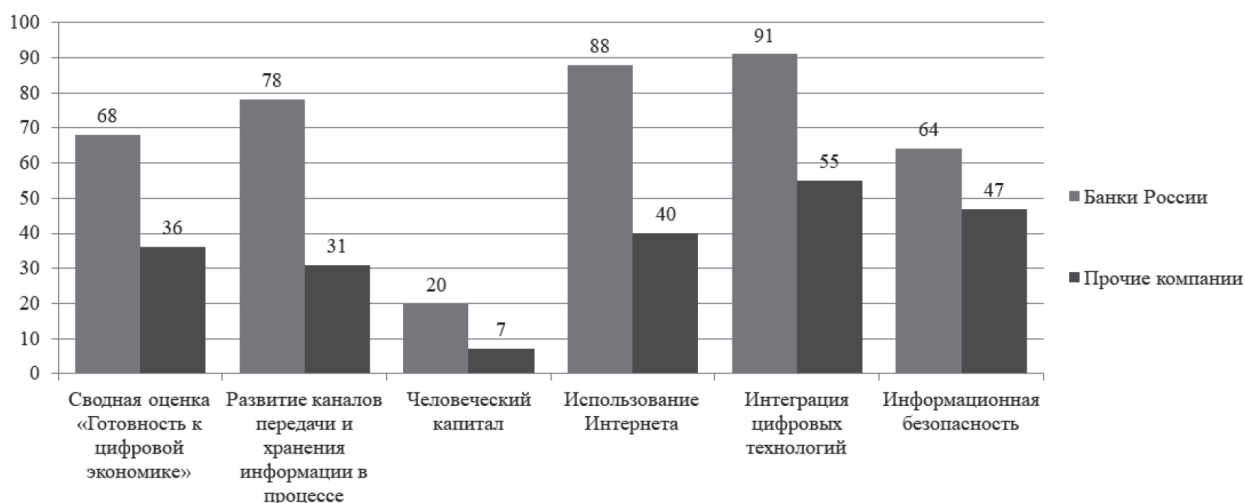

Рисунок 4. Индекс готовности к переходу на цифровые технологии российских компаний и банков (% от общего числа опрошенных)

Рисунок 5. Индекс готовности к переходу на цифровые технологии I-DESI банков России и ЕС

в 2,5 раза); информационная безопасность (индекс банков России — 64 %, индекс банков ЕС — 81 %).

Российскими компаниями и банками недостаточно уделяется внимание обучению сотрудников в области цифровых технологий. В банках России образовательные программы в области цифровых технологий внедрены у 33 % респондентов, в банках Европы — этот показатель составляет 94 %. Менее 10 % традиционных компаний проводили централизованные образовательные программы или оплачивали тренинги и мероприятия по выбору сотрудников.

Достаточно остро встает вопрос системы обеспечения безопасности и надежности новых банковских продуктов и услуг, и усиления информационной безопасности. Ожидается, что рынок кибербезопасности вырастет в 1,65 раза к 2021 г. в сравнении с данными 2016 г. (122,4 млрд долл. США в 2016 г. и 202,3 млрд долл. США в 2021 г.).

Тем не менее, продукты и услуги с технологическими разработками обладают высоким потенциалом роста, что подтверждается исследованием E&Y (рисунок 6) [8].

Вывод

Таким образом, условия функционирования субъектов финансового рынка приводят к определению направлений развития: выстраиванию партнерских отношений между банками и финтех-компаниями, нивелирующих слабые стороны друг друга. В результате сотрудничества в качестве основного преимущества банки получают более комфортную среду для реализации собственного инновационного направления, а также сопутствующие этому снижению операционных затрат, совершенствование персонализированного подхода при реализации продуктов и услуг и совокупное повышение качества обслуживания клиентов.

Технологии реализации модели обслуживания клиентов предусматривают сокращение контактов в традиционной банковской системе с представителями фронт-офиса и перевод на дистанционные каналы, высвобождение персонала и переход в цифровую среду таких параметров, как хранение клиентских данных, доступ к ним, виды компьютерных сетей. Доступность финансовых услуг для потребителей предполагают наличие нескольких каналов продаж: офф-лайн, онлайн, мобильные приложения и др.

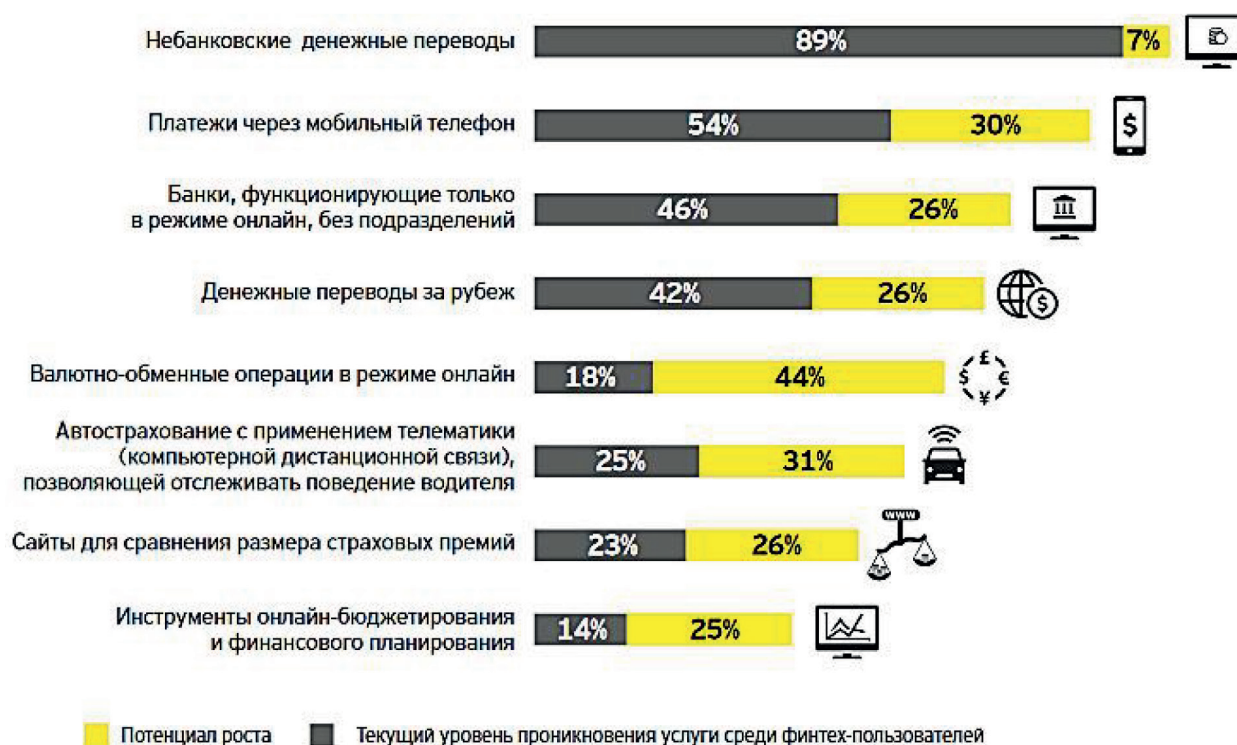

Рисунок 6. Потенциал роста использования финтех-услуг [8]

Список литературы

1. Национальный доклад об инновациях в России 2017. 118 с. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/c64/RVK_innovation_2017.pdf (дата обращения: 23.01.2019).
2. Курманова Л.Р. Интеллектуальный капитал коммерческих банков // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3 (201). С.166-173. DOI: 10.12737/22308.
3. Основные направления развития финансовых технологий на период 2018-2020 гг. URL: https://www.cbr.ru/statichtml/file/36231/on_fintex_2017.pdf (дата обращения: 23.01.2019).
4. Digital HR 2019. URL: <https://www2deloitte.com> (дата обращения: 23.01.2019).
5. Официальный сайт Сбербанка России. URL: www.cbrf.ru (дата обращения: 28.02.2019).
6. Орлова Е.С. Инновационные банковские продукты и услуги // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика: сб. науч. ст. 4-й Межд. науч.-практ. конф. Курск, 2014. С. 288–290.
7. Российские банки экспериментируют с роботами. URL: <http://www.vedomosti.ru/management/articles/2016/03/15/633536-rossiiskie-banki-eksperimentiruyut-robotami> (дата обращения: 28.02.2019).

References

1. *Natsional'nyi doklad ob innovatsiyakh v Rossii 2017* [National Report on Innovations in Russia 2017]. Available at: https://www.rvc.ru/upload/iblock/c64/RVK_innovation_2017.pdf (accessed: 23.01.2019). [in Russian].

2. Kurmanova L.R. *Intellektual'nyi kapital kommercheskikh bankov* [Intellectual Capital of Commercial Banks]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii — The Living Standard of the Population of the Regions of Russia*, 2016, No. 3 (201), pp. 166–173. DOI: 10.12737/22308. [in Russian].
3. *Osnovnye napravleniya razvitiya finansovykh tekhnologii na period 2018–2020 gg.* [The Main Directions of Development of Financial Technologies for The Period 2018-2020]. Available at: https://www.cbr.ru/statichtml/file/36231/on_fintex_2017.pdf (accessed: 23.01.2019). [in Russian].
4. *Digital HR 2019*. Available at: <https://www2deloitte.com> (accessed: 23.01.2019). [in Russian].
5. *Official Site of Sberbank of Russia*. Available at: www.cbrf.ru (accessed: 28.02.2019). [in Russian].
6. Orlova E.S. *Innovatsionnye bankovskie produkty i uslugi* [Innovative Banking Products and Services]. *Sbornik nauchnykh statei 4-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Instituty i mekhanizmy innovatsionnogo razvitiya: mirovoi opyt i rossiiskaya praktika»* [Materials of the 4th International Scientific-Practical Conference «Institutes and Mechanisms of Innovative Development: World Experience and Russian Practice»]. Kursk, 2014, pp. 288–290. [in Russian].
7. *Rossiiskie banki eksperimentiruyut s robotami* [Russian Banks are Experimenting with Robots]. Available at: <http://www.vedomosti.ru/management/articles/2016/03/15/633536-rossiiskie-banki-eksperimentiruyut-robotami> (accessed: 28.02.2019). [in Russian].

Токарева С. А.
Tokareva S. A.
ведущий экономист,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный
экономический
университет»,
г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Ремисhevская К. В.
Remishevskaya K. V.
специалист Службы
информационного
обеспечения,
ООО «Газпром ВНИИГАЗ»,
г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Захаров Д. Ю.
Zakharov D. Yu.
кандидат технических наук,
ведущий экономист,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный
экономический
университет»,
г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация

УДК 338.45.02

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-68-73

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НИОКР НА ЦЕПОЧКУ СОЗДАНИЯ ЦЕННОСТИ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ

В современных рыночных условиях для компаний нефтегазового сектора одним из основных конкурентных преимуществ является эффективность ведения инновационной деятельности. Как правило, внедрение инноваций сопряжено с высоким уровнем риска. Для того чтобы определить целесообразность той или иной инновации в организации в долгосрочной перспективе, авторами предлагается рассмотреть цепочку создания ценности продукции или компании в целом.

Акцентируя внимание на цепочке создания ценности продукции, а не ее стоимости, анализ проводится с учетом будущих денежных потоков, то есть, будущей реакции потребителя, что является весьма актуальным именно для инновационной деятельности. Важным элементом, влияющим на генерируемую продуктом ценность при долгосрочном планировании в сфере нефтегазовой промышленности, являются научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР). Соответственно, принципы организации системы управления НИОКР компании должны быть нацелены на повышение эффективности инновационной деятельности и минимизацию рисков. В качестве наиболее рационального подхода предлагается применение процессного и результатного мониторинга при применении проектного подхода к управлению.

В статье рассмотрена цепочка создания стоимости, разработанная М. Портером в 1985 году. Отмечено, что данная концепция группировки видов деятельности может быть применена также для рассмотрения процесса создания ценности продукции или организации в целом. Само понятие ценности в данном контексте включает ориентацию на будущие денежные потоки, что учитывает специфику инновационной деятельности. Отдельное внимание уделяется принципам организации системы НИОКР в компаниях нефтегазового сектора. Если организация рассчитывает на долгосрочный эффект от ведения инновационной деятельности в будущем, то должна выстроить наиболее оптимальную систему управления НИОКР уже в настоящий момент. Такая система должна быть основана на постоянном контроле, причем как за процессами, так и за результатами ее функционирования. Немаловажную роль играет и идеологический аспект, «система ценностных ориентиров»

компании, которая подкрепляет стремление работников организации к ускоренному внедрению инноваций, более гибкому реагированию на изменения.

Ключевые слова: НИОКР, цепочка создания стоимости, нефтегазовые компании, прибыль, концепция, система управления, конкурентоспособность, проектный подход, потребительская ценность, инновационная деятельность.

INFLUENCE OF THE R&D MANAGEMENT SYSTEM ON THE CHAIN OF CREATING THE VALUE OF OIL AND GAS COMPANIES

In modern market conditions for oil and gas companies one of the main competitive advantages is the efficiency of innovation. Usually, innovation is associated with a high level of risk. In order to determine the feasibility of innovation in the long-term organization perspective, the authors propose to consider the value chain of products or the company in general.

Focusing on the creation of value of the production, instead of its price, analysis is carried out taking into account the future cash flows — that is to say, the future reaction of the consumer, which has a special relevance to the innovative activity. Research and Development are the important element which has a significant influence on the generated by product value in long-term planning in the oil and gas industry. Consequently, the principles of research and development management of the company should be aimed to enhance the effectiveness of the innovative activity and minimize the risks. The use of the process- and result-monitoring is considered as the most rational approach when the project management approach is applied.

The article considers the value chain developed by M. Porter in 1985. It is noted that this concept of grouping activities can also be applied to consider the value creation process of a product or organization in general. The concept of value in this context takes into account the focus on future cash flows, which takes into account the specifics of innovation. Special attention is paid to the principles of R&D system organization in oil and gas companies. If the organization relies on long-term effects of conducting innovative activities, we must make the most optimal control system R&D at the moment. Such system should be based on the permanent control over the processes as well as over the results of its performance. An important role is played by the ideological aspect, the «system of value orientations» of the company, which reinforces the desire of employees to accelerate innovation, more flexible response to changes.

Key words: R&D, value chain, oil and gas companies, profit, concept, control system, competitiveness, project approach, customer value, innovation activity.

Введение

Одной из движущих сил развития современной мировой экономической системы является инновационная деятельность. Сама по себе инновация, согласно определению австрийского экономиста Й. Шумпетера [1], представляет собой изменения, производимые с целью внедрения и использования новых видов потребительских товаров, новых производственных средств, рынков и форм организации промышленности. Согласно международным стандартам [2], инновация определяется как конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенство-

ванного технологического процесса, используемого в практической деятельности, либо в новом подходе к социальным услугам. Сравнивая два данных определения, стоит отметить, что Й. Шумпетер характеризует инновацию как результат изменения, то есть, определенного процесса. Если рассматривать организацию как совокупность бизнес-процессов, применение данного подхода в контексте влияния на конечный результат инновационной деятельности будет наиболее целесообразным.

Нефтегазовая отрасль экономики, как и любая высокотехнологичная отрасль, нуждается в постоянном внедрении инноваций. Одним из критериев успешности инновационного продукта, внедряемого на рынке,

является та конечная ценность, которая создается им для потребителя. Потребительская ценность товара отражает реакцию рынка на предлагаемую компанией инновацию. Соответственно, для максимального приближения к желаемому уровню успешности инновационной продукции следует обратить внимание на цепочку создания его ценности и задействованные в ней процессы.

Анализ

В 1985 г. американский экономист М. Портер [3] разработал цепочку создания стоимости (рисунок 1). Основная идея данного подхода заключается в том, что итоговая стоимость товара или услуги зависит от всех процессов, напрямую или косвенно участвующих в жизненном цикле продукции. Данная схема дает нам визуальное представление о том, какие группы процессов оказывают влияние на конечный результат деятельности организации. И, несмотря на то, что М. Портер в своей работе акцентирует внимание на принципах управления издержками с целью извлечения определенной материальной выгоды (так как конечным звеном цепочки создания стоимости является прибыль), данная концепция применима и для анализа генерируемой инновационной продукцией ценности. Кроме того, если рассмотреть цепочку создания ценности М. Портера шире, то можно также проанализировать и ценность, создаваемую в целом компанией на рынке. Данные интерпретации подхода являются возможными, так как выделенные М. Портером области деятельности органи-

зации можно рассматривать с точки зрения различных показателей, то есть, в наиболее подходящих контекстах [4].

Для компаний нефтегазового сектора цепочка создания стоимости включает в себя все бизнес-процессы основных видов деятельности — начиная от разведки и добычи полезных ископаемых, проектных работ и заканчивая отгрузкой и транспортировкой конечного продукта. Кроме того, существуют вспомогательные виды деятельности, которые напрямую влияют на основные, а, соответственно, и на создаваемую конечную потребительскую стоимость и ценность. В связи с этим возникает необходимость определения основных факторов, которые в наибольшей степени могут способствовать повышению эффективности инновационной деятельности нефтегазовых компаний.

Существующие и предлагаемые решения

Савкин С.О. в своей статье [5] обращает особое внимание на то, что деятельность компаний нефтегазового комплекса подвержена влиянию большого количества факторов и характеризуется высоким уровнем риска. Соответственно, при определении потребительской ценности целесообразно применить многокритериальный анализ, основная задача которого будет состоять в оптимизации итогового показателя (в данном случае, ценности продукции или компании в целом) с помощью многовариантного перебора различных альтернатив распределения доступного количества ресурсов [6].

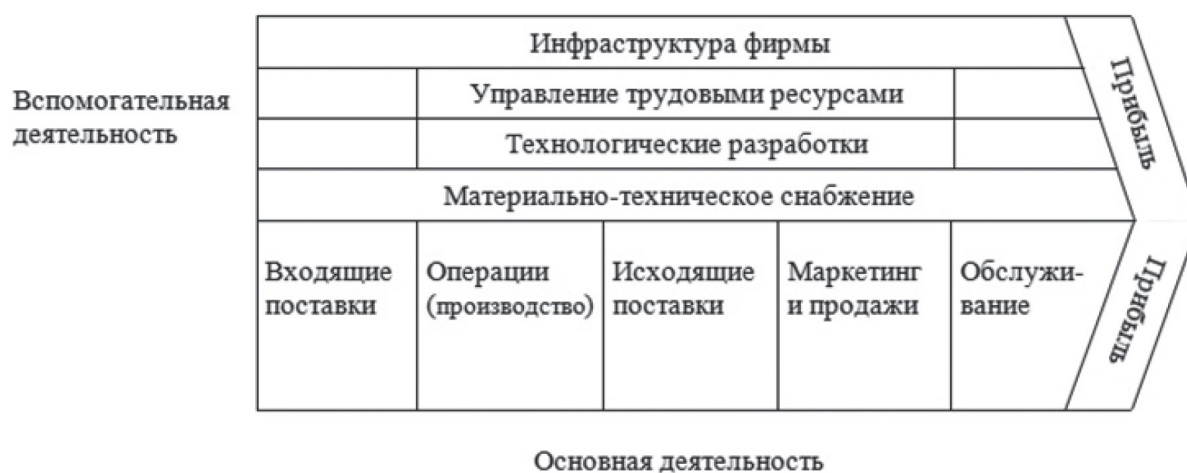

Рисунок 1. Цепочка создания стоимости М. Портера

Важным элементом цепочки создания ценности для инновационной продукции являются научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) [7]. Компании, использующие в качестве приоритетной инновационной стратегии стратегию активных НИОКР, обладают наибольшей конкурентоспособностью за счет оригинальных научно-технических разработок, соответствующих потребностям организации. Тем не менее, такой подход требует значительных капитальных вложений.

Вдовин А.Н. по результатам проведенного анализа деятельности компаний ТЭК [8] отмечает, что на долю НИОКР компаний газовой и нефтяной промышленности (сырая нефть) приходится 1 % добавленной стоимости продукции. Однако стоит отметить, что такой показатель, как добавленная стоимость продукции без учета ее динамики отражает лишь краткосрочную реакцию рынка. Учитывая длительный срок окупаемости нефтегазовых проектов, при определении будущей эффективности результатов инновационной деятельности компании уместно будет взять за основу именно приведенную стоимость продукта. Конечно, в таком случае достаточно проблематично может быть определение ставки дисконтирования, так как инновационная деятельность фирмы всегда носит рискованный и неопределенный характер.

Акцентируя внимание именно на ценности, а не на стоимости результата инновационной деятельности, предлагается тем самым учитывать перспективность инновации, ее будущие денежные потоки. Таким образом, если рассматривать цепочку создания ценности для нефтегазовых компаний в долгосрочной перспективе, то внедрение инноваций и, соответственно, НИОКР приобретает уже гораздо большее влияние на результат

деятельности, чем добавленная стоимость в конкретный момент времени [9].

Из данного утверждения следует, что для увеличения эффективности деятельности в будущем нефтегазовым компаниям необходимо уделять особое внимание системе управления НИОКР, что позволит повысить ценность, генерируемую организацией.

Для повышения эффективности управления НИОКР (рисунок 2) необходимо применять как процессный, так и результатный мониторинг с использованием соответствующего инструментария для каждого подхода. То есть, контроль должен осуществляться на каждом этапе НИОКР. Примерами контроля этапов процесса выполнения НИОКР могут послужить: установка сроков предоставления результатов с определенной периодичностью (причем, интервал между контрольными мероприятиями необходимо оптимизировать), проведение текущих проверок и работы с исполнителем. Контроль за результатом может осуществляться с помощью установления определенных качественных и количественных характеристик продукта, который планируется получить на выходе, и дальнейшего их каскадирования на предшествующие этапы выполнения НИОКР. Наиболее оптимальным типом управления системой организации НИОКР при применении процессного и результатного мониторинга является проектный подход, который будет учитывать и эффективность распределения ограниченных ресурсов, и уникальность каждой разработки.

Поскольку распределение весовых коэффициентов для цепочки создания ценности носит, скорее, концептуальный характер (так как делается попытка предсказать реакцию потребителя продукции в будущем), компаниям нефтегазовой отрасли стоит в своей

Повышение эффективности системы управления НИОКР нефтегазовой компании		
Контроль	Управление	Идеологический аспект
<ul style="list-style-type: none"> • За процессом • За результатом 	<ul style="list-style-type: none"> • Проектный подход 	<ul style="list-style-type: none"> • Разработка системы ценностных ориентиров

Рисунок 2. Повышение эффективности системы управления НИОКР нефтегазовой компании

деятельности также опираться на определенный комплекс принципов системы управления НИОКР. Разработка комплекса принципов, или, своего рода, «системы ценностных ориентиров», позволит создать определенный образ деятельности компании как во внешней, так и во внутренней средах, что, в свою очередь, также увеличит конечную ценность продукции.

Таковыми принципами организации системы управления НИОКР могут послужить, к примеру: ответственность и целеустремленность руководства; оценка и снижение рисков; ориентация на развитие персонала, контроль за условиями труда; управление изменениями (стратегия в условиях неопределенности); проектный принцип распределения ответственности и т.д.

Список литературы

1. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия: Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2016.
2. Дегтерёв Д.А. Международные стандарты и индексы оценки инновационной деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2011. № 2. С. 90–98.
3. Портер М. Конкурентное преимущество. Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2005.
4. Яковлева Е.А. Цепочка создания стоимости инновационного продукта для потребления // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2012. № 12 (48). С. 1–12.
5. Савкин С.О. Особенности управления проектами в нефтегазовой отрасли // Электронный научный журнал «Нефтегазовое дело». 2017. № 1. С. 217–235.
6. Катышева Е.Г. Совершенствование механизма управления инновациями на предприятиях топливно-энергетического комплекса России // Управление инновациями: теория, методология, практика. 2012. № 1. С. 53–59.

Вывод

Для того чтобы успешно применять инновации в своей деятельности, компаниям нефтегазового сектора необходимо постоянно анализировать, из каких именно групп бизнес-процессов складывается будущая ценность продукции или организации в целом. Таким образом, можно выявить, какой именно элемент основной или вспомогательной деятельности оказывает наибольшее влияние на успешность ведения инновационной деятельности. Бесспорным элементом, требующим внимания, является система управления НИОКР, совершенствование которой в краткосрочной перспективе может потребовать значительных капитальных вложений, но в долгосрочной — значительно повысить конкурентоспособность компании на рынке.

7. Вдовин А.Н. Формирование цепочек создания стоимости продукции предприятия топливно-энергетического комплекса // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 44 (251). С. 23–28.
8. Синельников А.А. Реализация стратегического подхода к управлению технологическим развитием нефтегазовой компании // Труды Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина. 2013. № 3 (272). С. 119–137.
9. Габдракипова Р.И. Оценка эффективности внедрения инновационных проектов в нефтегазовых предприятиях // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2016. № 32. С. 245–250.

References

1. Shumpeter I.A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya. Per. s angl.* [Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy.]. Moscow, Alpina Publ., 2016. [in Russian].
2. Degtrev D.A. *Mezhdunarodnye standarty i indeksy otsenki innovatsionnoi deyatel'nosti* [International Innovation Standards and Indexes]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov — RUDN Journal*, 2011, No. 2, pp. 90-98. [in Russian].

3. Porter M. *Konkurentnoe preimushchestvo. Kak dostich' vysokogo rezul'tata i obespechit' ego ustoichivost'*. Per. s angl. [Competitive Advantage. Creating and Sustaining Superior Performance]. Moscow, Alpina Publ., 2005. [in Russian].
4. Yakovleva E.A. Tsepochka sozdaniya stoimosti innovatsionnogo produkta dlya potrebleniya [Chain of Creation of Cost of The Innovative Product for The Consumer]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal — Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journal*, 2012, No. 12 (48), pp. 1–12. [in Russian].
5. Savkin S.O. Osobennosti upravleniya proektami v neftegazovoi otrasli [The Specific Challenges in Project Management for The Oil and Gas Industry] *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Neftegazovoe delo» — Electronic Scientific Journal «Oil and Gas Business»*, 2017, No. 1, pp. 217–235. [in Russian].
6. Katysheva E.G. Sovershenstvovanie mekhanizma upravleniya innovatsiyami na predpriyatiyakh toplivno-energeticheskogo kompleksa Rossii [Improvement of The Mechanism of Innovation Management at The Enterprises of The Fuel and Energy Complex of Russia]. *Upravlenie innovatsiyami: teoriya, metodologiya, praktika — Innovation Management: Theory, Methodology, Practice*, 2012, No. 1, pp. 53–59. [in Russian].
7. Vdovin A.N. Formirovanie tsepochek sozdaniya stoimosti produktsii predpriyatiya toplivno-energeticheskogo kompleksa [Formation of Value Chains of The Enterprise Fuel and Energy Complex]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika — Economic Analysis: Theory and Practice*, 2011, No. 44 (251), pp. 23–28. [in Russian].
8. Sinel'nikov A.A. Realizatsiya strategicheskogo podkhoda k upravleniyu tekhnologicheskim razvitiem neftegazovoi kompanii [Strategic Management of Long-Term Plan of Technological Development of Oil and Gas Companies]. *Trudy Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta nefti i gaza im. I.M. Gubkina — Proceedings of Gubkin Russian State University of Oil and Gas*, 2013, No. 3 (272), pp. 119–137. [in Russian].
9. Gabdrakipova R.I. Otsenka effektivnosti vnedreniya innovatsionnykh proektov v neftegazovykh predpriyatiyakh [Evaluation of The Effectiveness of The Implementation of Innovative Projects in Oil and Gas Enterprises]. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tendentsii razvitiya — Economics and Management in the 21st Century: Development Trends*, 2016, No. 32, pp. 245–250. [in Russian].

Бочкарев А. М.

Vochkarev A. M.

старший преподаватель кафедры

«Информационные системы и телекоммуникации»,

ФГБОУ ВО «Пермский государственный аграрно-технологический

университет им. академика Д.Н. Прянишникова»,

г. Пермь, Российская Федерация

УДК 338.242

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-74-79

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В статье на основе обобщения теоретико-методологических и практических аспектов сформулировано уточненное понятие «система информационного обеспечения производственной деятельности». На основе предложенного определения представлены основные элементы и построена структурная динамическая модель системы информационного обеспечения производственной деятельности предприятия, используемая для формирования критериев оценки системы информационного обеспечения производственной деятельности промышленных предприятий.

В условиях масштабного развития управленческих систем, построенных на информационно-аналитических комплексах, необходимо упорядочить и систематизировать отдельные блоки информационных продуктов.

Для решения данной задачи необходимо рассмотреть предложенные на сегодняшний день системы классификации информационного обеспечения. Это может быть осуществлено с помощью динамической модели управления.

Для эффективной реализации представленной динамической модели управления необходимо использование следующих компонентов:

— широкой информационно-аналитической поддержки, обеспечивающейся совокупностью всех видов информационных продуктов (автоматизированные системы обработки информации, программное обеспечение для ведения бухгалтерской и управленческой отчетности, программы для создания единого виртуального офиса, информационные технологии поддержки принятия решений);

— построение эффективной системы коммуникации и единого информационного пространства с помощью корпоративного портала (интранета). Ключевой характеристикой интранета является единый способ обработки, хранения, доступа к информации, единая унифицированная среда работы, единый формат документов. За счет этого сотрудники компании получают возможность активно использовать информацию, быстро реагировать на изменения;

— регламентация движения информационных потоков и документов с помощью документограммы, которая отражает содержание и последовательность всех этапов формирования и использования документов, относящихся к производственным процессам: закупка сырья, производство продукции, продажа продукции, сервисное обслуживание.

В определении актуальности исследования для более точного понимания эффективности внедрения организационно-экономической модели управления системой информационного обеспечения производственной деятельности составлен прогноз оценки эффективности системы информационного обеспечения после реализации представленных мероприятий.

Ключевые слова: информационное обеспечение, производственная деятельность, информация, информационные системы, информационные технологии, структура информации, системный подход.

EVALUATION CRITERIA THE INFORMATION MANAGEMENT SYSTEM OF THE PRODUCTION ACTIVITY OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

In article on the basis of generalization of theoretical and methodological and practical aspects the specified concept «system of information support of production activity» is formulated. On the basis of the proposed definition, the main elements are determined and the structural dynamic model of the system of information support of the production activity of the enterprise, used to form the evaluation Criteria of the system of information support of the production activities of industrial enterprises, is constructed.

In the conditions of large-scale development of management systems built on information and analytical complexes, it is necessary to streamline and systematize separate blocks of information products.

To solve this problem, it is necessary to consider the currently proposed system of classification of information support. This can be done using a dynamic management model.

For effective implementation of the presented dynamic management model it is necessary to use the following components:

- wide information and analytical support, providing a set of all types of information products (automated information processing systems, software for accounting and management reporting, software for creating a single virtual office, information technology decision support);

- building an effective communication system and a single information space using the corporate portal (intranet). A key feature of the intranet is a single method of processing, storage, access to information, a single unified work environment, a single document format. Due to this, the company's employees are able to actively use the information to respond quickly to changes;

- regulation of the flow of information and documents with the help of a document that reflects the content and sequence of all stages of formation and use of documents related to production processes: purchase of raw materials, production, sale of products, service.

In determining the relevance of the study for a more accurate understanding of the effectiveness of the implementation of the organizational and economic model of management of the information support system of production activities, the forecast of the evaluation of the effectiveness of the information support system after the implementation of the activities presented.

Key words: information support, production activity, information, information systems, information technologies, information structure, system approach.

В условиях масштабного развития управленческих систем, построенных на информационно-аналитических комплексах, необходимо упорядочить и систематизировать отдельные блоки информационных продуктов.

Для решения данной задачи необходимо рассмотреть предложенные на сегодняшний день системы классификации информационного обеспечения:

- «по объекту — показатели качества управления, качества товара, его ресурсоемкости, качества сервиса потребителей, параметры инфраструктуры рынка, организационно-технического уровня производства, социального развития коллектива, охраны окружающей среды и др.;

- по принадлежности к стратегии повышения конкурентоспособности организации — информация о внешней среде, подсистемах

научного обеспечения, целевой, обеспечивающей, управляемой и управляющей;

- по форме передачи — вербальная (словесная) и невербальная;

- по изменчивости во времени — условно-постоянная и условно-переменная (недолговечная);

- по способу передачи — электронная, телефонная, письменная и др.;

- по режиму передачи — в нерегламентированные сроки, по запросу, принудительно в определенные сроки;

- по назначению — экономическая, техническая, социальная, управленческая и др.;

- по стадиям жизненного цикла объекта — информация по стадиям стратегического маркетинга, научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, организационно-технологической подготовке

производства, производству продукции и услуг, сервису, эксплуатации, утилизации;

— по отношению субъекта управления к объекту — между фирмой и внешней средой, между подразделениями внутри фирмы по вертикали и горизонтали, между руководителями и подчиненными, неформальные коммуникации» [10].

Представленные выше классификации не позволяют однозначно определить реальное положение информационного обеспечения в составе общей структуры современного предприятия. Все это ведет к неопределенности в отношении оценки значимости информационного обеспечения.

В то же время четкое и однозначное позиционирование такого важного элемента, как информационное обеспечение может повысить эффект от внедрения информационных баз и потоков в основные процессы деятельности предприятия.

В теоретическом представлении «информационное обеспечение» рассматривается:

— как процесс предоставления информации заинтересованным пользователям — субъектам управления (Л. И. Бушуева, Т. Д. Дегтярева [1], Э. Э. Нуртдинова [7]);

— как совокупность элементов информационной системы (Е. С. Середенко [8, 9]);

— как действия по сбору, обработке, хранению, обновлению и подготовке информации (С. Г. Камшилов [5]).

Информационное обеспечение производственной деятельности основано на информационных системах и информационных технологиях. В научной литературе выделяются четыре метода оценки эффективности информационных технологий [1, 3-7].

На примере ряда предприятий Пермского края, таких как ОАО «МашВТ», ООО «НПО «Импульс» и ООО «Искра», были проанализированы некоторые показатели, позволяющие определить следующие элементы:

— уточнение понятийного аппарата организации информационного обеспечения производственной деятельности предприятия;

— анализ факторов и особенностей развития информационного обеспечения производственной деятельности предприятия;

— обоснование подхода к оценке эффективности информационного обеспечения производственной деятельности предприятия;

— описание организационно-экономического процесса информационного обеспечения производственной деятельности предприятия;

— предпроектное описание динамической модели управления автоматизацией системы информационного обеспечения производственной деятельности предприятия.

Для эффективной реализации представленной динамической модели управления необходимо использование следующих компонентов:

— широкой информационно-аналитической поддержки, обеспечивающейся совокупностью всех видов информационных продуктов (автоматизированные системы обработки информации, программное обеспечение для ведения бухгалтерской и управленческой отчетности, программы для создания единого виртуального офиса, информационные технологии поддержки принятия решений);

— построение эффективной системы коммуникации и единого информационного пространства с помощью корпоративного портала (интранета). Ключевой характеристикой интранета является единый способ обработки, хранения, доступа к информации, единая унифицированная среда работы, единый формат документов. За счет этого сотрудники компании получают возможность активно использовать информацию, быстро реагировать на изменения;

— регламентация движения информационных потоков и документов с помощью документограммы, которая отражает содержание и последовательность всех этапов формирования и использования документов, относящихся к производственным процессам: закупка сырья, производство продукции, продажа продукции, сервисное обслуживание [2, 8].

Рассматриваемая проблема определена, прежде всего, необходимостью расширения понятия системы производственной деятельности промышленного предприятия за счет включения понятия динамической модели управления автоматизацией системы информационного обеспечения производственной

деятельности предприятия. Эффективность и результативность являются основными принципами экономической деятельности хозяйственной организации в условиях рыночных отношений [9].

Отличительная особенность динамической модели состоит в том, что на основе процессного подхода к управлению выделены ключевые бизнес-процессы (анализ, проектирование, реализация, оценка и регулирования) в рамках элементов организационно-экономической модели системы информационного обеспечения производственной деятельности предприятия: теоретико-методологический базис управления, подсистемы информационного обеспечения, информационное пространство предприятия. Использование динамической модели способствует развитию элементов системы информационного обеспечения (технической, системно-логической, прикладной и организационно-методической подсистем), расширяет перечень автоматизированных бизнес-процессов, формирует единую базу данных и единое информационное пространство предприятия.

Такая модель способна углубить и расширить эффективность производственной деятельности промышленного предприятия на каждом уровне многоуровневого процесса управления ресурсами с целью создания продукта, соответствующего требованиям пот-

ребителей. При этом реализуется концепция единого информационного пространства.

Задача создания единого информационного пространства решается частично за счет осуществления реинжиниринга бизнес-процессов, по итогу которого формируется формализованное описание основных потоков информации. Особого внимания требует создание метаконфигурации единого информационного пространства на основе построенной модели бизнес-процессов. По итогу реинжиниринга бизнес-процессов осуществляется процесс внедрения, который сопровождается проектированием структуры информационного пространства и созданием его конфигурации.

В завершении исследования для более точного понимания эффективности внедрения организационно-экономической модели управления системой информационного обеспечения производственной деятельности составлен прогноз оценки эффективности системы информационного обеспечения после реализации представленных мероприятий.

Методика предполагает проведение оценки по четырем критериям, которые содержат 17 показателей, максимальная оценка по каждому показателю составляет 1,0 балл, следовательно, максимальное количество баллов по итогу оценки составляет 17,00 (таблица 1).

Таблица 1. Характеристика уровня эффективности системы информационного обеспечения производственной деятельности предприятия

Уровень эффективности (сумма баллов по всем критериям)	Характеристика
Низкий уровень (от 0,00 до 5,66)	На предприятии отсутствуют основные документы, регламентирующие развитие и использование системы информационного обеспечения; на предприятии не используется автоматизированная обработка документов; не все рабочие места оборудованы персональными компьютерами; работники обладают низким уровнем компьютерной грамотности; предприятие не имеет корпоративный портал и интегрированную информационную систему.
Средний уровень (от 5,67 до 11,34)	Основные документы, регулирующие развитие и использование системы информационного обеспечения, находятся в стадии разработки или стадии переработки; информационная система предприятия не полностью интегрирована; корпоративные портал находится в стадии разработки; работники обладают средним уровнем компьютерной грамотности; не все документы подвергаются автоматизированной обработке; не все бизнес-процессы автоматизированы.
Высокий уровень (от 11,35 до 17,00)	На предприятии разработаны основные документы, регламентирующие развитие и использование системы информационного обеспечения; активно используются для обработки данных интегрированная информационная система и корпоративный портал; большинство документов проходят автоматизированную обработку; работники имеют достаточный уровень компьютерной грамотности; большинство бизнес-процессов автоматизировано.

Представленная методика была апробирована на примерах ОАО «МашВТ»,

ООО «НПО Импульс», ООО «ИСКРА» (Таблица 2).

Таблица 2. Прогноз оценки системы информационного обеспечения производственной деятельности предприятий

Критерии оценки	ОАО «МашВТ»		ООО «НПО Импульс»		ООО «ИСКРА»	
	факт	прогноз	факт	прогноз	факт	прогноз
1. Наличие основных элементов системы информационного обеспечения	3,78	5,61	2,62	4,98	1,45	2,61
2. Достаточность системы информационного обеспечения	1,50	2,52	2,12	2,60	1,50	2,00
3. Доступность системы информационного обеспечения	1,77	2,93	1,90	2,50	1,05	2,60
4. Востребованность системы информационного обеспечения	1,77	2,60	2,26	2,75	1,65	3,20
ИТОГО	8,82	13,66	8,90	12,83	5,65	10,41
	средний уровень	высокий уровень	средний уровень	высокий уровень	низкий уровень	средний уровень

Вывод

Согласно представленным оценкам можно сделать вывод, что внедрение организационно-экономической модели управления системой информационного обеспечения и динамической модели управления автоматизацией системой информационного обеспечения позволит повысить ее эффективность за счет следующих факторов: развиваются основные элементы системы информационного обеспечения (техническая, системно-

логическая, прикладная и организационно-методическая подсистема); увеличивается число задач, которые решаются с помощью системы информационного обеспечения; расширяется перечень автоматизированных бизнес-процессов; формируется стратегия развития системы информационного обеспечения предприятия; на предприятии формируются единая база данных и единое информационное пространство.

Список литературы

1. Бушуева Л.И., Дегтярева Т.Д. Статистическая оценка информационного обеспечения маркетинговой деятельности предприятий региона // Экономика региона. № 4. 2008. С. 201–207.
2. Воропаева О.В., Аллахвердиева Э.А. Пути повышения эффективности управления деятельностью предприятия // Вестник КАСУ. 2006. № 4. С. 42–43. URL: <http://www.vestnik-kafu.info/journal/8/282/> (дата обращения: 21.01.2019)
3. Дьякова О.В. Анализ существующих подходов к оценке эффективности управления строительным предприятием // Инженерный вестник Дона. 2011. Т. 17. № 3. С. 199–208.
4. Казначеева Н.Л. Моргунов А.В. Оценка эффективности внедрения сбалансированной системы показателей как инструмента стратегического управления предприятием //

Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2009. № 1. С. 48–52.

5. Камшилов С.Г., Прохорова Л.В. Методика оценки информационной обеспеченности бизнес-процессов на предприятиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 2 (331). Вып. 9. С. 41–43.
6. Мамонова О.А. Модель оценки экономической эффективности системы управления предприятием // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 24. С. 352–356.
7. Нуртдинова Э.Э. Роль информационного обеспечения в предпринимательской деятельности // Креативная экономика. 2014. № 4 (88), С. 78–83.
8. Середенко Е.С. Неизмеримые выгоды от аналитических информационных систем: миф или реальность? // Бизнес-информатика. 2010. № 3 (13). С. 10–18.

9. Середенко Е.С. Оценка экономической эффективности аналитических информационных систем: дис канд. эконом. наук. М., 2014. 168 с.

10. Фатхутдинов Р.А. Управление конкурентоспособностью организации. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 544 с.

References

1. Bushueva L.I., Degtyareva T.D. Statisticheskaya otsenka informatsionnogo obespecheniya marketingovoi deyatel'nosti predpriyatii regiona [Statistical Evaluation of Information Support of Marketing Activities of Enterprises in The Region]. *Ekonomika regiona — Economy of the Region*, 2008, No. 4, pp. 201–207. [in Russian].

2. Voropaeva O.V., Allakhverdieva E.A. Puti povysheniya effektivnosti upravleniya deyatel'nost'yu predpriyatiya [Ways to Improve the Efficiency of Enterprise Management]. *Vestnik KASU*, 2006. No. 4. pp. 42–43. Available at: <http://www.vestnik-kafu.info/journal/8/282> (accessed: 21.01.2019). [in Russian].

3. D'yakova O.V. Analiz sushchestvuyushchikh podkhodov k otsenke effektivnosti upravleniya stroitel'nykh predpriyatiem [Analysis of Existing Approaches to Assessing The Efficiency of a Building Enterprise Management]. *Inzhenernyi vestnik Dona — Engineering Journal of Don*, 2011, Vol. 17, No. 3, pp. 199–208. [in Russian].

4. Kaznacheeva N.L. Morgunov A.V. Otsenka effektivnosti vnedreniya sbalansirovannoi sistemy pokazatelei kak instrumenta strategicheskogo upravleniya predpriyatiem [Efficiency Rating of Introduction of The Balanced System of Parameters as a Tool of Strategic Operation of Business]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika — Tomsk State University Journal of Economics*, 2009, No. 1. pp. 48–52. [in Russian].

5. Kamshilov S.G., Prokhorova L.V. Metodika otsenki informatsionnoi obespechennosti biznes-protsessov na predpriyatiyakh [Methods of Assessing The Information Security of Business Processes in Companies]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, No. 2 (331), Issue 9, pp. 41–43. [in Russian].

6. Mamonova O.A. Model' otsenki ekonomicheskoi effektivnosti sistemy upravleniya predpriyatiem [The Model of The Economic Efficiency Estimation of The Enterprises Management System]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, 2011, No. 24. pp. 352–356. [in Russian].

7. Nurtdinova E.E. Rol' informatsionnogo obespecheniya v predprinimatel'skoi deyatel'nosti [The Role of Information Support in Business]. *Kreativnaya ekonomika — Creative Economy*, 2014, No. 4 (88), pp. 78–83. [in Russian].

8. Seredenko E.S. Neizmerimye vygody ot analiticheskikh informatsionnykh sistem: mif ili real'nost'? [Immeasurable Benefits From Analytical Information Systems: Myth or Reality?]. *Biznes-informatika — Business Informatics*, 2010, No. 3 (13), pp. 10–18. [in Russian].

9. Seredenko E.S. *Otsenka ekonomicheskoi effektivnosti analiticheskikh informatsionnykh sistem: dis kand. ekon. nauk.* [Evaluation of Economic Efficiency of Analytical Information Systems: Cand. Econ. Sci. Diss.]. Moscow, 2014. 168 p. [in Russian].

10. Fatkhutdinov R.A. *Upravlenie konkurentosposobnost'yu organizatsii* [Management of Competitiveness of The Organization]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 544 p. [in Russian].

Маликов Р. И.
Malikov R. I.

*доктор экономических наук,
профессор, заведующий кафедрой
«Проектный менеджмент и экономика
предпринимательства»,
Институт экономики и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Ямалетдинова З. Т.
Yamaletdinova Z. T.

*аспирант кафедры «Проектный
менеджмент и экономика
предпринимательства»,
Институт экономики и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 614.2

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-80-86

РАЗВИТИЕ ИНСТРУМЕНТОВ АКТИВИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ САНАТОРНО-КУРОРТНЫХ УСЛУГ

Значимость сектора предпринимательства в сфере санаторно-курортных услуг по мере развития рыночной экономики возрастает. Вместе с этим развивается хозяйственная деятельность малых и средних предприятий: всё больше бизнес-деятели проявляют себя в социально направленных сферах. Однако на фоне изменчивости российской экономики, на фоне постоянного балансирования между стабилизацией и стагнацией накопленный предпринимательский потенциал не может быть реализован без активной поддержки государства и крупных корпораций.

Отсутствие в санаторно-курортной сфере устойчивого сектора малого и среднего бизнеса также объясняется преобладанием в регионах России высоких финансовых рисков для занятия частным хозяйствованием, непрерывным ростом административных барьеров и увеличением налоговых обязательств. Решение данных проблем напрямую зависит от политики государственных органов муниципальных образований и регионов, от качества применяемых ими инструментов активизации бизнес-деятельности.

На сегодняшний день государственная поддержка малого сектора экономики осуществляется не в полном объеме. Особенно это прослеживается при анализе предпринимательской активности в социально значимых для страны проектах. Если ранее санаторно-курортные объекты управлялись государственным аппаратом, то сегодня основная доля оздоровительных комплексов принадлежит крупному предпринимательству, и малый бизнес практически не выдерживает натиска частных корпораций. С точки зрения авторов, в данном случае государственная поддержка малого и среднего бизнеса нужна в любом ее проявлении: в виде льготного финансирования, уменьшения налоговой нагрузки, консультационной помощи. В частности, необходимо развивать функционирующие инструменты активизации хозяйственной деятельности, благодаря которым возможно ускорить процесс входа малого и среднего российского бизнеса в социальные проекты, в сферу предоставления населению санаторно-курортных услуг. В связи с этим данная статья направлена на анализ актуальных инструментов стимулирования сектора малого и среднего бизнеса и поиск эффективных методов их совершенствования.

Ключевые слова: малое предпринимательство, государство, государственная поддержка бизнеса, сфера санаторно-курортных услуг, оздоровительные комплексы, инструменты активизации предпринимательской деятельности, методы стимулирования малого бизнеса, налогообложение, лизинг, франчайзинг, информационная система, договор подряда, венчурный капитал.

DEVELOPMENT OF TOOLS TO ACTIVATE ENTREPRENEURSHIP ACTIVITIES IN THE SPHERE OF HEALTH AND RESORT SERVICES

The importance of the business sector in the sphere of sanatorium-resort services increases with the development of a market economy. At the same time, the economic activity of small and medium-sized enterprises is developing: more and more business leaders are manifesting themselves in socially oriented spheres. However, against the background of the volatility of the Russian economy, against the background of constant balancing between stabilization and stagnation, the accumulated entrepreneurial potential cannot be realized without the active support of the state and large corporations.

The lack of a sustainable small and medium-sized business sector in the sanatorium and resort sector is also explained by the predominance of high financial risks in the Russian regions to engage in private business, the continuous growth of administrative barriers and the increase in tax liabilities. Solving these problems directly depends on the policy of state bodies of municipalities and regions, on the quality of the tools they use to enhance business activity.

To date, state support for the small sector of the economy is not fully implemented. This is especially evident in the analysis of entrepreneurial activity in socially significant projects for the country. If previously the sanatorium-resort facilities were managed by the state apparatus, today the main share of recreational complexes belongs to large-scale entrepreneurship, and small business practically does not withstand the onslaught of private corporations. From the point of view of the authors, in this case, government support for small and medium-sized businesses is needed in any of its manifestations: in the form of preferential financing, reduction of the tax burden, consulting assistance. In particular, it is necessary to develop functioning tools for the revitalization of economic activities, thanks to which it is possible to speed up the process of entering small and medium-sized Russian business in social projects, in the provision of sanatorium and resort services to the population. In this regard, this article is aimed at analyzing the current instruments for stimulating the small and medium business sector and finding effective methods for their improvement.

Key words: small business, government, state business support, sanatorium and resort services, health complexes, business activation tools, small business incentive methods, taxation, leasing, franchising, information system, contract agreement, venture capital.

Одной из важнейших сфер в решении социальных проблем населения, и в частности в удовлетворении лечебно-оздоровительных потребностей, является комплекс санаторно-оздоровительных услуг. В актуальный для России период транзитивной экономики данное направление претерпевает организационно-экономическую трансформацию: всё большее число санаторно-оздоровительных комплексов, несмотря на значительный потенциал сектора малого и среднего предпринимательства (МСП), становятся частными проектами крупного бизнеса. Это про-

исходит из-за множества причин, среди которых отсутствие полноценной государственной поддержки сектора МСП, нестабильность законодательства, увеличивающая затраты труда и средств предпринимателей, нелояльность налоговой системы, тенденциозное поведение чиновников по отношению к развитию сектора частного хозяйствования и пр.

С точки зрения авторов, представители малого и среднего бизнеса обладают исключительной способностью реализации таких ресурсов воспроизводственного процесса, которые недоступны для крупных компаний.

Однако ввиду отсутствия необходимых финансово-экономических средств и высокой концентрации рисков «малые» бизнес-деятели не могут самостоятельно противостоять крупным организациям. В этой связи перед органами государственной власти актуализируется задача развития инструментов активизации экономической деятельности сектора МСП.

Необходимость участия государства в развитии предпринимательской инициативы в области санаторно-курортных услуг обуславливается следующими причинами:

1) санаторно-курортные комплексы (СКК) выполняют социально значимую функцию по профилактике, лечению и реабилитации населения страны (региона, муниципального образования);

2) часть прибыли, реализованной в ходе оказания санаторно-курортных услуг, посредством бюджетного и внебюджетного финансирования, переходит к государству;

3) государство выступает в роли заказчика лечебно-оздоровительных услуг, поскольку закон обязывает власть оказывать поддержку нетрудоспособным, особо нуждающимся категориям граждан страны;

4) часть ответственности за качество и количество санаторно-курортных услуг, предоставляемых населению, несет государство [1];

5) деятельность малых и средних организаций в сфере санаторно-курортных услуг позволяет наиболее полно удовлетворять потребности населения ввиду своей гибкости и восприимчивости к конъюнктуре рынка;

6) малый экономический сектор поддерживает в рассматриваемой сфере конкурентную среду и препятствует развитию монополистических тенденций.

Направления государственной поддержки малому предпринимательству в санаторно-курортной сфере можно разделить на два вектора. Первый предполагает использование фискального механизма — уменьшение ставок налогообложения, ликвидация обоснованных видов налогов, отсрочки от уплаты налогов (налоговые каникулы), вве-

дение специальных налоговых режимов, упрощение нормативов ведения налогового учета и прочие фискальные инструменты, позволяющие активировать предпринимательскую инициативу в стране [2]. Второй вектор предполагает расширение поля легитимного функционирования субъектов малого и среднего предпринимательства путем использования их скрытых бизнес-резервов, извлечь которые возможно только в случае партнёрского подхода к взаимодействию [3]. В данном направлении для активизации сектора МСП в сфере санаторно-курортных услуг авторами предлагаются к анализу следующие инструменты.

1. Коммерческая концессия

Данный инструмент предполагает передачу права на ведение бизнеса от одного экономического субъекта другому, который за определенную плату реализовывает предпринимательскую деятельность под именем правообладателя. В договоре коммерческой концессии в качестве франчайзера (обладателя бренда, товарного знака) чаще всего выступает крупная компания или государство, а получателем предмета договора становится субъект малого сектора экономики. Синергия крупного и малого предпринимательства в контексте данного инструмента будет обладать наибольшим эффектом при взаимном сотрудничестве двух экономических акторов. Если рассматривать правительство в качестве организации-правообладателя, то можно говорить о развитии системы государственно-частного партнерства — особой форме сотрудничества властвующих и предпринимательских структур, основанной на объединении ресурсов и распределении рисков с целью удовлетворения общих и индивидуальных социально-экономических потребностей.

На сегодняшний день развитие коммерческой концессии в России направлено преимущественно в сторону количественного увеличения, а не в сторону улучшения качества. Те успехи, которые отражает официальная статистика РФ, обусловлены малой плотностью конкуренции в данном направлении.

На начало 2018 года наиболее популярными сферами франчайзинга стали: розничная торговля одеждой, сфера общественного питания, туристический и гостиничный бизнесы [4]. Факторами, замедляющими развитие коммерческой концессии в сфере санаторно-курортных услуг, с нашей точки зрения, являются: отсутствие соответствующей законодательной и нормативно-правовой базы в этой отрасли, отсутствие эффективной государственной и муниципальной поддержки, незаинтересованность финансовых компаний в развитии данного вида предпринимательства.

2. Договор подряда

Данный инструмент позволяет генеральному подрядчику (крупной компании) выделить часть работы над определенным проектом субподрядчику (малой фирме), вследствие чего между двумя экономическими акторами устанавливаются ассиметричные договорные отношения. Ассиметрия в рассматриваемом случае выражается в привилегированном положении, как правило, крупной компании. Субподрядчики (представители малого сектора экономики) фактически «привязаны» к организации, которая передает им часть своей работы, их хозяйственная деятельность полностью зависит от политики подрядчика. Тем не менее, договор подряда позволяет «малым» предпринимателям самостоятельно осуществлять производство определенных санаторно-курортных услуг в цепочке всего хозяйственного процесса СКК. Данный вид предпринимательской деятельности будет максимально эффективен только в случае активной поддержки контрактных отношений крупных и малых фирм со стороны органов власти. Отсутствие соответствующего контроля над взаимодействием экономических агентов в рамках договора подряда может привести к превышению подрядческих полномочий. Иными словами, права и интересы компании, лишенной полного суверенитета, должны защищаться государством.

К преимуществам данного инструмента можно отнести малое количество трансакци-

онных издержек, которые несут участники договора. «Малые» предприниматели осуществляют хозяйственную деятельность на основе ресурсов крупных организаций, а подрядчики, за счет работы малых фирм, реализовывают небольшие, но социально значимые проекты, которые в рамках крупного производства обычно влекут за собой масштабные затраты на реорганизацию и требуют значительных капиталовложений. На сегодняшний день договора субподряда в санаторно-курортной сфере заключаются крайне редко, но внедрение данного инструмента, с нашей точки зрения, может поспособствовать активизации предпринимательской деятельности в сфере санаторно-курортных услуг [5].

3. Долгосрочная аренда имущества

Лизинг одновременно является одним из наиболее прогрессивных инструментов материально-технического обеспечения санаторно-курортного комплекса и эффективным инструментом привлечения малого бизнеса в данную сферу. Долгосрочная аренда имущества с правом выкупа объекта обеспечивает малым и средним фирмам особую финансовую гибкость, открывает доступ к реализации инвестиционных проектов. Предметом лизинга в санаторно-курортной сфере могут быть: медицинское, реабилитационное, диагностическое и вспомогательное оборудование, тренажерное оборудование и инвентарь, информационные технологии и электронная продукция, транспорт, сооружения и пр. Не каждая малая организация располагает финансовыми возможностями для подобных дорогостоящих приобретений. Более того, именно финансовая составляющая чаще всего сдерживает развитие предпринимательской инициативы в сфере лечебно-оздоровительных услуг. Поэтому долгосрочная аренда имущества для предпринимателей СКК оказывается реальным способом функционирования на отраслевом рынке, что, в свою очередь, обосновывает необходимость всестороннего совершенствования данного инструмента на федеральном и региональном уровнях государственного управления.

4. Венчурный капитал

Данный инструмент первоначально подразумевает долгосрочные высокорисковые инвестиции крупной компании в капитал малых, но высокотехнологичных фирм [6]. В этом случае крупный бизнес выступает одновременно в роли кредитора и собственника: часть собственных средств руководители массивных компаний вкладывают в акционерный капитал «малых» предпринимателей, которые находятся лишь на старте развития бизнес-деятельности, но при этом обладают достаточно высоким техническим и инновационным потенциалом. Необходимо отметить, что данный инструмент в санаторно-курортной сфере практически не применяется ввиду следующих факторов:

- нормативно-правовая база, как на федеральном, так и на региональном уровнях не обеспечивает должным образом эффективное функционирование системы венчурного финансирования;

- отечественные банки, страховые организации и пенсионные фонды не участвуют в работе компаний, предоставляющих венчурные услуги;

- венчурные фонды распределяют средства неравномерно, некоторые сферы деятельности (в том числе и санаторно-курортная) остаются без должной финансовой поддержки;

- инфраструктура взаимодействия крупных (венчурных) и малых фирм фактически неразвита, экономическим субъектом требуется выстраивать диалог самостоятельно, что не всегда эффективно ввиду отсутствия у малых предпринимателей юридических знаний, опыта управления и пр.;

- информационная поддержка венчурной индустрии в РФ недостаточно развита.

5. Информационная система

Предприниматели в санаторно-курортной сфере, как и в принципе все субъекты малого сектора экономики, сталкиваются с необходимостью качественного информационного предоставления собственных услуг. Это помогает малым компаниям конкурировать с

крупными игроками на рынке, дистанционно формировать целевую потребительскую аудиторию, рекламировать услуги с минимальным количеством финансовых издержек. Создателями информационной системы СКК являются отдельные граждане, турфирмы, авиакомпании, органы государственной власти, IT-специалисты, субъекты малого и крупного бизнеса и т.д. [7]. Иными словами, информационная система компании складывается из зависимых и независимых интернет-сервисов, которые в совокупности являются инструментом поддержки малого бизнеса, инструментом социально-экономического развития муниципального образования или региона, инструментом взаимодействия всех экономических акторов.

Наиболее актуальной платформой для создания информационной системы СКК, с нашей точки зрения, является так называемый «облачный сервис», предполагающий хранение информации на многочисленных распределённых в сети серверах. Преимущества данной платформы заключаются в следующем:

- удаленный доступ к информации и дистанционное управление: компании не нужно приобретать специальное программное обеспечение для создания собственной информационной системы, все операции осуществляются в режиме «онлайн»;

- оперативность платформы и высокая скорость принятий решений: работа с облачным сервером возможна в любое время;

- повышенный уровень производительности труда: облачные сервисы различных подразделений фирмы могут интегрироваться, что ускоряет процесс обмена информацией между сотрудниками внутри компании [8].

Рассмотренные выше инструменты активизации бизнес-деятельности в сфере санаторно-курортных услуг можно усовершенствовать в соответствии с инновациями и тенденциями современной экономики (таблица 1).

Таблица 1. Инструменты активизации бизнес-деятельности в санаторно-курортной сфере и методы их усовершенствования

Инструмент активизации бизнес-деятельности	Методы усовершенствования инструмента активизации бизнес-деятельности
Налогообложение	<ul style="list-style-type: none"> • создать электронный сервис по обмену налоговыми накладными; • внедрить в работу налоговых органов массово-разъяснительные мероприятия для малого сектора экономики; • осуществлять процесс поддержки субъектов МСП во время формирования налоговых отчетностей одновременно с процессом анализа текущей предпринимательской деятельности; • создать онлайн-площадку для ознакомления предпринимателей в режиме реального времени с личными налоговыми расчетами компании.
Коммерческая концессия	<ul style="list-style-type: none"> • разработать законодательные условия функционирования франчайзинга на региональном и муниципальном уровнях; • разработать нормы взаимодействия субъектов коммерческой концессии; • создать региональные электронные сервисы для продвижения франчайзинга.
Договор подряда	<ul style="list-style-type: none"> • разработать регламент государственной поддержки подрядческих отношений крупных и малых компаний; • создать региональные электронные каталоги подрядчиков и субподрядчиков.
Лизинг	<ul style="list-style-type: none"> • возмещать долю процентных выплат инновационно ориентированным субъектам МСП; • преобразовать нормативно-правовую базу лизинга в контексте муниципальных образований и регионов.
Венчурный капитал	<ul style="list-style-type: none"> • модифицировать нормативно-правовую базу венчурного финансирования на региональном и федеральном уровнях • привлечь отечественные банки и страховые организации к участию в работе венчурных компаний; • преобразовать инфраструктуру взаимодействия крупных (венчурных) и малых фирм; • обеспечить качественную информационную поддержку венчурной индустрии посредством создания тематических веб-сайтов и электронных сервисов.
Информационная система	<ul style="list-style-type: none"> • предоставить малым компаниям возможность безвозмездного использования упрощенных «облачных» сервисов, разработанных уполномоченными органами государственной власти; • организовать образовательно-консультационные мероприятия для субъектов малого сектора экономики по изучению информационных системам на «облачной» платформе.

Вывод

Таким образом, информационная «облачная» система обеспечивает полное информационное сопровождение процесса реализации предпринимательской деятельности, что

позволяет не только эффективно управлять организацией, но и существенно экономить на стоимости бизнес-процессов путем полной или частичной автоматизации документооборота фирмы.

Список литературы

1. Саркисянц А.А. Государственное регулирование сферы санаторно-курортных услуг как отрасли, отвечающей за качественное воспроизводство трудового потенциала // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 61–64.
2. Сероштанов Д.А. Налогообложение субъектов малого предпринимательства // Молодой ученый. 2018. № 20. С. 263–266.
3. Баркенхоева Р.А. Инструменты активизации развития малого бизнеса на мезоуровне // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2014. № 1 (138). С. 15–20.
4. Нуретдинова Ю.В., Куприянова Д.О., Бурмистрова А.А. Перспективы развития франчайзинга в России в условиях экономической нестабильности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 5–2. С. 170–173.
5. Журавлев О.Е. Проблемы современной социально-экономической политики управления курортным регионом — стратегические последствия. URL: <http://www.aparauniver.ru> (дата обращения: 27.02.2019).
6. Левченко Т.П. Система управления инновационным развитием санаторно-курортных комплексов. Казань: Изд-во БУК, 2018. 160 с.

7. Оборин М.С., Мингазинова Е.Р., Фролова Н.В. Информационная система как инструмент моделирования экономических процессов развития санаторно-курортного комплекса региона // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. № 1–1. С. 191–201.

8. Евдокимова А.Б. Выбор информационных систем для компаний малого бизнеса // Матер. VII Междунар. науч. конф. «Экономика, управление, финансы». Краснодар: Новация. 2017. С. 99–103.

References

1. Sarkisyants A.A. Gosudarstvennoe regulirovanie sfery sanatorno-kurortnykh uslug kak otrasli, otvchayushchei za kachestvennoe vosпроизводство trudovogo potentsiala [State Regulation of Health Resort Services as an Industry Responsible for The Quality Reproduction of Labor Potential]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2012, No. 358, pp. 61–64. [in Russian].

2. Seroshtanov D.A. Nalogooblozhenie sub»ektov malogo predprinimatel'stva [Taxation of Small Businesses]. *Molodoi uchenyi — Young Scientist*, 2018, No. 20, pp. 263–266. [in Russian].

3. Barkenkhoeva R.A. Instrumenty aktivizatsii razvitiya malogo biznesa na mezo-urovne [The Instruments of Small Business Development Activation at Meso-Level]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika — The Bulletin of Adyge State University. Series 5: Economy*, 2014. No. 1 (138), pp. 15–20. [in Russian].

4. Nuretdinova Yu.V., Kupriyanova D.O., Burmistrova A.A. Perspektivy razvitiya franchaizinga v Rossii v usloviyakh ekono-

micheskoi nestabil'nosti [Prospects for The Development of Franchising in Russia in The Conditions of Economic Instability]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk — International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2018, No. 5–2, pp. 170–173. [in Russian].

5. Zhuravlev O.E. *Problemy sovremennoi sotsial'no-ekonomicheskoi politiki upravleniya kurortnym regionom — strategicheskie posledstviya* [Problems of Modern Socio-Economic Policy of Management of The Resort Region-Strategic Consequences]. Available at: <http://www.anapauniver.ru> (accessed 27.02.2019). [in Russian].

6. Levchenko T.P. *Sistema upravleniya innovatsionnym razvitiem sanatorno-kurortnykh kompleksov* [Management System of Innovative Development of Health Resort Complexes]. Kazan, BUK Publ., 2018. 160 p. [in Russian].

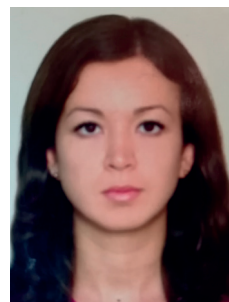
7. Oborin M.S., Mingazinova E.R., Frolova N.V. Informatsionnaya sistema kak instrument modelirovaniya ekonomicheskikh protsessov razvitiya sanatorno-kurortnogo kompleksa regiona [Information System as Instrument of Modeling of Economic Developments of Health Resort of The Region]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki — Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2017, No. 1–1, pp. 191–201. [in Russian].

8. Evdokimova A.B. *Vybor informatsionnykh sistem dlya kompanii malogo biznesa* [Choice of Information Systems for Small Businesses]. *Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Ekonomika, upravlenie, finansy»* [Proceedings of The VII International Scientific Conference «Economics, Management, Finance»]. Krasnodar, Novation Publ., 2017. pp. 99–103. [in Russian].

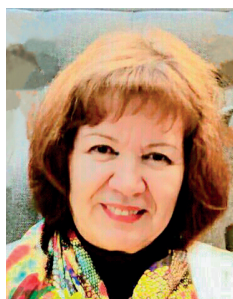
Блаженкова Н. М.
Blazhenkova N. M.

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Финансы и кредит»,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация

Закирова А. Э.
Zakirova A. E.

аспирант, ФГБОУ ВО «Уфимский
государственный нефтяной технический
университет»,
г. Уфа, Российская Федерация

Ахмедина Г. Б.
Ahmedina G. B.

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономико-правовое
обеспечение безопасности»,
ФГБОУ ВО «Башкирский
государственный университет»,
г. Уфа, Российская Федерация

Хусаева А. И.
Khisaeva A. I.

кандидат экономических наук, доцент
кафедры «Проектный менеджмент
и экономика предпринимательства»,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация

УДК 338.22

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-87-94

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТНЫХ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР: ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩИХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ БИЗНЕС-ПРОЕКТОВ

В данной статье на основе принципов системы государственно-частного партнерства (ГЧП) исследуется процесс взаимодействия властных и предпринимательских структур в инвестиционной сфере деятельности, выраженный в отборе наиболее приемлемых форм и методов сотрудничества, а также в поиске конкретных инструментов его реализации.

На сегодняшний день, несмотря на все попытки внедрения элементов механизма ГЧП, российская власть действует в рамках устаревшего подхода сотрудничества с бизнес-сообществом. В частности, для решения социально-экономических задач принимаются стратегии краткосрочного планирования, не позволяющие хозяйственникам видеть перспективу своей деятельности и, следовательно, рассчитывать на содействие со стороны органов управления в создании инвестиционных проектов. Фактором сдерживания развития ГЧП в регионах России также является несовершенство нормативно-правовой базы, которая

требует серьезных организационных изменений и доработок в соответствии с нормами и принципами государственно-частного партнерства.

Необходимость конструктивного взаимодействия между бизнесом и властью осознается обеими сторонами, но уровень недоверия при этом только растет из-за отсутствия корректной законодательной базы, регулирующих стандартов, эффективных антикоррупционных мероприятий, а также имеющейся тенденции максимизации прибыли любой ценой. Сложившаяся ситуация требует коренных реформ не только на региональном, но и на федеральном уровнях. Очень важно создавать благоприятные условия для совместной деятельности участников экономических процессов, гармонизировать их работу для достижения общих целей и нахождения опорных точек сотрудничества, вокруг которых совместными усилиями будут строиться институты доверия.

Исследуя модели взаимодействия госструктур и союзов предпринимателей, на основе их сравнительной характеристики авторами был сформирован набор социально-экономических инструментов, наиболее подходящий для современного этапа развития российской системы ГЧП. Кроме этого, были выделены главные преимущества государственно-частного партнерства, позволяющие судить о высокой практической эффективности данной модели сотрудничества в инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: предпринимательство, государство, инвестиционная деятельность, взаимодействие властных и предпринимательских структур, инструменты взаимодействия, государственно-частное партнерство, инвестиционные бизнес-проекты, модели сотрудничества, преимущества государственно-частного партнерства, инвестиционный климат.

INTERACTION OF AUTHORITIES AND ENTREPRENEURSHIP STRUCTURES: TOOLS FOR THE IMPLEMENTATION OF COMMON INVESTMENT BUSINESS PROJECTS

In this article based on the principles of a public-private partnership (PPP) system, the process of interaction between government and business structures in the investment field of activity, expressed in the selection of the most appropriate forms and methods of cooperation, as well as in the search for specific tools for its implementation, is explored.

Today, despite all attempts to introduce elements of the PPP mechanism, the Russian authorities are acting within the framework of the outdated cooperation approach with the business community. In particular, for the solution of socio-economic problems, short-term planning strategies are adopted that do not allow business executives to see the future of their activities and, therefore, rely on the assistance of management bodies in creating investment projects. The factor of restraining the development of PPP in the regions of Russia is also the imperfection of the regulatory framework, which requires major organizational changes and improvements in accordance with the norms and principles of public-private partnership.

The need for constructive interaction between business and government is recognized by both parties, but the level of distrust is only growing due to the lack of a correct legislative framework, regulatory standards, effective anti-corruption measures, and the current trend of maximizing profits at any cost. The current situation requires radical reforms not only at the regional, but also at the federal level. It is very important to create favorable conditions for joint activities of participants in economic processes, to harmonize their work in order to achieve common goals and find support points for cooperation, around which joint efforts will build trust institutions.

Investigating models of interaction between government agencies and business unions, based on their comparative characteristics, the authors formed a set of socio-economic tools that are most suitable for the current stage of development of the Russian PPP system. In addition, the main advantages of public-private partnerships were highlighted, allowing to judge the high practical effectiveness of this model of cooperation in investment activities.

Key words: business, state, investment activity, interaction of power and business structures, interaction tools, public-private partnership, investment business projects, models of cooperation, advantages of public-private partnership, investment climate.

Процессы формирования и стабильного функционирования частного хозяйствования играют важную роль в динамичном развитии региональных и национальных экономических систем. И поскольку приобретение финансовых ресурсов субъектами сектора малого и среднего предпринимательства (МСП) имеет решающее значение для воплощения бизнес-идей в жизнь, взаимодействие органов государственной власти и сектора МСП при реализации инвестиционно-инновационных проектов является актуальным направлением развития российской экономики.

Инвестиционная активность в РФ на данном рубеже ее экономического формирования развивается сдержанно, на что, по мнению авторов, существенное влияние оказывает неразвитость нормативно-правовой базы регулирования деятельности участников государственно-частного партнерства. Кроме этого, к сдерживающим факторам следует отнести: отсутствие компетентных специалистов и профессионально обученных сотрудников, ориентированных на ведение инвестиционной деятельности в области ГЧП; коррумпированность системы государственного управления; чрезмерно высокую налоговую нагрузку на малые и средние предприятия; отсутствие соответствующего информационно-коммуникационного сопровождения инвестиционных бизнес-проектов со стороны органов власти; низкое качество проведения государственных контрольно-

административных мероприятий и пр. [1]. Всё перечисленное выше в конечном результате приводит к интенсивному оттоку капитала из регионов России в страны ближнего и дальнего зарубежья (рисунок 1). Проанализировав десятилетний период движения инвестиций (с 2008 по 2018 гг.) по статистике Центробанка, можно наблюдать, что большинство отечественных и иностранных инвесторов предпочитают ассигновать финансовые средства в зарубежные фонды [2]. Нежелание инвестировать в российские бизнес-проекты вызвано неустойчивым состоянием предпринимательской среды и, в частности, отсутствием доверительных отношений между субъектами сектора МСП и органами государственной власти.

На основании изучения научной и прикладной литературы, актуальных информационных и статистических ресурсов авторами были определены следующие задачи исследования:

- 1) дать характеристику существующим методам реализации взаимодействия аппарата управления и сектора предпринимательства относительно используемого инструментария и процедур, связанных с выстраиванием государственно-частного сотрудничества;
- 2) обосновать эффективность модели ГЧП, выделить её преимущества по сравнению с другими методами взаимодействия;
- 3) сформировать набор социально-экономических инструментов, актуальный

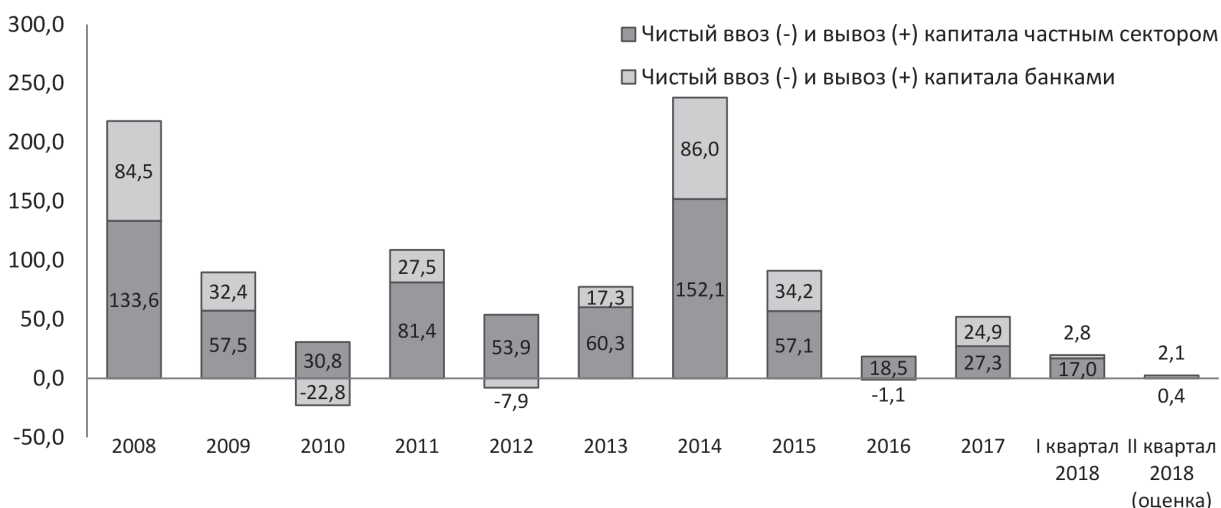

Рисунок 1. Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором и банками (по данным платежного баланса Российской Федерации)

для ведения инвестиционной деятельности в контексте современной российской экономики.

Уровень развития отечественного сектора малого и среднего бизнеса на сегодняшний день значительно отстает от потребностей российского и мирового общества и не позволяет в полной мере реализовывать предпринимательский потенциал. В большинстве регионов России преобладает «экономический атомизм», в основе которого заложен принцип «извлечения материальной прибыли любой ценой», минуя социальные проблемы, сдерживающие экономический и нравственный прогресс определенной территории и социума [3]. Устоявшийся «атомизм» является следствием слияния трёх моделей взаимодействия властвующей элиты и предпринимательских структур: «патронажа», «коллизии» и «симбиоза» (таблица 1).

Сравнительная характеристика методов взаимодействия органов власти и предпринимательских структур относительно используемых инструментов и процедур позволяет убедиться в практической эффективности системы государственно-частного партнерства, к основным преимуществам которого среди прочих моделей можно отнести:

1) наличие реальной финансовой или иной ресурсной государственной поддержки для сектора предпринимательства, которая позволяет реализовывать инновационные, инженерно-технические, промышленные и социально-общественные проекты, обеспечивающие стабильный экономический рост государства и прогрессирующее развитие социума;

2) превалирование принципа равноправности в распределении выгод и рисков, а

Таблица 1. Характеристика методов реализации взаимодействия аппарата государственного управления и сектора МСП

Модель взаимодействия	Ключевые особенности	Инструменты взаимодействия
Плюрализм	<ul style="list-style-type: none"> множество независимых экономических групп, в равной степени оказывающих влияние на действующие органы управления; муниципальные и региональные органы власти взаимодействуют с представителями сектора МСП при решении законопроектных задач; субъекты малого и среднего бизнеса способны действовать независимо от идей политической элиты; рынок характеризуется наличием свободной конкуренции; незначительный государственный контроль в сфере предпринимательской деятельности. 	<ul style="list-style-type: none"> двусторонние правовые сделки; бизнес-ассоциации и наличие в них «селективных стимулов»: торговые переговоры, нормативно-правовые акты, отраслевые стандарты, экспортные квоты или лицензии, государственные конкурсы, госзакупки, тендеры [8]; профсоюзы и союзы работодателей; законодательные и нормативные правовые акты; институт лоббизма; GR-отделы (от англ. Government relations — взаимодействие с властью).
Партнёрство	<ul style="list-style-type: none"> взаимовыгодное сотрудничество органов власти и сектора МСП в экономических, законодательных и социальных вопросах; рынок характеризуется наличием свободной конкуренции, прозрачностью государственно-частных отношений, низким уровнем криминала и коррупции в областях предпринимательской и управленческой деятельности; наличие механизма минимизации рисков в инвестиционной деятельности между участниками ГЧП; наличие равностороннего обмена информационными, материальными, трудовыми и финансовыми ресурсами между агентами ГЧП. 	<ul style="list-style-type: none"> муниципальные и региональные координационные советы; социально-экономические форумы и конференции; инвестиционные институты и фонды (на государственной и частной основе); стандарты управленческой и предпринимательской деятельности, стандарты сотрудничества органов власти и бизнес-сообществ, разработанные на законодательном уровне; территориальные научные базы, исследовательские институты; антикоррупционные мероприятия.

Модель взаимодействия	Ключевые особенности	Инструменты взаимодействия
Симбиоз	<ul style="list-style-type: none"> • прямое (или косвенное) слияние государственной власти и сектора предпринимательства в единое целое с выделением ведущей роли одного из агентов взаимодействия; • «продавливание» законов, выделение отдельным предпринимательским группам неоправданных преференций; • преобладание материальной заинтересованности над социально-экономическими проблемами в деятельности сектора МСП и органов государственного управления; • наличие неформальных договоренностей, фактическое отсутствие надлежащего контроля над проведением бизнес-операций [4]. 	<ul style="list-style-type: none"> • система привилегий и льгот для «лояльных» агентов бизнес-структур, преференциальные режимы; • систематические коррупционные операции (горизонтальные и вертикальные); • стратегический контроллинг со стороны органов власти; • стратегические альянсы, выступающие в качестве инструмента интеграции властвующей элиты и предпринимателей; • добровольно-принудительные взносы; • лоббистская деятельность.
Коллизия	<ul style="list-style-type: none"> • отсутствие согласованности во взаимодействии органов власти и предпринимательских структур, борьба интересов; • наличие негласных союзов «чиновник-бизнесмен», стремящихся к монополизации политической и предпринимательской деятельности, захвату рынка в определенном сегменте; • острое соперничество между властью и бизнес-структурами за экономические ресурсы; • выделение властвующей элитой преференций определенным субъектам сектора МСП и подавление развития деятельности других предпринимателей. 	<ul style="list-style-type: none"> • меры экономического и административного давления властвующей элиты на деятельность бизнес-структур [6]; • бюрократические институты; • административный контроль, предполагающий одностороннюю коммуникацию власти; • политические рычаги: законодательные и нормативные правовые акты; • институциональные коррупционные операции (преимущественно горизонтальные).
Патронаж	<ul style="list-style-type: none"> • доминирующее положение в системе взаимодействия «власть — бизнес» занимают органы государственного управления; • отсутствие сильных «игроков» со стороны бизнес-структур, постоянный государственный контроль над деятельностью предпринимателей; • вынужденная апелляция нелояльных бизнес-групп к органам местной власти, в ходе которой усиливается их зависимость от правящей элиты; • беспрепятственное продвижение чиновниками-бизнесменами собственных интересов, благодаря доступу к важнейшим законодательным прерогативам политической власти [5]. 	<ul style="list-style-type: none"> • плановые и внеплановые проверки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (государственный надзор); • мероприятия налогового контроля (вызскание налогов, сборов, штрафов, страховых взносов, пеней и пр.); • набор индивидуальных стратегий отдельных субъектов органов власти по захвату бизнеса; • административный контроль, предполагающий одностороннюю коммуникацию власти [7]; • политические рычаги: законодательные и нормативные правовые акты; • система преференций и льгот для «лояльных» агентов бизнес-структур.
Дистанцирование	<ul style="list-style-type: none"> • обе стороны государственно-частного взаимодействия стремятся к свободе и независимости при отсутствии необходимости сотрудничества для решений общих задач; • частичный государственный контроль над деятельностью предпринимательского сектора; • отсутствие обостренной заинтересованности со стороны бизнес-сообществ к деятельности органов власти и политики в целом; • взаимное дистанцирование как сдерживающий фактор проявления коррупционной составляющей во взаимодействии органов местной власти и субъектов сектора МСП. 	<ul style="list-style-type: none"> • федеральное, региональное и муниципальное законодательство как форма конструктивного сотрудничества при возникновении общих задач; • информационные представительства органов государственной власти; • «дорожные карты»; • государственные контракты и тендеры, затрагивающие интересы третьих лиц; • институт экспроприации: правовые стандарты [9]; • средства массовой информации.

также принципа взаимовыгодности, который исключает возможность приумножения выгод одного агента за счет ухудшения финансово-материального и социального положения второго;

3) возможность создания эффективных инфраструктурных проектов за счет использования опыта частного предпринимательства, которые частично освобождают правительство от организационной и финансовой нагрузки, предоставляя ему возможность концентрироваться на более острых проблемах общества. Инфраструктура, выстроенная при государственно-частном партнёрстве, характеризуется минимизацией общих расходов на стимулирование целых отраслей экономики: промышленности, сельского хозяйства, строительства, сферы материального производства, транспорта, торговли и пр. [10];

4) условия взаимодействия властвующей элиты и субъектов сектора МСП, характеризующиеся лояльностью, цивилизованностью диалога и позволяющие разрешать экономические, инвестиционные и социальные задачи в короткие сроки с минимальными транзакционными издержками;

5) возможность консолидации государственных активов с привлечением частных предпринимателей, сохраняя меры по защите национальных интересов;

6) возможность снижения административных барьеров и, следовательно, улучшения инвестиционного климата;

7) возможность развития социального бизнеса, способствующего созданию благоприятных социально-экономических преобразований в стране [11].

Кроме этого, государственно-частное партнёрство характеризуется высокой степенью результативности во взаимодействии между участниками системы, составляющие элементы которой являются не просто совокупностью частных и государственных ресурсов, а некой добавленной ценностью, полученной в ходе согласованной работы.

В инвестиционной сфере деятельности модель ГЧП позволяет решать комплекс многокритериальных задач, с которыми иные

формы государственно-частного взаимодействия не справляются. Но на сегодняшний день в России механизм реализации данного метода сотрудничества должным образом не функционирует. Однако продолжительный «инвестиционный голод» понуждает российское правительство к введению элементов партнёрства на всех уровнях государственного управления, и, как следствие, во многих регионах страны уже начали появляться законы, регулирующие правоотношения в сфере ГЧП [12].

По мнению авторов, для улучшения инвестиционного климата в Российской Федерации необходимо принять ряд законодательно-экономических и социальных мер, базирующихся на системе партнёрства и образующих собой инструментальный эффективного взаимодействия властных и предпринимательских структур:

- разработка индивидуальных инвестиционных стратегий для муниципальных и региональных администраций управления;

- внедрение новых или реформирование имеющихся нормативно-правовых актов, касающихся взаимодействия органов власти и сектора частного хозяйствования в сфере инвестирования, основанных на принципах ГЧП;

- проведение оценочных мероприятий на разных этапах внедрения стратегических планов: наиболее точным методом оценки является многомерный параметральный анализ сотрудничества, включающий в себя объективно-экспертную оценку воздействия власти на предпринимательскую деятельность хозяйственников и оценку воздействия бизнес-структур на социум [13];

- создание специализированных агентств, центров и структур по привлечению инвестиций, инфраструктурных хабов; консалтинговая и информационная поддержка сектора МСП (в том числе с использованием интернет-технологий);

- проведение государственно-частных мероприятий для обозревания актуальных проблем в инвестиционном пространстве региона, а также для совместных разработок методических указаний и схем взаимодействия в ситуационных задачах;

- разработка и внедрение интерактивных инвестиционных паспортов для картографической поддержки инвесторов;
- создание районных (местных) комитетов по координированию инвестиционной деятельности.

Выводы

Потребность в осуществлении институциональных реформ и преобразований, направленных на изменение общей парадигмы инвестиционной политики России, начала формироваться в стране с периода выхода на новый уровень торгово-экономических отно-

шений, в частности с внедрением рыночного механизма хозяйствования. На сегодняшний день система ГЧП уже проникает в сферу инвестирования, но из-за отсутствия механизмов сопряжения интересов государства и бизнес-структур на муниципальном и региональном уровнях результативность концепции остается невысокой. Предлагаемые социально-экономические инструменты позволят нейтрализовать противоречия в системе взаимоотношений органов власти и субъектов предпринимательства.

Список литературы

1. Мошкова Л.Е. Партнерские отношения бизнеса и властна территории присутствия: теория и методология: дисс. ... д-ра экон. наук. М., 2014. 345 с.
2. Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором. URL: https://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital.htm (дата обращения: 04.10.2018).
3. Закирова А.Э., Ахмедина Г.Б. Взаимодействие власти и предпринимательских структур в контексте современности // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9–1 (86). С. 459–464.
4. Лукс Н.Ю. Модели взаимодействия бизнеса и власти в регионах Крайнего севера // Полития. 2013. № 1 (68). С. 93–102.
5. Драганова Ю.К. Модель «Патронажа» при взаимодействии региональной политической и бизнес-элиты: преимущества и недостатки // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 1–2. С. 31–34.
6. Леонов С.Н. Результативность взаимодействия властных и предпринимательских структур: содержание понятия и опыт количественной оценки // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 3. С. 481–490.
7. Киселев В.И. Взаимодействие власти и бизнеса: конфликтологический аспект // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7. С. 174–178.
8. Яковлев А.А., Зудин А.Ю., Голикова В.В. Бизнес-ассоциации и их роль в процессах модернизации в России // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 26–35.

9. Эльмурзаева Р.А. Взаимодействие бизнеса и государства: трансформация «захвата государства» // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 41. С. 68–84.
10. Сазонов В. Е. Преимущества, недостатки и риски государственно-частного партнерства // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 3. С. 99–108.
11. Барков А.В., Серова О.А. Государственно-частное партнерство на рынке социальных услуг в свете развития социального предпринимательства: проблемы гармонизации правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 3 (33). С. 268–280.
12. Пономарев Б.А. Понятие государственно-частного партнерства в Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 217–221.
13. Трухачев В.В. Разработка методического подхода к оценке эффективности системы взаимодействия властных и предпринимательских структур // Управление экономическими системами. URL: <http://uecs.ru/uecs46-462012/item/1611-2012-10-24-11-25-46> (дата обращения: 05.10.2018).

References

1. Moshkova L.E. *Partnerskie otnosheniya biznesa i vlastina territorii prisutstviya: teoriya i metodologiya: diss. ... d-ra ekon. nauk.* [Partnerships of Business and Government in The Territory of Presence: Theory and Methodology: Doc. Econ. Sci. Diss.]. Moscow, 2014. 354 p. [in Russian].

2. *Chisty vvoz/vyvoz kapitala chastnym sektorom* [Net Import / Export of Capital by The Private Sector]. Available at: https://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital.htm (accessed 04.10.2018). [in Russian].
3. Zakirova A.E., Akhmedina G.B. Vzaimodeistvie vlasti i predprinimatel'skikh struktur v kontekste sovremennosti [The Interaction of Government and Business Structures in The Context of The Present]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo — Economy and Entrepreneurship*, 2017, No. 9–1 (86), pp. 459–464. [in Russian].
4. Luks N.Yu. Modeli vzaimodeistviya biznesa i vlasti v regionakh Krainego severa [Models of Interaction Between Business and Government in The Regions of The Far North]. *Politiya — Politeia*, 2013, No. 1 (68), pp. 93–102. [in Russian].
5. Draganova Yu.K. Model' «Patronazha» pri vzaimodeistvii regional'noi politicheskoi i biznes-elity: preimushchestva i nedostatki [Model of «Patronage» in Interaction of Regional Political and Business Elites: Advantages and Disadvantages]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. — Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 2011, No. 1–2, pp. 31–34. [in Russian].
6. Leonov S.N. Rezul'tativnost' vzaimodeistviya vlastnykh i predprinimatel'skikh struktur: sodержanie ponyatiya i opyt kolichestvennoi otsenki [The Efficiency of The Interaction between The Government and Business Structures: the Content of The Definition and Experience of Its Quantitative Assessment]. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Baikal State University*, 2018, Vol. 28, No. 3, pp. 481–490. [in Russian].
7. Kiselev V.I. Vzaimodeistvie vlasti i biznesa: konfliktologicheskii aspekt [Cooperation of Business and Power: Conflict Resolution Aspect]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya — Theory and Practice of Social Development*, 2013, No. 7, pp. 174–178. [in Russian].
8. Yakovlev A.A., Zudin A.Yu., Golikova V.V. Biznes-assotsiatsii i ikh rol' v protsessakh modernizatsii v Rossii [Business Associations and Their Role in The Processes of Modernization in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' — Social Sciences and Contemporary World*, 2011, No. 3, pp. 26–35. [in Russian].
9. El'murzaeva R.A. Vzaimodeistvie biznesa i gosudarstva: transformatsiya «zakhvata gosudarstva» [The Interaction Between Business and Government: Transformation of «State Capture»]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika — Tomsk State University Journal of Economics*, 2018, No. 41, pp. 68–84. [in Russian].
10. Sazonov V. E. Preimushchestva, nedostatki i riski gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Advantages, Disadvantages and Risks of Public Private Partnership]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov — RUDN Journal*, 2012, No. 3, pp. 99–108. [in Russian].
11. Barkov A.V., Serova O.A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo na rynke sotsial'nykh uslug v svete razvitiya sotsial'nogo predprinimatel'stva: problemy garmonizatsii pravovogo regulirovaniya [Public-Private Partnership in The Market of Social Services in Terms of Social Entrepreneurship Development: Problems of The Legal Regulation Harmonization]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie nauki — Perm University Herald. Juridical Science*. 2016. No. 3 (33), pp. 268–280. [in Russian].
12. Ponomarev B.A. Ponyatie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossiiskoi Federatsii [The Notion of Public-Private Partnership in The Russian Federation]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii — The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2015, No. 4, pp. 217–221. [in Russian].
13. Trukhachev V.V. *Razrabotka metodicheskogo podkhoda k otsenke effektivnosti sistemy vzaimodeistviya vlastnykh i predprinimatel'skikh struktur* [Development of a Methodological Approach to Assessing The Effectiveness of The System of Interaction Between Government and Business Structures]. Management of economic systems. Available at: <http://uecs.ru/uecs46-462012/item/1611-2012-10-24-11-25-46> (accessed 10/05/2018).

Коган О. С.
Kogan O. S.

*доктор медицинских наук,
профессор кафедры «Международные
отношения, история и востоковедение»,
ФГБОУ ВО «Уфимский
государственный нефтяной технический
университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Галиуллина С. Д.
Galiullina S. D.

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Международные
отношения, история и востоковедение»,
ФГБОУ ВО «Уфимский
государственный нефтяной технический
университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 37.043:378.6:665(470.57-25)

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-95-99

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ В УГНТУ

Международное сотрудничество уже более 30 лет является одним из значимых видов деятельности Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ). Университет осуществляет образовательные услуги, совместные научные исследования, имеет устойчивые международные связи со многими научно-образовательными центрами стран Европы и Азии; входит в Международную ассоциацию университетов. Обучение иностранных студентов по различным специальностям является важным направлением деятельности УГНТУ. Актуальной проблемой является нормализация психологического состояния студентов, прибывших на обучение из-за рубежа. Процесс успешной адаптации иностранных студентов в российском вузе требует учета стереотипов поведения и образа жизни в их родной стране.

Учеба в вузе предполагает формирование нового социального статуса студента, освоение новых социальных ролей, осмысление значимости будущей профессии, приобретение новых социальных установок. Благоприятная психологическая обстановка пребывания студентов в вузе улучшает качество и уровень результатов учебы, повышает у студентов желание овладеть новыми знаниями. Сотрудниками Управления международного сотрудничества УГНТУ для иностранных студентов в течение всего времени их обучения в вузе организуется работа, которая помогает им решать вопросы академического, культурного и личного характера.

Для анализа процесса адаптации иностранных студентов к условиям обучения в нашем образовательном учреждении силами преподавателей-психологов УГНТУ проводился анализ обстановки взаимодействия между иностранными студентами и представителями вуза — студентами-сокурсниками, преподавателями, представителями деканатов по выбранным направлениям учебы. Для изучения возможных социальных и психологических затруднений иностранных студентов силами преподавателей-психологов проводилось анонимное анкетирование 32 студентов из Казахстана, Афганистана и Индии, обучающихся по направлениям «Экономика» и «Сервис» и владеющих русским языком. Анализ проведенного исследования может помочь в решении вопросов о необходимых мерах помощи по оптимизации процесса адаптации обучающихся.

Ключевые слова: студенты-иностранцы, психологическая адаптация, международное сотрудничество, межличностные отношения, благоприятная психологическая обстановка, значимость психологических и социальных факторов.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN TRAINING IN USPTU

International cooperation has been one of the most important activities of Ufa State Petroleum Technological University (USPTU) for more than 30 years. The USPTU provides educational services, joint research, has stable international relations with many scientific and educational centers in Europe and Asia; is a member of the International Association of Universities. Training of foreign students in various specialties is an important activity of the USPTU. An urgent problem is the normalization of the psychological state of students who came to study from abroad. The process of successful adaptation of foreign students in Russian university requires taking into account the stereotypes of behavior and lifestyle in their home country.

Studying at the University involves the formation of a new social status of the student, the development of new social roles, understanding the importance of the future profession, the acquisition of new social attitudes. Favorable psychological environment of students 'stay in the University improves the quality and level of learning outcomes, increases students' desire to acquire new knowledge. Employees of International Relations Department of Ufa State Petroleum Technological University for foreign students during the whole time of their training in the university organized work, which helps to solve questions for them academic, cultural and personal character.

To analyze the process of adaptation of foreign students to the learning environment in our educational institution, the forces of teachers-psychologists of USPTU analyzed the situation of interaction between foreign students and representatives of the University — fellow students, teachers, representatives of the deans in the selected areas of study. To study the possible social and psychological difficulties of foreign students, the psychological teachers conducted an anonymous survey of 32 students from Kazakhstan, Afghanistan and India studying in the areas of «Economy» and «Service» and speaking Russian. The analysis of the conducted research can help in solving questions about the necessary measures to optimize the process of adaptation of students

Key words: foreign students, psychological adaptation, international cooperation, interpersonal relations, favorable psychological environment, the importance of psychological and social factors.

Введение. Достойное образование в России желают получить многие молодые люди из разных стран. Учеба иностранных студентов по различным специальностям является важным направлением образовательной деятельности многих вузов Российской Федерации, в их числе Уфимский государственный нефтяной технический университет (УГНТУ). На сегодняшний день число иностранных студентов, обучающихся в УГНТУ, составляет 1258 человек.

Международное сотрудничество уже более 30 лет является одним из значимых видов деятельности УГНТУ. Университет осуществляет образовательные услуги, совместные научные исследования, имеет устойчивые международные связи со многими научно-образовательными центрами стран Европы и Азии; входит в Международную ассоциацию университетов. Более 1500 иностранных выпускников полу-

чили дипломы нашего вуза, многие выпускники успешно защитили кандидатские диссертации и трудятся в России и за рубежом.

Студенты-иностранцы в процессе обучения в российском вузе могут испытывать существенные адаптационные затруднения в условиях нового языка, отличающихся методов и форм обучения, нового климата, полной смены образа жизни. Нормализация психологического состояния студентов, прибывших на обучение из-за рубежа, является актуальной проблемой, это сложный процесс, требующий учета стереотипов поведения прибывших студентов в их родной стране, смене их образа жизни. Своевременное решение проблемы адаптации иностранных студентов в УГНТУ определяется необходимостью осуществления эффективного обеспечения процесса их образовательной деятельности по выбранной специальности и дальнейшего становления как будущего

специалиста [1–3]. Часто зарубежные учащиеся имеют затруднения в учебе и межличностном общении в связи с трудностями преодоления ими языкового барьера [4].

Цель исследований. Анализ значимости психологических и социальных факторов образовательного процесса для иностранных студентов с целью оказания им необходимой помощи и поддержки для более эффективной адаптации к условиям обучения и быта в УГНТУ.

Результаты исследований и их обсуждение. Для изучения возможных социальных и психологических затруднений иностранных студентов силами преподавателей-психологов проводилось анонимное анкетирование 32 студентов из Казахстана, Афганистана и Индии, обучающихся по направлениям «Экономика» и «Сервис» и владеющих русским языком.

Анонимная анкета содержала 15 вопросов, касающихся анализа значимости социальных и психологических факторов, действующих на студентов из-за рубежа в течение времени их обучения в вузе. В числе первой группы вопросов (с 1 по 5) проводилось изучение психосоциальных факторов, связанных с их собственной оценкой успешности вхождения в образовательный процесс в вузе. По данным научной литературы, процесс вхождения в новую жизнь при обучении в вузе у многих иностранных студентов может вызвать психологические затруднения, сопровождающиеся повышенной тревожностью.

Следующие вопросы (с 6 по 10) касались психологической совместимости и взаимоотношений студентов-иностранцев со студентами собственной группы, соседями по комнате в общежитии, студентами-земляками. Данные вопросы весьма значимы, так как некоторые учащиеся очень остро переживают отрыв от привычной обстановки (от семьи, друзей), у многих может возникнуть ощущение незащищенности и одиночества.

Вопросы с 11 по 15 затрагивали трудности студентов-иностранцев, касающиеся плохих взаимоотношений с преподавателями, трудностей при выполнении учебных заданий. В дальнейшем данные состояния могут стать причиной формирования психологических

комплексов, затрудняющих познавательный процесс при обучении в вузе.

Проведенные исследования позволили установить, что довольны своими успехами вхождения в студенческую жизнь и образовательный процесс в УГНТУ более 50 % всех опрошенных (17 человек). По нашему собственному мнению, успешность обучения на первом курсе основывается на тех знаниях и умениях, которые ранее получили иностранные студенты в школах их страны; трудности связываются студентами со слабой подготовкой по общеобразовательным дисциплинам.

Основные трудности по приспособлению к новой жизни при поступлении в УГНТУ опрошенные студенты связывают с плохим знанием русского языка, их оказалось около 90 % (28 человек из числа опрошенных). Они впервые встречаются с новыми формами преподавания дисциплин, контроля усвоения знаний. Другие проблемы, помимо языкового барьера, с которыми иностранные студенты сталкиваются в вузе, это отсутствие родных и прежних друзей, новое питание, незнакомый образ жизни и быта в общежитии, другой климат — так ответили 43,8 % (14 человек) иностранных студентов. Для некоторых студентов данный процесс заканчивается не всегда благополучно из-за недостаточной гибкости их поведения в ситуациях, связанных с бытом, гастрономическими особенностями их кухни на родине, значительно отличающихся от предпочтений россиян [5].

Учеба в вузе предполагает формирование нового социального статуса студента, освоение новых социальных ролей, осмысление значимости будущей профессии, приобретение новых социальных установок. При поступлении на учебу в российский вуз, становясь студентом, молодой человек из другой страны должен взять на себя новые обязанности, организацию собственного быта, питания; должен научиться самостоятельно распределять денежные средства, приспособиться к жизни в соответствии с расписанием учебы по специальности.

Проведенные исследования показывают, что более 75 % (25 человек) иностранных студентов большое значение придают дружбе

с одноклассниками, которые помогают правильно организовать учебу в вузе и жизнь в бытовом плане, особенно проживающие в том же общежитии. Важное место в успешном пребывании иностранных студентов на учебе в УГНТУ занимает их студенческая группа именно потому, что от того, насколько хорошо складываются межличностные отношения с одноклассниками, зависит также психологическое состояние новичков. Более 84 % (27 человек) студентов-иностранцев отмечают, что основными кураторами на все время обучения в УГНТУ становятся их земляки, студенты старших курсов, прибывших из тех же стран, успешно освоивших новые условия жизни в нашей стране.

В период обучения студенты разных стран взаимодействуют не только с земляками и членами своей студенческой группы, но и с другими группами факультета, университета. Они вовлекаются в общественную жизнь, принимают активное участие в научных, спортивных и зрелищных мероприятиях университета [6]. Работа организуется таким образом, чтобы новички не считали себя одинокими, чтобы им было к кому обратиться с возникающими проблемами.

Известно, что благоприятная психологическая обстановка улучшает качество и уровень результатов учебы, повышает у студентов желание овладеть новыми знаниями. Для создания благоприятной психологической среды для иностранных студентов в учебной группе и вузе в целом работники деканатов совместно с Управлением международного сотрудничества УГНТУ последовательно вовлекают иностранных студентов в общественную жизнь в студенческой среде, в проведение зрелищных общеуниверситетских мероприятий, научных конференций, спортивных соревнований.

В целях социальной и психологической адаптации иностранных студентов в УГНТУ, их приобщения к принципам толерантности и гуманизма ежегодно в университете проводятся такие зрелищные культурно-массовые и спортивные мероприятия, как «Дни национальных культур», «Встречи иностранных семей», праздник «НАВРУЗ», спортивные состязания разных уровней и т.п. Зрелищные

культурно-массовые и спортивные мероприятия, которые проводятся с участием иностранных студентов, имеют цель — максимально подготовить новичков к жизни и учёбе в России. В данных мероприятиях принимают участие иностранные учащиеся всех диаспор, обучающихся в УГНТУ.

Каждая страна уникальна по-своему, отличается самобытным национальным колоритом, имеет различные традиции и обычаи, поэтому проводимые праздники у студентов различных национальностей очень разнообразны и интересны. На данных мероприятиях представители различных диаспор проводят выступления с собственными танцами и песнями, сами накрывают столы, готовят традиционные национальные блюда.

Сотрудники Управления международного сотрудничества УГНТУ участвуют в отборе иностранных абитуриентов на обучение, проводят с ними собеседования, занимаются организацией для иностранных студентов медицинского страхования, ежегодного прохождения медицинского обследования, получения необходимого медицинского обслуживания. Кроме того, для иностранных студентов в течение всего времени их обучения в вузе проводится работа, которая помогает решать вопросы академического, культурного и личного характера. Студентам-иностранцам УГНТУ помогают организовать их быт, досуг, предлагают участвовать в экскурсионных программах, цель которых сформировать положительный образ России и региона Башкортостана в целом, познакомить студентов-иностранцев с достопримечательностями Уфы. Для них организуются походы в музеи, театры, посещение различных зрелищных и спортивных мероприятий города Уфы.

Знакомя студентов с историей, особенностями национальной культуры Башкортостана, настоящим и героическим прошлым нашей республики и страны в целом, преподаватели воспитывают у иностранных студентов уважительное отношение к народу России, Башкортостана, уважение к другой нации с иной культурой. Процесс приспособления иностранных студентов к обучению в высшем учебном заведении, в частности в Уфимском государственном нефтяном техническом уни-

верситете, проходит тем успешнее, чем доступнее и полезнее информация, предоставляемая обучающимся в самом начале обучения для облегчения их жизнедеятельности и быта, чем ярче, содержательнее и интересней их студенческая жизнь.

Вывод

Результаты изучения обстановки взаимодействия между иностранными студентами

и представителями вуза: студентами-сокурсниками, преподавателями, представителями деканатов по выбранным направлениям учебы — могут помочь в решении вопросов о необходимых мерах помощи студентам с учетом их личностных особенностей и определении для каждого индивидуальной формы академической или психологической поддержки.

Список литературы

1. Воробьева И. М. Иностранные студенты в российском вузе: повышение конкуренции российского образования или вынужденная необходимость // Молодой ученый. 2015. № 10. С. 1115–1119.

2. Долженко О.В. Современные методы и технология обучения в техническом вузе. М.: Высшая школа, 2004. 479 с.

3. Кузнецова Т.Е. Особенности обучения китайских студентов в вузах РФ Подготовка иностранных абитуриентов в вузы Российской Федерации. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2010.

4. Мишин Г.А. Социально-психологическая адаптация подростков в новых условиях обучения // Молодой ученый. 2016. № 1. С. 15–18.

5. Шекунова Е.Р. Социальная адаптация студентов первокурсников к учебе в вузе // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: матер. XLII Международ. студенч. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2016. № 5 (41).

6. Ростовцева М.В. Формирование адаптивности, как отношения личности и общества в процессе социализации студенчества // Вестник развития науки и образования. 2009. № 5. С. 59–64.

[Modern Methods and Technology of Training in a Technical University]. Moscow, Higher School, 2004. 479 p. [in Russian].

3. Kuznetsova T.E. *Osobennosti obucheniya kitaiskikh studentov v vuzakh RF Podgotovka inostrannykh abiturientov v vuzy Rossiiskoi Federatsii* [Features of Training of Chinese Students in Russian Universities Training of Foreign Students in Russian Universities]. Saint-Petersburg: Polytechnic University Publ., 2010. [in Russian].

4. Mishin G.A. *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya podrostkov v novykh usloviyakh obucheniya* [Socio-Psychological Adaptation of Adolescents in The New Learning Environment]. *Molodoi uchenyi — Young Scientist*, 2016, No. 1, pp. 15–18. [in Russian].

5. Shekunova E.R. *Sotsial'naya adaptatsiya studentov pervokursnikov k uchebe v vuzе* [Social adaptation of first-year students to study at the University]. *Materialy XLII mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Obshchestvennye nauki»* [Materials of The XLII International Student Scientific-Practical Conference «Scientific Community of Students of The XXI Century. Social Science»]. Novosibirsk, 2016. No. 5 (41). [in Russian].

6. Rostovtseva M.V. *Formirovanie adaptivnosti, kak otnosheniya lichnosti i obshchestva v protsesse sotsializatsii studenchestva* [Formation of Adaptability as The Relationship of Personality and Society in The Process of Socialization of Students]. *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya — Bulletin of Science and Education Development*, 2009, No. 5. pp. 59–61. [in Russian].

References

1. Vorob'eva I.M. *Inostrannye studenty v rossiiskom vuzе: povyshenie konkurentsii rossiiskogo obrazovaniya ili vynuzhdennaya neobkhodimost'* [Foreign Students in a Russian University: Increasing Competition in Russian Education or a Forced Necessity]. *Molodoi uchenyi — Young Scientist*, 2015, No. 10, pp. 1115–1119. [in Russian].

2. Dolzhenko O.V. *Sovremennye metody i tekhnologiya obucheniya v tekhnicheskом vuzе*

Старицына О. А.
Staritsyna O. A.

*кандидат социологических наук,
доцент кафедры «Международные
отношения, история и востоковедение»,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Хуснутдинова Л. Г.
Khusnutdinova L. G.

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры «Международные
отношения, история и востоковедение»,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 316.62

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-100-106

ИНОСТРАННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛИРОВАНИЯ АУДИТОРИЕЙ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В статье анализируется проблема использования в информационно-новостных программах на телевидении избыточного количества иностранных заимствований, как правило, из английского языка.

Согласно исследованиям Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), из всех средств массовой информации (СМИ) наиболее востребованным является по-прежнему телевидение, а новостные программы занимают первое место в ряду предпочтений зрительской аудитории. Популярность телевидения среди населения нашей страны объясняется его возможностями подачи и представления информации. Зрительская аудитория, согласно данным исследований, стремится получить понятную и достоверную информацию, чтобы лучше ориентироваться в происходящих в стране и мире событиях, представлять перспективы развития страны, понимать, как строить свою жизнь, но вместо этого попадает в ситуацию еще большей неопределенности, поскольку СМИ в целом и телевидение в частности используют огромное количество англицизмов, которые для русскоговорящих людей являются «пустыми», без особого содержания и смысла. Иностранные заимствования не могут вызывать у русскоговорящих людей никаких ассоциативных образов, поскольку они не представлены в коллективном культурном коде народа. Для русскоговорящей аудитории англицизмы не отражают ни способ восприятия мира, ни отношения к миру, ни систему ценностей. Их можно наполнить любым содержанием, поместить в любой контекст, но от этого они не становятся более понятны массовому зрителю. Англицизмы опасны множественностью интерпретаций. Зритель вынужден разгадывать словесные ребусы, запутываясь все больше и больше. Кроме того, телевидение, как правило, смотрят люди среднего и старшего возрастов с достаточно низким уровнем образования и незнанием иностранных языков, что, в свою очередь, еще больше усугубляет непонимание ими происходящих событий. Использование англицизмов на телевидении в информационно-новостных программах рассматривается в статье как злонамеренное действие, как технология манипулирования общественным мнением, создания атмосферы социальной напряженности и безысходности.

Ключевые слова: средства массовой информации, телевидение, новостные и информационные программы, зрительская аудитория, англицизмы, смыслы, общественное мнение, манипуляция.

FOREIGN BORROWINGS IS A TOOL FOR AUDIENCE MANIPULATING IN MASS MEDIA (SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

The article analyzes the problem of using an excessive amount of foreign borrowing in information and news programs on television, usually from the English language. According to the research of All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VCIOM) and Public Opinion Foundation (POF), television is still the most popular of all media, and news programs rank first among the preferences of the audience. The popularity of television among the population of our country is due to its ability to present and present information. Audience, according to research data, seeks to obtain clear and reliable information in order to better navigate the events taking place in the country and the world, to present the prospects for the country's development, to understand how to build your life, but instead gets into a situation of even greater uncertainty. Since the media in general and levidation in particular, use a huge amount of anglicisms, which are «empty» for Russian-speaking people, without special content and meaning. Foreign borrowings can not cause any associative images in Russian-speaking people, since they are not represented in the collective cultural code of the people. For the Russian-speaking audience, anglicisms do not reflect either the way the world is perceived, or their attitude to the world, or the value system. They can be filled with any content, placed in any context, but this does not make them more understandable to the mass audience. Anglicisms are dangerous multiplicity of interpretations. The viewer is forced to unravel verbal puzzles, becoming more and more entangled in what is happening.

In addition, television, as a rule, is watched by people of middle and older age with a rather low level of education and ignorance of foreign languages, which, in turn, further aggravates the misunderstanding of current events. The use of anglicisms on television in information and news programs is considered in the article as a malicious act, as a technology of manipulating public opinion, creating an atmosphere of social tension and hopelessness.

Key words: media, television, news and information programs, viewer-ship, anglicisms, meanings, public opinion, manipulation.

В нашей стране из всех средств массовой информации именно телевидение является самым востребованным. Причем, как показывают исследования Всероссийского центра общественного мнения (ВЦИОМ) и Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), его зрительская аудитория по сравнению с прошлым годом даже выросла [1, 2]. Трудно переоценить огромные возможности телевидения и его влияние на формирование общественного мнения, взглядов, настроений, поведения людей. Рост зрительской аудитории обусловлен, по-видимому, кризисными процессами, происходящими в мире, сложной обстановкой внутри страны. В новостных, информационных программах, а именно о них пойдет речь в статье, люди ищут ответы на свои вопросы, пытаются разобраться в текущих событиях, понять, что происходит, как эти события могут отразиться на их жизни и что делать дальше.

«Человек заинтересован в получении не просто информации о том, как вести себя. Он нуждается в знаниях о том, как вести себя «правильно», как поступать уместно... Кроме того, сопоставив свое поведение с «правильным» поведением других людей, мы получаем уверенность в своей правоте, в том, что мы не ошибаемся. Для человека это важно, поскольку «безошибочное» и «правильное» поведение дает ему ощущение, с одной стороны, безопасности и предсказуемости мира вокруг, а с другой, — уверенность, что он сам управляет своими жизнью и судьбой» [3].

Телевидение обладает огромной властью: оно может как объективно и оперативно информировать свою аудиторию о реальных событиях, так и манипулировать ею в интересах тех или иных групп людей.

Более высокая популярность телевидения по сравнению с другими средствами массо-

вой информации обусловлена самой его природой, а именно, наличием «картинки», демонстрацией быстро сменяющегося видеоряда, эффектами достоверности, присутствия, диалогичности и доверительности. Используя яркие, запоминающиеся зрительные и слуховые образы, показывая события и явления в динамике, движении, с сильным эмоциональным зарядом, телевидение привлекает внимание аудитории и заставляет ее «включаться» в происходящее на экране.

Чтобы выявить сегодняшнюю телевизионную аудиторию, следует обратиться к социологическим исследованиям ВЦИОМ и ФОМ [1, 4].

Отчет ВЦИОМ под названием «Доверяй, но проверяй! Или об особенностях современного медиапотребления в России», вышедший осенью 2018 г., где представлены исследования аудитории, потребляющей информацию из различных медиаисточников за период с 2012 по 2018 гг., позволяет отследить динамику выбора канала информации, доверия к СМИ как источнику информации, предпочтений аудитории в выборе того или иного СМИ в зависимости от ее социально-демографических характеристик. Объем выборки составил в среднем 1600 чел. Опрашивалось взрослое население старше 18 лет. Согласно исследованию, с 2012 г. количество людей в целом, получающих информацию из центрального телевидения, снизилось с 78 % в 2012 г. до 63 % в 2018 г., из регионального, местного телевидения — с 52 % в 2012 г. до 38 % в 2018 г.

Исследование ВЦИОМ показало, что в 2018 г. центральное телевидение как источник информации использовало 28 % молодых людей в возрасте 18–24 лет, 48 % — 25–34 лет, 53 % — 35–44 лет, 69 % — 45–59 лет, 83 % людей возраста 60+. Из числа опрошенных мужчины составляют 57 %, а женщины — 67 %. [1]

По итогам исследования, проведенного Фондом «Общественное мнение» 18 мая 2018 года, выяснилось, что 63 % населения в целом смотрит телевизор практически каждый день. Причем и в этом исследовании прослеживается та же закономерность —

чем старше люди, тем больше они смотрят телевидение. Так, численность людей, смотрящих телевизор каждый день, в возрасте 18–30 лет составила 31 %, 31–45 лет — 53 % (что полностью совпадает с данными ВЦИОМ), 46–60 лет — 78 %, старше 60 лет — 90 %.

В ФОМ есть еще один очень интересный показатель, а именно — уровень образования людей, предпочитающих телевизор в качестве источника новостей. Согласно данным этого исследования, чем ниже уровень образования респондентов, тем больше они смотрят телевизор [2, 4].

Например, число респондентов, смотрящих телевидение каждый день и имеющих среднее общее образование и ниже, составляет 75 %, среднее специальное образование — 75 %, высшее образование — 63 % [4].

Исследования ФОМ также показали, что из всех телепрограмм самыми востребованными являются новостные программы.

Из 87 % респондентов, принявших участие в опросах, большинство (44 %) назвало следующие причины, побуждающие их смотреть новостные программы. Чтобы «ориентироваться в текущих событиях в нашей стране», «понимать актуальные проблемы страны и общества» — 23 % (правда, после «расслабиться, отдохнуть и приятно провести время» — 27 %), «понимать действия политиков и государственных деятелей» — 13 %, «понимать жизнь людей в других странах» — 11 %, «понимать законы страны и как их применять» — 8 %, «представлять перспективы страны» — 6 %, «понимать, как строить свою жизнь» — 5 %. На вопрос «Какие программы вы смотрите чаще всего» большинство респондентов — 48 % (данные за апрель 2018 г.) ответило «новости», «общественно-политические программы» — 19 %, по данным за апрель 2018 г. [2].

По самым последним данным исследования ФОМ за 30 января 2019 г., телевизионная аудитория за последние полгода увеличилась и составила 71 %, напомним, что в 2018 году этот показатель равнялся 63 % [4]. Увеличение зрительской аудитории, по-видимому, можно объяснить принятием непопулярных

в стране законов, касающихся пенсионной реформы, сложных и напряженных событий как внутри страны, так и за ее пределами. При этом доверять новостям люди стали значительно меньше. В возрасте 18–30 лет — 48 %, 31–45 лет — 64 %, 46–60 лет — 80 %, старше 60 лет — 92 % [2].

На основании этих исследований можно сделать вывод, что подавляющая часть зрительской аудитории — это аудитория среднего и старшего возраста с достаточно низким уровнем образования, которая хочет понять, что происходит в стране и в мире на самом деле, но попадает еще в большую ловушку неопределенности из-за способа подачи новостной информации. И речь пойдет здесь о языке СМИ, который представляет собой новояз, в котором трудно разобраться даже хорошо образованным людям. Само слово «новояз» связывают с писателем Оруэллом и его романом «1984», где главным средством подавления людей был специально изобретенный язык, изменяющий смысл знакомых слов [5].

В средствах массовой информации сегодня наблюдается неоправданное засилье иноязычной лексики, в основном это заимствования из английского языка, которые хлынули неудержимым потоком в наше информационное поле. Приходится только удивляться тому, как раньше дикторы, корреспонденты и ведущие новостных программ прекрасно обходились ресурсами родного языка. Тяжеловесные, трудновыговариваемые англицизмы с легкой руки «продвинутых» журналистов путем многократного воспроизведения этих слов в программах, статьях, всевозможных текстах прочно закрепились в информационной сфере и не только в ней. С. Кара-Мурза в своей книге «Манипуляция сознанием» пишет о том, что замена русских слов на иностранные на телевидении России приняла такой размах, что следует уже говорить о семантическом терроре [5].

В исследовании ФОМ под названием «Владение иностранными языками» от 8–9 июня 2013 года респондентам задавался вопрос, владеют ли они каким-либо иностранным языком хотя бы на минимальном

уровне? 57 % респондентов дали утвердительный ответ, а 43 % ответили, что не владеют ни одним иностранным языком. 57 % респондентов, владеющих иностранным языком, был задан вопрос «На каком уровне вы владеете этим языком?». Из них 33 % отметили начальный уровень, 16 % — средний уровень, 3 % — продвинутый уровень, 5 % — свободное владение языком, 1 % затруднились ответить. В том же опросе респондентам, не знающим иностранные языки, задавался вопрос: Не хотели бы они выучить иностранный язык? 54 % дали отрицательный ответ. 19 % опрошенных сослались на пожилой возраст и слабую память, еще 19 % — на отсутствие необходимости, остальные — на отсутствие времени, желания и т.п. Данных за последние годы нет, но вряд ли ситуация со знанием иностранных языков существенно изменилась за последние годы [6].

Причем нужно учесть, что речь шла о владении разными иностранными языками, а не только английским языком. Следовательно, говорить о том, что массовая аудитория легко понимает английские заимствования не приходится.

Вот только небольшой перечень иноязычных слов, который мы постоянно слышим в средствах массовой информации. Но постоянно слышать иностранные заимствования — не значит понимать их. «Фейковые переговоры», «фейспалмы», «блэклисты», «скайдайверы», «энтертейтмент», «реновация», «треш», «мем», «эндаумент-фонд», «драйвер роста», «коворкинг», «краудфандинг», «франдразинг», «прайвеси», «драфт», «афтершок», «маржа», «дорожная карта», «колл-центр», «кофе-брейк», «драйв», «байопик», «аутлет», «ритейл», «девелопер», «ресепшн», «бенефициар», «хеджировать», «дауншифтинг», «мейнстрим», «ньюсмейкер», «шоурум», «офлайн», «мессидж», «омбудсмен», «сейл-хаус», «бэби-бокс», «фидбэк», «кэшбэк», «бэкграунд», «блэкаут», «стартап», «лоукостер», «продакшн-плейсмент», «шорт-лист», «вендинговый», «big data», «хедлайнер», «кластер», «клинер», «мерчендайзер», «камбэк», «дедлайн»,

«транспарентность» и многие другие слова, которыми напичканы новости [7]. Чего только стоит недавно появившееся в нашем информационном поле слово «шатдаун». Анализ многочисленного употребления этого слова во многих новостных программах на разных телеканалах выявил, что это слово часто даже и не разъясняется аудитории.

Аудитория, чтобы понять, о чем, собственно, идет речь, должна со своей стороны проделать сложнейшую интеллектуальную работу: «споткнуться» о чужое незнакомое слово, услышать непривычно звучащее для русскоговорящих людей слово (языковеды знают, что иностранное слово носителем другого языка воспринимается как пустой звук, то есть его просто не слышат), распознать и запомнить его, что для очень немалых и недостаточно образованных людей является практически непосильной задачей, по возможности, хоть как-то его идентифицировать, перевести на русский, найти ему — в идеале — аналог в русском языке, наполнить его адекватным смыслом, встроить в контекст, соотнести с содержанием, понять, какую мысль хотел донести говорящий по ту сторону экрана, встроить сказанное в цепочку своих представлений, сделать конкретное умозаключение. «Современные русские тексты нацелены на игру с получателем информации: в результате игровых манипуляций с языком получатель информации вынужден разгадывать словесные загадки» [8]. Причем сделать это нужно быстро, поскольку новости идут непрерывным потоком. Но, как говорят нейрофизиологи, «думать и воспринимать информацию — это два несовместимых друг с другом психических процесса. Поэтому или одно, или другое» [9]. Тем более, что процесс восприятия искусственно осложнен совершенно ненужными заимствованиями. Кроме того, если учесть, что слова «обладают множеством изменчивых смыслов, которые приобретают в контексте своих употреблений» [10], то задача представляется вовсе невозможной. Пока зритель или слушатель занимается (при условии, если занимается) подобными интеллектуальными упражнени-

ями во время просмотра новостей, следующая «порция» новостей просто выпадает из фокуса его внимания.

Таким образом, в результате происходит не понимание текущих событий, а восприятие информации на уровне чувствования и ощущений. Всё непонятное воспринимается как угроза, опасность, порождает тревогу, напряженность, фрустрацию, разочарование и апатию.

Социальную значимость языка трудно переоценить, ведь язык играет особую роль в обществе. Он является ключевым фактором, сплачивающим народ, средством самоидентификации нации и этнокультурной идентичности и выступает мерилем в парадигме «свой — чужой». Российский философ Ф.И. Гиренок пишет о языке так: «Социальное — это связывание множественного в человеке посредством языка. Язык — социальная сила. Обессиливание этой силы ведет к несвязанному множеству людей, к тому, что не дает ни смысла, ни идентичности существованию единичного» [11].

Слова родного языка являются словами-стимулами, вызывающими целую сеть ассоциативных образов, представленных в коллективном культурном коде, имеющегося в сознании носителя родной культуры и отражающие культурные стереотипы, представление о мире, о добре и зле и т.д., которые легко, интуитивно распознаются носителями языка. Язык формирует картину мира, которая отражает систему ценностей и культуру народа, определяет способы взаимодействия с миром [12]. Русский язык, как, впрочем, и любой другой язык, включает в себя особенный, отличный от других языков уникальный способ восприятия и концептуализации мира [12]. В языке отражаются национальный характер, тип человеческих отношений и отношение человека к миру [5].

В новых заимствованных англицизмах ничего этого для русскоговорящей аудитории нет. Невозможно обычному, среднестатистическому гражданину нашей страны постичь все нюансы новояза. Англицизмы опасны множественностью интерпретаций, и потому представляют собой прекрасный инструмент

для манипуляций. Гиренок Ф.И. совершенно справедливо пишет о том, что мы живем в «режиме неизвлеченных смыслов». «В мире антропологической катастрофы скорость смены одного события другим так велика, что значения и смыслы не успевают осесть. Выпасть в осадок. А если они и кристаллизуются, то мы их не успеваем сделать фактом сознания. Поэтому сегодня каждому из нас приходится жить в режиме неизвлеченного смысла. В мире неясного и неочевидного. А если мир неясен, если он лишен смыслов, то в нем невозможно и напряжение воли» [13]. И с этим трудно не согласиться. Кара-Мурза С.Г. подобные слова называет «слова-амебы», которые «настолько не связаны с конкретной реальностью, что могут быть вставлены практически в любой кон-текст, сфера их применимости исключительно широка Это слова, как бы не имеющие корней, не связанные с вещами (миром). Они делятся и размножаются, не привлекая к себе внимания — и пожирают старые слова. Они кажутся никак не связанными между собой, но это обманчивое впечатление. Они связаны, как поплавки рыболовной сети — связи и сети не видно, но она ловит, запутывает наше представление о мире» [5].

В итоге большая часть информационного материала просто «не доходит» до аудитории, образующиеся смысловые провалы человек додумывает, объясняет себе непонятое, исходя из своих представлений, опираясь на свою картину мира. Ученые спорят о когнитивных возможностях человека, но они едины в том, что восприятие информации связано с абстрактным мышлением, которое

является сложной интеллектуальной работой. Конечно, телевидение позволяет максимально визуализировать представляемую информацию, казалось бы, облегчая ее понимание, но и здесь не все так просто. Проблема заключается в том, что информация подается по принципу клипа — быстро меняющихся сюжетов, визуальных картинок, которые часто никак не связаны друг с другом. Из-за высокой скорости переключения картинки зрители часто не успевают соотнести текст и видеоряд на экране телевизора, осмыслить информацию [14].

Вывод

Все средства массовой информации, будь то телевидение, радио, печать или Интернет, тщательно изучают социально-демографический и психологический портрет своей целевой аудитории, пристально следят за ее информационными потребностями, реакциями, настроениями. И СМИ не могут не знать, что широкие слои населения не понимают смысла большинства используемых англицизмов. Распространение иноязычной лексики в новостных и информационных программах есть процесс искусственный и намеренный, демонстрирующий по отношению к зрительской аудитории негативное, презрительное отношение. Использование заимствованной лексики может быть оправдано только тогда, когда коммуникация становится более эффективной, но если такая лексика запутывает людей и усугубляет социальную напряженность, то она является ничем иным как средством манипуляции общественным мнением.

Список литературы

1. ВЦИОМ. «Доверяй, но проверяй! Или об особенностях современного медиапотребления в России». URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2018/2018-10-24_Media.pdf (дата обращения: 24.02.19.).
2. ФОМ. Источники новостей и доверие СМИ. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170> (дата обращения: 24.02.19.).
3. Семечкин Н.И. Психология социального влияния. М.: Директ-Медиа, 2014. 396 с.

4. ФОМ. Как часто и зачем люди смотрят телевизор. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14029> (дата обращения: 24.02.19.).
5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 864 с.
6. ФОМ. Владение иностранными языками. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/10998> (дата обращения: 24.02.2018.).
7. Гаревои Габ. Сочинения на заданную тему. URL: http://gab-garevoi.narod.ru/inoslova_v_russkom.html (дата обращения: 24.02.2018.).

8. Каракулова М.К. Язык СМИ в эпоху глобализации // Сборник «Наука, просвещение, искусство провинции в социокультурном пространстве». Глазов, 2013. С.105–112.

9. Курпатов А.В. Чертоги разума. СПб, 2018. 418 с.

10. Кутявина Е.Е. Язык и власть // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2002. № 1 (2). С. 153–160.

11. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. 256 с.

12. Астафьева О.Н. Государственная политика в сфере русского языка в контексте Русского мира // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С.122–139.

13. Гиренок Ф.И. Антропологическая катастрофа. URL: http://www.odinblago.ru/o_cheloveke/23 (дата обращения: 24.02.19.).

14. Виноградова Н.В. Средства массовой коммуникации как способ формирования образа реальности // Сборник «Творчество как национальная стихия: медиа и социальная активность». Санкт-Петербург, 2018. С. 324–334.

References

1. VTsIOM. «Doveriyai, no proveryai! Ili ob osobennostyakh sovremennogo mediapotrebleniya v Rossii» [VTsIOM. «Trust, but check! Or about Features of Modern Media Consumption in Russia»]. Available at: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2018/2018-10-24_Media.pdf (accessed 24.02.19.). [in Russian].

2. FOM. *Istochniki novostei i doverie SMI* [FOM. News Sources and Media Trust]. Available at: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170> (accessed 24.02.19.). [in Russian].

3. Semechkin N.I. *Psikhologiya sotsial'nogo vliyaniya* [Psychology of Social Influence]. Moscow, Direct Media Publ., 2014. 396 p. [in Russian].

4. FOM. *Kak chasto i zachem lyudi smotryat televizor* [FOM. How Often and Why People Watch TV.]. Available at: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14029> (accessed 24.02.19.). [in Russian].

5. Kara-Murza S.G. *Manipulyatsiya soznaniem* [Mind Manipulation]. Moscow, Eksmo, 2005. 864 p. [in Russian].

6. FOM. *Vladenie inostrannymi yazykami* [Foreign Language Proficiency]. Available at: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/10998> (accessed 02.02.2018). [in Russian].

7. Garevoi Gab. *Sochineniya na nezadannuyu temu* [Essays on The Unasked Topic]. Available at: http://gab-garevoi.narod.ru/inoslova_v_russkom.html (accessed 24.02.2018.). [in Russian].

8. Karakulova M.K. Yazyk SMI v epokhu globalizatsii [About Mass Media Language in The Era of Globalization]. *Sbornik «Nauka, prosveshchenie, iskusstvo provintsii v sotsiokul'turnom prostranstve»* [Collection «Science, Education, Art of The Province in The Socio-Cultural Space»]. Glazov, 2013. pp. 105–112. [in Russian].

9. Kurpatov A.V. *Chertogi razuma* [The Halls of Mind]. Saint-Petersburg, 2018. 418 p. [in Russian].

10. Kutyavina E.E. Yazyk i vlast' [Language and Power]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki — Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2002, No. 1 (2), pp.153–160. [in Russian].

11. Girenok F. I. *Klipovoe soznanie* [Clip Consciousness]. Moscow, Prospectus Publ., 2016. 256 p. [in Russian].

12. Astaf'eva O.N. Gosudarstvennaya politika v sfere russkogo yazyka v kontekste Russkogo mira [State Policy in The Sphere of The Russian Language in The Context of The Russian World]. *Znanie. Ponimanie. Umenie. — Knowledge. Understanding. Skill*, 2017, No. 3, pp. 122–139. [in Russian].

13. Girenok F.I. *Antropologicheskaya katastrofa* [Anthropological Catastrophe]. Available at: http://www.odinblago.ru/o_cheloveke/23 (accessed 24.02.19.). [in Russian].

14. Vinogradova N.V. Sredstva massovoi kommunikatsii kak sposob formirovaniya obraza real'nosti [Mass Communication Media as a Way of Forming an Image of Reality]. *Sbornik «Tvorchestvo kak natsional'naya stikhiya: media i sotsial'naya aktivnost'»* [Collection «Creativity as a National Element: Media and Social Activity»]. Saint-Petersburg, 2018. pp. 324–334. [in Russian].

Деркач В. В.
Derkach V. V.

*кандидат философских наук,
доцент кафедры «Философия, история
и социальный инжиниринг»,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 316.4-047.72

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-107-112

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена исследованию особенностей социального проектирования как функции управленческой деятельности. Проектирование представляет собой процесс создания прообраза будущего состояния объекта, что предполагает обоснованное прогнозирование вариантов дальнейшего развития процессов. В социальном проекте отражено желаемое состояние социума, которое реализуется при определенных воздействиях субъективного фактора, а также при наличии определенных материальных и трудовых ресурсов. Объективный анализ социального объекта позволяет создать определенный массив факторов, который является главным информационным источником социального проектирования. В состав этого информационного массива могут входить различные источники: материалы социологических исследований, статистические данные, анализ периодической печати, опросы экспертов и т.д. Именно этот информационный массив как совокупность внутренних и внешних условий детерминирует развитие объекта в будущем. Без признания детерминизма социального развития проблема проектирования теряет научный смысл. Социальное проектирование возможно лишь при условии, что существуют причинно-следственная связь явлений и направление их хода. Социальный проект является вероятностным по своей природе, поскольку он учитывает не только объективные причинно-следственные связи, но и возможные внешние, относительно случайные воздействия. Любой социальный проект должен рассматриваться как один из возможных сценариев, имеющий желаемое воплощение, а не как «неизбежный рок» в духе фатальной предопределенности. Если социальный проект обоснован и благоприятен для данного социума, то имеющиеся ресурсы направляются на его скорейшую реализацию.

Ключевые слова: социальное проектирование, прогностика, моделирование, социальное прогнозирование, нормативное прогнозирование, социальная закономерность, социальный детерминизм, вариативность социального развития, социальная инерция.

SOCIAL DESIGNING AS A PROGNOSTIC FUNCTION OF MANAGEMENT ACTIVITIES

The article is devoted to the study of social design features as a function of management activities. Designing is the process of creating a prototype of the future state of the object, which implies a reasonable prediction of options for the further development of processes. The social project reflects the desired state of society, which is realized under certain influences of the subjective factor, as well as with the presence of certain material and labor resources. An objective analysis of a social object allows you to create a certain array of factors, which is the main information source of social design. The structure of this information array may include various sources: materials of sociological research, statistical data, analysis of periodicals, expert polls, etc. It is this information array as a combination of internal and external conditions that determines the development of an object in the future. Without recognition of the determinism of social development, the problem of design loses its scientific meaning. Social design is possible

only if there is a causal relationship between the phenomena and the direction of their course. The social project is probabilistic in nature, since it takes into account not only objective causal relationships, but also possible external, relatively random effects. Any social project should be considered as one of the possible scenarios, having the desired embodiment, and not as «inevitable rock» in the spirit of fatal predestination. If a social project is justified and favorable for a given society, then the available resources are directed to its early implementation.

Key words: social design, prognostics, modeling, social forecasting, normative forecasting, social regularity, social determinism, variability of social development, social inertia.

Современное социально-экономическое развитие требует рационализации управленческих решений, прогнозирования последствий кризисных процессов в различных сферах общественной жизни. Эффективное развитие социума не может быть стихийно управляемым, так как стихийные и неуправляемые процессы могут существенно затормозить прогрессивные изменения в обществе. В связи с этим в структуре управленческой деятельности возникает необходимость в социальном проектировании, в создании прообраза предполагаемого возможного состояния социального явления. Необходимо научно обоснованное определение вариантов развития будущих процессов и явлений, а также принятие на вооружение методологии социального прогнозирования.

Целью данной статьи является определение методологических особенностей социального проектирования и их использование в рамках управленческой деятельности, задаваемой современными социально-экономическими условиями.

При внимательном рассмотрении социума оказывается, что он не хаотичен, а является сложной системой отношений, детерминированной различными факторами. Но в отличие от естественной природы в социуме связи и отношения приобретают сознательный характер. Человек ставит перед собой цели, определяет задачи, обдумывает пути их достижения, а его практические действия включают в себя опыт предшествующих поколений, что является базовым условием для воспроизводства социальных структур. Предшествующий опыт позволяет человеку лучше понять настоящее и предвидеть будущее. У современных социальных общностей, обладающих большим социально-историче-

ским материалом, закономерность социального проектирования проявляется глубже. Социум систематически воспроизводит устойчивые формы отношений для обеспечения достижения поставленных целей, и проблема социального проектирования как совокупного воплощения прогностической функции управленческой деятельности оказывается крайне актуальной.

Важно отметить, что без признания детерминизма общественных процессов проблема социального проектирования теряет научный смысл. Проектирование как таковое возможно лишь при условии, что существует объективная связь явлений, а развитие социума определяется конкретным набором факторов. Как писал Н.Д. Кондратьев, «говоря о законе общественного развития, мы исходим из предпосылки, что общественная жизнь вообще закономерна». Противопоставляя законы общие и частные, он отмечал: «Если опыт, лежащий в основании эмпирического закона, будет очень устойчивым и частым, то этот закон получает колоссальное познавательное значение и служит могучим орудием предвидения» [1].

В научной методологии социальных изменений, по сути, аксиоматичным является утверждение, что социальные процессы подчиняются определенной закономерности, а главная задача познания сводится к выявлению и использованию этой закономерности. Если такой закономерности не существует и воспроизводство общества характеризуется только случайностью, то тогда ни о каком социальном проектировании речи и быть не может. Вопрос о наличии устойчивых закономерностей в социальном развитии является ключевым для методологии социального проектирования, подобно утверждению

о принципиальной познаваемости объективного мира.

Кроме того, социально-экономические процессы всегда воспроизводятся благодаря такому свойству, как «социальная инерция». Социальная инерция есть «консервативная сторона человеческой истории, давление прошлого на настоящее и будущее, ориентация людей, их идеалов, гиперцентра на организацию деятельности по образцу прошлого, стремление искать в нем ответы на постоянно возникающие вопросы» [2]. Такой подход предполагает устойчивость системы и возможность ее прогрессивного развития. Инерция по смысловому содержанию ближе к понятию «воспроизводство», которое отражает такое свойство социума, как способность функционировать и развиваться относительно, независимо от внешних воздействий, за счет существующих общественных отношений. Таким образом, инерция — общее свойство социальных процессов и явлений, выражающее их способность к определенному характеру изменений в обществе. Понимание этого характера общественных изменений является основой практического управления, существенной составляющей социального проектирования. В определенном характере изменения социального процесса проявляются его сущность, а также уровень отражения человеком конкретных исторических процессов.

Понятие «социальная инерция» позволяет обеспечить проникновение в сущность протекающих процессов путем отражения характера взаимодействия человека и общества в рамках конкретного исторического периода. Оно позволяет выявить тенденции развития социальных систем как процесса сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов. Инерция есть изменение социальных процессов в рамках сохранения целостности системы и ее устойчивости. Социальная инерция выступает как необходимая связь прошлого с настоящим, а также устойчивый механизм формирования будущего посредством сложного взаимодействия традиционного и инновационного [3].

Итак, неотъемлемая противоречивость социальных процессов в виде детерминированности и случайности — это две стороны одного явления, которое стремится к порядку на одном уровне и порождает тенденцию к хаотичности и спонтанности — на другом. Внести ясность в это противоречие помогут осмысление особенностей социального проектирования, а также определение роли субъективного фактора в этом процессе. Можно выделить следующие особенности социального проектирования:

— *взаимосвязь с управлением.* Социальное проектирование как функция управления всегда обусловлено практическими потребностями социума. Возможность влияния на развитие процесса в нужном направлении вызывает мобилизацию сил, а прогнозирование возможных угроз позволяет осуществить необходимое вмешательство и, таким образом, не допустить неблагоприятного развития событий. Когда мы имеем дело с однозначной детерминацией, имеющей объективную причину, то мы можем осуществлять предвидение с целью приспособить данный субъект к объективной реальности. Но следует иметь в виду, что в процессе усложнения социальных функций аппарат управления также становится более сложным, и в общем случае более развитая система оказывается более управляемой. Сложная система не была бы таковой, будучи стихийно управляемой или неуправляемой. Как правило, чем более сложна система, тем выше цена ошибки. Поэтому социум в целях реализации своей безопасности вынужден создавать институты защиты, а сами системы управления должны опережать темпы усложнения структуры самого социума, так как только при подобном опережении возможно обеспечение «запаса» управляемости. В противном случае социум становится уязвимым к внутренним и внешним угрозам, что может привести к гибели или радикальной трансформации системы. То есть, для обеспечения необходимого устойчивого развития необходима не просто система управления, но определенный «запас» прочности по управляемо-

сти для эффективного реагирования на текущие вызовы. Но усложнение самой социальной системы уменьшает горизонт социального проектирования и тем самым снижается уровень предсказуемости процесса [4]. Получается противоречивая ситуация: чем выше уровень сложности системы, тем она более управляема, но тем меньше уровень предсказуемости. Мы видим диалектическое противоречие, которое отражает взаимодействие предсказуемости, управляемости и сложности;

— *взаимосвязь с прогнозированием.* Прогнозирование представляет собой форму предвидения, которое выражается в экстраполяции существующих тенденций на будущее. Процесс прогнозирования находится в тесном взаимодействии с целым рядом доктрин, систем, концепций, которые так или иначе рассматривают в качестве объекта будущее [5]. Прогнозирование продуктивно лишь тогда, когда оно основано на научных формах познания, позволяющих предвидеть развитие социальных процессов и последствия предпринимаемых мер. Для успешного прогнозирования необходим определенный уровень научно-теоретического мышления. Иначе невозможно выстроить логику практических мер, смоделировать варианты благоприятного развития социальных процессов, спрогнозировать тенденции, учесть все возможные последствия совершаемых действий. Следовательно, научное прогнозирование сводится к тому, чтобы в общем виде смоделировать «каркас» будущего по тем его единичным фрагментам, которые существуют сегодня. Для этого необходимо уметь найти такие случайные элементы, которые станут в ближайшем будущем необходимыми компонентами новой исторической целостности. Эта особенность социального развития, как и вероятностный характер общественных законов, требует разработки прогноза в виде альтернатив, которые описывают возможные формы развертывания существующих процессов с учетом возможных управляющих воздействий [2];

— *постоянное усовершенствование методов социального прогнозирования.*

Это вызвано объективными причинами, так как социальные изменения в сторону усложнения происходят сами по себе, то повышение уровня предсказуемости выступает средством сохранения системы в целом. Усложнение социальной системы приводит к усложнению и совершенствованию методов прогнозирования, иначе система просто станет неуправляемой. Сложная социальная структура требует мобилизации научных и методологических ресурсов для создания все более совершенных управленческих институтов, которые могли бы компенсировать хаотичные процессы в системе. Такая компенсация происходит потому, что социум как система должен обеспечить свою устойчивость, иначе разброс своеволия индивидуальных факторов привел бы социум в целом к деградации. Таким образом, устойчивое развитие социальной системы возможно лишь при постоянном совершенствовании методов предвидения и прогнозирования, что предполагает изучение закономерностей прогнозируемых систем, а также факторов влияния, путем сочетания способов проверки и оценки достоверности прогнозов, при учете принципов теории вероятности и др.;

— *моделирование будущего.* Социальное проектирование должно учитывать не только объективные тенденции и факторы влияния, но и возможные обратные связи, а также их совокупное влияние. Это потребует моделирования социальной системы, которое учитывало бы как объективное положение дел, так и возможные обратные связи со стороны субъективных факторов. Как правило, значительная часть факторов, влияющих на это объективное положение дел, контролируется самим субъектом управления, а определенная часть остается неуправляемой. Следовательно, моделирование должно осуществляться в комплексной форме, в многофакторной информационной среде, а проблема выявления ключевых переменных может решаться лишь в сфере практических интересов социума. Важно отметить, что кроме чисто технических сложностей, связанных с учетом всех факторов влияния, есть еще и трудности гуманитарного характера. Дело

в том, что одна модель может отражать действительность верно, но в силу своей обобщенности характеризуется высоким уровнем погрешности. Другая же модель может не соответствовать объективной действительности, но быть хорошо подогнанной к ситуации, и точность прогноза оказывается у второй модели выше, нежели у первой. Следовательно, в силу разных обстоятельств, отбросив первую модель, исследователь лишается возможности довести аппарат социального моделирования до необходимого уровня;

— *вероятностный характер*. Знание, которое отражает желаемое будущее, воплощенное в прогнозе, является вероятностным по своей природе, поскольку любой проект описывает лишь одно из возможных состояний. Социальный проект должен рассматриваться как один из возможных сценариев, имеющий желаемое воплощение, а не как неизбежный рок в духе фатальной предопределенности. Если социальный проект обоснован и благоприятен для данного социума, то имеющиеся ресурсы направляются на его скорейшую реализацию. В любом случае само существование проекта уже влияет на сознание агентов влияния, следовательно, социальное проектирование выступает не формой пассивного предвидения, а необходимым элементом его творения [6];

— *многомерность социальной реальности*. Проектирование социальных систем, в силу их сложности, предполагает рассмотрение различных моделей, которые описывают те или иные срезы общественных процессов. Таким образом, важно не только учитывать многомерность процессов общества, но и моделировать общественные отношения в разных аспектах социального взаимодействия. В то же время ни одна адекватная модель не может обойтись без отбора так называемых существенных факторов. Но социальных факторов, вечных и навсегда установленных, не существует, то есть факторы, являющиеся существенными в одной системе рассмотрения, могут оказаться несущественными в другой. Это значит, что практически ни одна модель не может отражать

все срезы и аспекты социальной деятельности, приводя их к некоей общей тенденции. Следовательно, выводить общую тенденцию из одного главного фактора, как правило, некорректно. Отсюда вытекает вывод, что одна единственная модель не может описать всю многогранность социальных взаимосвязей различных сфер социума, но вполне может адекватно описывать определенный срез социальных отношений. Поэтому признание многомерности социальной реальности позволяет рассматривать различные социальные модели как дополняющие друг друга [6].

Из вышеизложенного анализа можно сделать вывод, что социальное проектирование является сложным методологическим процессом. Эта сложность объясняется тем, что функционирование любой общественной системы может быть описано лишь моделями с обратными связями, причем чем сложнее структура социума, тем большее воздействие мы можем наблюдать со стороны субъективного фактора. Социальное проектирование должно учитывать воздействие целевых показателей проекта на общественное сознание, что может благоприятно влиять на его реализацию. Эта особенность социального проектирования, как и вероятностный характер, требует разработки проекта в виде желаемых результатов, которые предполагают воздействие субъективного фактора на протяжении всего этапа реализации проекта. Поэтому в методологии принято рассматривать социальное проектирование как форму нормативного прогнозирования. Нормативный характер социального проекта, в свою очередь, описывает желаемое состояние, с учетом временных параметров, а также оптимальное использование доступных ресурсов.

Вывод

Таким образом, социальное проектирование представляет собой сложный процесс создания прообраза будущего состояния социума. В отличие от проектирования объектов естественной природы, при развитии которых не учитывается субъективный фактор, при создании проектов социальной

природы этот фактор должен учитываться в обязательном порядке. Его учет предопределяет специфику социального прогнозирования и проектирования. При этом должны быть учтены следующие параметры: социальные объекты противоречивы по своей природе; у социальных объектов существует несколько путей развития; социальные объекты плохо поддаются количественному описанию; на социальные объекты влияет мно-

жество субъективных факторов и т.п. Важно отметить, что субъектом проектирования всегда являются носители управленческой деятельности, которые ставят своей целью целенаправленное изменение социальной действительности. Неотъемлемой составляющей субъекта проектирования являются его социальная активность, участие в процессе постановки целей.

Список литературы

1. Кондратьев Н.Д. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993. С. 84–89.
2. Деркач В.В. Роль принципа историзма в исследовании современного общества: дис. ... канд. филос. наук. Уфа: Башкирский государственный университет, 2008. С. 121–122.
3. Пригожин И. Время, хаос, квант. М.: Прогресс, 1999. С. 81.
4. Халапсис А.В. Социальное прогнозирование и синергетическая модель культуры // *Філософія, культура, життя*. 2006. Вып. 26. С. 36–48.
5. Гольц Г.А. Идеиные, содержательные и информационные основы прогнозирования социально-экономических процессов // *Социологические исследования*. 2005. № 5. С. 54–66.
6. Вильданов Х.С. Методологические особенности социального прогнозирования // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика*. 2017. № 1 (19). С. 132–137.

References

1. Kondrat'ev N.D. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Economy, 1993. pp. 84–89. [in Russian].
2. Derkach V.V. *Rol' printsipa istorizma v issledovanii sovremennogo obshchestva: dis. ...*

kand. filos. nauk. [The Role of The Principle of Historicism in The Study of Modern Society: Cand. Phil. Sci. Diss.]. Ufa, 2008. pp. 121–122. [in Russian].

3. Prigozhin I. *Vremya, khaos, kvant* [Time, Chaos, Quantum]. Moscow, Progress, 1999. pp. 81. [in Russian].

4. Khalapsis A.V. *Sotsial'noe prognozirovanie i sinergeticheskaya model' kul'tury* [Social Forecasting and Synergetic Model of Culture]. *Filosofiya, kul'tura, zhittya — Philosophy. Culture. Life*, 2006, No. 26, pp. 36–48. [in Russian].

5. Gol'ts G.A. *Ideinye, sodержatel'nye i informatsionnye osnovy prognozirovaniya sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov* [Ideological, Content and Information Bases of Forecasting of Social and Economic Processes]. *Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological Studies*, 2005, No. 5, pp. 54–66. [in Russian].

6. Vil'danov Kh.S. *Metodologicheskie osobennosti sotsial'nogo prognozirovaniya* [Methodological Features of Social Forecasting]. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: ekonomika — Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy*, 2017, No. 1 (19), pp. 132–137. [in Russian].

Галиева Г. М.
Galieva G. M.

*кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник,
ГАНУ «Институт стратегических
исследований Республики Башкортостан»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Жилина Е. В.
Zhilina E. V.

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Экономика
и предпринимательство», Башкирский
кооперативный институт (филиал)
АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский
университет кооперации»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 331.56, 378

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-113-120

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ФАКТОРЫ И ОРИЕНТИРЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В данной статье проанализированы основные факторы развития высшего образования в Республике Башкортостан. Представлена общая ситуация на рынке высококвалифицированного труда. Определено влияние дисбаланса спроса и предложения на кадры с высшим образованием на уровень безработицы в республике. Обозначены позиции региона в сравнении с Приволжским федеральным округом и Российской Федерацией. Проанализировано влияние мер государственного регулирования образовательного процесса на возможность продолжения деятельности высшими учебными заведениями, сокращение обучающихся и числа выпускаемых специалистов. Акцентировано внимание на демографические процессы, предопределяющие спрос на образовательные услуги в ближайшие годы. Обоснована необходимость взвешенной образовательной политики и подготовки специалистов, соответствующих требованиям реального времени.

Ключевые слова: образование, вуз, труд, кадры, безработица, баланс, государство, экономика.

HIGHER EDUCATION: FACTORS AND GUIDELINES FOR REGIONAL DEVELOPMENT

This article analyzes the main factors for the development of higher education in the Republic of Bashkortostan. The general situation in the market of highly skilled labor is presented. The influence of the imbalance of demand and supply on personnel with higher education on the unemployment rate in the republic has been determined. Positions of the region in comparison with the Volga Federal District and the Russian Federation are indicated. Analyzed the impact of state regulation of the educational process on the possibility of continuing the activities of higher education institutions, reducing students and the number of graduates. Attention is focused on the demographic processes that predetermine the demand for educational services in the coming years. The necessity of a balanced educational policy and training of specialists meeting the requirements of real-time is grounded.

Key words: education, university, labor, personnel, unemployment, balance, state, economy.

Ключевым фактором, формирующим трудовой потенциал и определяющим качество жизни населения региона, является образование. Согласно Федеральному закону РФ № 273 ФЗ от 29.12.2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» [1], каждый гражданин имеет право на получение дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатного высшего образования.

В Республике Башкортостан за период с 2008 по 2017 гг. наблюдалось повышение доли занятого населения, имеющего высшее образование (таблица 1). Высшее образование является одним из условий продвижения по профессиональной карьерной лестнице, но наличие диплома учебного заведения не всегда обеспечивает это. В современных условиях зачастую выпускник вуза может занять статус безработного.

За последние десятилетия в Республике Башкортостан, как и других субъектах Приволжского федерального округа и Российской Федерации, сложилась проблема дисбаланса на рынке труда среди соискателей с высшим образованием: число требуемых рабочих мест гораздо выше числа вакантных. По данным 2017 г. уровень безработицы в регионе, определяемый по методике Международной организации труда (МОТ), составил 5,6 %, что превышает сред-

нее значение по ПФО и РФ на 0,9 и 0,4 процентных пункта соответственно. Значительную долю в составе безработных региона занимают лица с высшим образованием (в 2017 г. 18,9 %).

Пики уровня безработицы в республике зарегистрированы в 2009 г. (9,3 %) и 2015 г. (6,1 %), что вызвано динамикой основных социально-экономических показателей в результате кризисных явлений 2008 г. и 2014-2015 гг.: снижением темпов роста промышленного производства, сокращением оборота предприятий торговли и сферы услуг, сокращением числа рабочих мест, корректировкой среднемесячной заработной платы в большинстве секторов экономики (рисунок 1).

Характерна отстающая динамика снижения уровня безработицы в Республике Башкортостан по сравнению с регионами ПФО и РФ (рисунок 1). Превышение данного показателя по сравнению с ПФО составляло от 0,7 процентных пункта в 2009 г. до 1,3 процентных пункта в 2010 и 2015 гг. (по сравнению с РФ — от 0,1 в 2014 г. до 1,6 в 2010 г.).

Следует отметить тенденцию изменения доли безработных с высшим образованием, противоположную динамике уровня безработицы в анализируемом периоде. За период с 2008 по 2017 гг. наблюдается устойчивый рост числа указанных безработных (рисунок 2). При этом если в 2008-2011 гг. в РБ доля «высококвалифицированных» неработаю-

Таблица 1 — Основные показатели рынка высококвалифицированного труда в РБ, ПФО и РФ [2]

Наименование региона	Годы										2017 г. к 2008 г., %-ых пункта
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Уровень безработицы, %											
Российская Федерация	6,3	8,4	7,3	6,5	5,5	5,5	5,2	5,6	5,5	5,2	-1,1
Приволжский федеральный округ	6,3	8,6	7,6	6,5	5,3	4,9	4,5	4,8	4,8	4,7	-1,6
Республика Башкортостан	5,2	9,3	8,9	7,6	6,1	5,8	5,3	6,1	5,8	5,6	0,4
Доля занятого населения с высшим образованием, %											
Российская Федерация	27,1	28,0	28,7	29,3	30,4	31,7	32,2	33,0	33,5	34,2	7,1
Приволжский федеральный округ	23,7	24,7	25,4	26,1	27,2	28,5	28,9	30,1	30,6	31,3	7,6
Республика Башкортостан	20,7	21,3	22,5	21,6	24,7	24,5	25,5	26,8	27,7	29,5	8,8
Доля безработных с высшим образованием, %											
Российская Федерация	11,4	14,9	14,8	15,6	16,4	17,4	18,2	19,7	20,5	20,6	9,2
Приволжский федеральный округ	11,3	13,9	13,7	13,6	16,2	15,5	17,3	18,6	19,6	19,8	8,5
Республика Башкортостан	10,9	11,0	11,9	13,3	19,8	15,2	19,1	19,9	21,9	18,9	8,0

Рисунок 1. Динамика уровня безработицы в РБ, ПФО и РФ [3]

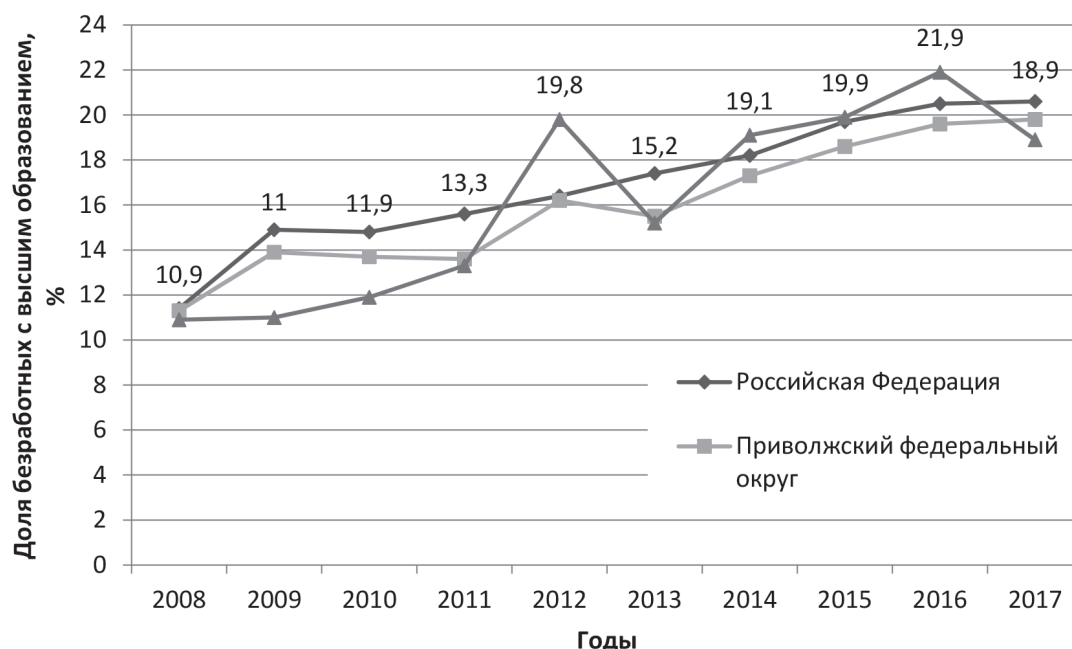

Рисунок 2. Динамика доли безработных с высшим образованием в РБ, ПФО и РФ [3]

щих была ниже, чем в ПФО и РФ, то с 2012 г. анализируемый показатель начинает занимать верхние позиции. В 2013 и 2017 гг. следует отметить отрицательное отклонение по изучаемому показателю, что обусловлено демографическими процессами и влиянием мер государственного регулирования выпуска бакалавров и специалистов образовательными учреждениями.

Основная масса безработных граждан в РБ приходится на возраст 20–29 лет (по данным 2017 г. — 35,6 %). Следовательно, серьезное влияние на уровень безработицы в регионе оказывают выпускники именно высших

учебных заведений. За анализируемый период на группу безработных граждан в возрасте 20–29 лет приходится от 35,1 % до 39,8 % от общего числа (таблица 2).

Суммируя безработных трех возрастных групп: до 20 лет, от 20 до 29 лет, от 30 до 39 лет, получаем, что основная масса неработающих граждан находится в возрасте до 39 лет (рисунок 3). Следовательно, на сегодняшний день безработица среди выпускников вузов усугубляет проблему устройства на работу трудоспособных граждан в пределах возраста, совпадающего с пиком проявления профессиональных навы-

Таблица 2. Структура безработных по возрастным группам населения РБ, % [2]

Год	Возрастная группа, лет					
	до 20	от 20 до 29	от 30 до 39	от 40 до 49	от 50 до 59	от 60 до 72
2008	5,2	37,1	19,7	27,2	10,8	0,0
2009	5,3	37,2	23,7	22,5	11,3	0,0
2010	4,6	39,8	20,5	21,8	12,8	0,4
2011	5,0	36,2	20,4	22,7	15,1	0,5
2012	4,1	35,1	21,5	18,0	18,6	2,7
2013	3,2	36,6	22,2	19,7	17,3	0,9
2014	3,1	38,4	24,4	17,6	15,4	1,0
2015	2,1	36,4	25,1	17,2	17,9	1,3
2016	2,5	38,8	23,5	17,8	16,7	0,7
2017	3,3	35,6	23,2	21,0	15,7	1,1

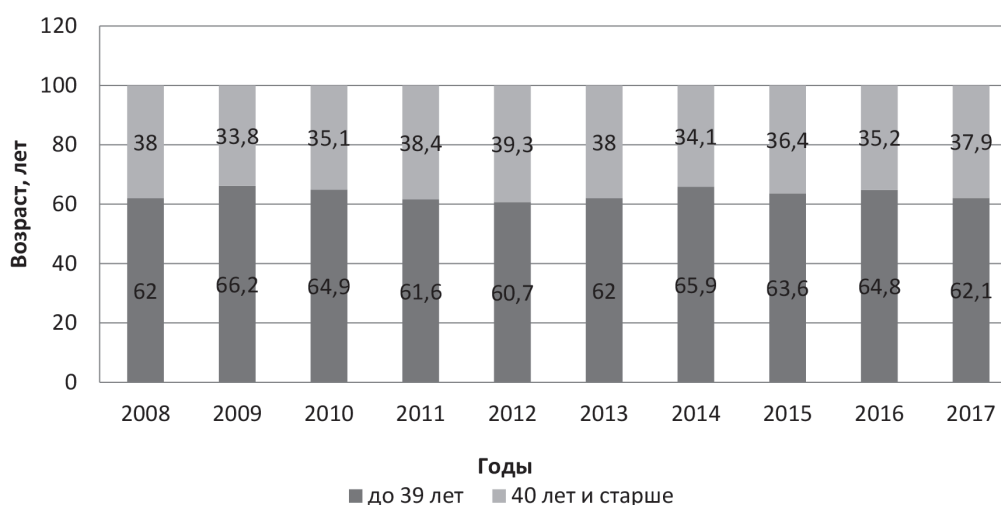

Рисунок 3. Динамика соотношения возрастных групп безработных в РБ, % [2]

ков, соответственно производительности труда [4].

Уровень экономического развития региона не может обеспечить рабочими местами всех или большинство выпускников с высшим образованием. В результате определенная часть молодых кадров начинает занимать должности рабочих и служащих, где не требуется наличие диплома вуза, и является следствием ошибки выбора направления подготовки и уровня образования — среднего профессионального взамен высшего — этой группой абитуриентов.

Указанная ситуация отчасти складывается в силу того, что за последние десятилетия в республике, как и в целом по стране, наблюдался стремительный рост числа новых учебных заведений и обучающихся в них. Получение высшего образования воспринималось обществом как социальная норма, нередко не предоставляющая гарантий трудоустройства.

Сложившееся положение обостряет внимание на трудоустройстве выпускников высших учебных заведений и подтверждает правильность политики государства относительно подготовки высококвалифицированных кадров в меньших масштабах. Серьезные изменения в этом направлении были связаны с принятием на территории РФ следующих нормативно-правовых документов:

— Указа президента «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» (№ 599 от 7.05.2012 г.) [5];

— Распоряжения Правительства РФ «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие образования» на 2013-2020 гг.» (№ 2148-р от 22.12.2012 г.) [6].

Согласно перечисленным нормативным актам, приоритетным направлением развития высшего профессионального образования определена оптимизация сети организаций профессионального образования, сопровождающаяся повышением требовательно-

сти к отбору абитуриентов, дальнейшим сокращением числа студентов на ряде программ и повышением качества подготовки специалистов.

Правильность образовательной политики в системе российского высшего образования подтверждается и его сравнением с зарубежными государствами. В развитых странах мира доля возрастной когорты, идущей в высшие учебные заведения, значительно ниже, хотя социально-экономические условия сильно отличаются от российских.

Одним из показателей уровня развития государства, определяющего уровни потребности в специалистах с высшим образованием, может выступать валовый внутренний продукт в расчете на одного занятого в экономике [7]. В России доля возрастной когорты, поступающей в вузы (рисунок 4), составляет 76 %, что сопоставимо с мировыми лидерами по ВВП в расчете на одного занятого (США — 82 %, Италия — 67 %). При этом в государствах, которые обеспечивают значения ВВП, близкие нашей стране, доля указанного показателя значительно ниже (Канада — 62 %, Великобритания — 59 %, Франция — 56 %, Германия — 48 %, Бразилия — 39 %, Индия — 26 %).

Предложение на рынке образовательных услуг системы высшего образования за последние десятилетия определялось спросом со стороны абитуриентов, формируемым с учетом собственных интересов, желаний и ориентиров родителей, требований эконо-

мики и общества в целом. Начавшийся в 1995 г. рост студенческого контингента достиг своего максимума в 1998 г. [3]. С этого времени численность студентов начала убывать, что обусловлено демографическими процессами, ситуацией на рынке труда и ужесточением условий приема абитуриентов в вузы.

В результате, за период с 2008 по 2017 гг. число основных образовательных организаций в республике сократилось на 37,5 %, или на 6 единиц (таблица 2). Более всего изменения в сфере высшего образования коснулись филиалов и негосударственных учебных заведений. В результате численность студентов сократилась на 40,8 %, и составила на 2017 г. 25,7 тыс. чел. Несмотря на радикальные изменения, сокращение выпуска бакалавров и специалистов в регионе ниже, чем в ПФО и РФ в целом (10,8 % против 31,1 % и 28,6 % соответственно).

Выявленные тенденции сокращения выпуска молодых кадров высшими учебными заведениями обусловлены также и демографической ситуацией в регионе. Согласно статистическим данным по распределению населения по возрасту на 01.01.2018 г., можно допустить, что наименьшее потенциальное число абитуриентов приходится на 2018 г., соответственно минимального выпуска бакалавров следует ожидать в 2022 г.

Начиная с 2019 г. идет резкое увеличение численности населения исследуемого воз-

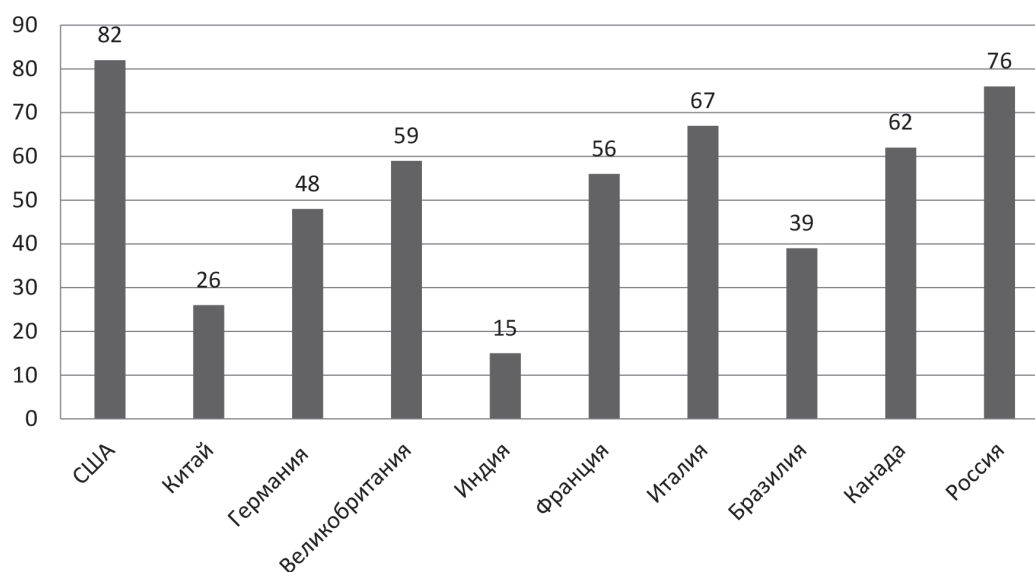

Рисунок 4. Доля возрастной когорты, поступающей в вузы, % [3]

Таблица 2. Основные показатели деятельности образовательных учреждений высшего образования в РБ, ПФО и РФ [2]

Наименование региона	Годы										2017 г. к 2013 г. %
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Число основных образовательных организаций, ед.											
Российская Федерация	1134	1114	1115	1080	1046	969	950	896	818	766	67,5
Приволжский федеральный округ	170	169	168	161	152	143	134	131	123	117	68,8
Республика Башкортостан	16	16	15	15	13	11	11	11	10	10	62,5
Число филиалов, ед.											
Российская Федерация	1663	1637	1668	1639	1603	1482	1319	1079	840	651	39,1
Приволжский федеральный округ	323	322	327	334	329	320	287	228	174	144	44,6
Республика Башкортостан	44	43	42	42	43	38	34	30	26	22	50,0
Численность обучающихся в системе высшего образования, тыс. чел.											
Российская Федерация	7513,1	7418,8	7049,8	6490	6075,4	5646,7	5209,0	4766,5	4399,5	4245,9	56,5
Приволжский федеральный округ	1487,9	1471,4	1395,9	1292,5	1212,6	1118,0	1023,9	946,0	880,5	851,7	57,2
Республика Башкортостан	174,9	175,6	169,0	159,2	153,0	140,9	126,7	114,4	105,4	103,6	59,2
Выпуск бакалавров и специалистов образовательными организациями, тыс. чел.											
Российская Федерация	1358,5	1442,3	1467,9	1442,9	1397,2	1291	1226,2	1300,5	1161,1	969,5	71,4
Приволжский федеральный округ	271,3	279,1	291,1	290,2	280,1	257,8	240,4	255,2	222,9	186,9	68,9
Республика Башкортостан	28,8	29,9	32,6	32,7	33,9	31,1	28,4	34,7	28,6	25,7	89,2

раста, следовательно, уже к 2023 г. возможно допущение роста числа выпускников вузов. Таким образом, при отсутствии влияния других факторов, это может привести к выпуску специалистов с высшим образованием в прежних масштабах. Динамика потенциальной численности абитуриентов, рассчитан-

ная нами исходя из возможной численности населения республики в возрасте 18 лет на каждый последующий год поступления [8] и доли возрастной когорты, поступающей в вузы, при отсутствии влияния остальных факторов, представлена на рисунке 6.

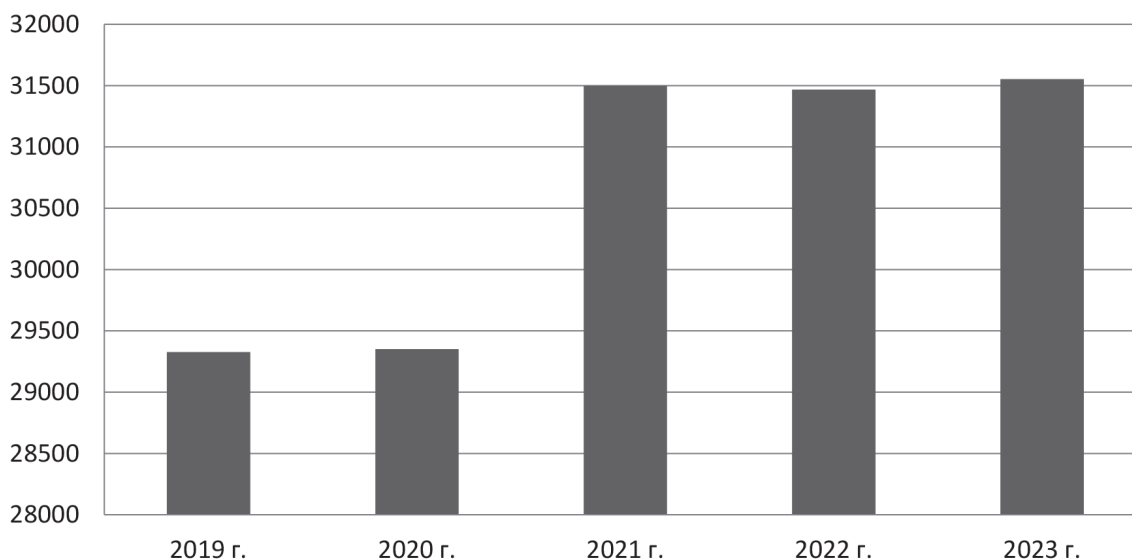

Рисунок 6. Динамика потенциальной численности абитуриентов в РБ по годам, чел.

Изучение демографической ситуации, позиций на рынке труда, основных экономических показателей и приоритетов развития региона позволяют сделать следующие **выводы**:

— в Республике Башкортостан наблюдается высокий уровень безработицы в сравнении со средними показателями по Приволжскому федеральному округу и Российской Федерации;

— значительный вклад в формирование существующего уровня безработицы делают безработные с высшим образованием;

— определена ситуация переполнения рынка труда невостребованными кадрами, подготовленными высшими учебными заведениями.

В сложившихся условиях государственная образовательная политика должна быть ориентирована не только на сокращение числа вузов и выпуска специалистов ими, но и установление нужных пропорций обеспечения кадрами учебными заведениями среднего профессионального и высшего образования с оптимальной структурой соответствующих направлений подготовки.

На фоне приближения к высокотехнологичному информационному обществу диктуется необходимость подготовки специалистов иного формата, отвечающих динамичным современным запросам. От новой высшей школы требуются кадры, которые могут найти применение по своему профилю на рынке труда. Образовательный процесс должен носить прикладной характер, что возможно на основе трехстороннего сотрудничества между учебными заведениями, организациями-работодателями и обучающимися путем смены характера и правильной организации производственных и преддипломных практик, вовлечения опытных специалистов в учебную деятельность, последующего трудоустройства выпускников [9–11]. В этом случае система высшего образования будет ориентирована на формирование конкурентоспособного выпускника с учетом адресности подготовки, уровня обеспеченности приоритетных отраслей экономики специалистами высокой квалификации, баланса спроса и предложения на трудовые ресурсы.

Список литературы

1. Федеральный закон РФ № 273 от 29.12.2012 г. «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 12.02.2019).

2. Регионы России. Социально-экономические показатели URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 19.01.2019).

3. Клячко Т.Л., Мау В.А. Будущее университетов // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 8-9.

4. Гимпельсон В.Е. Возраст, производительность, заработная плата. URL: https://wp.hse.ru/data/2018/12/10/1145005536/WP3_2018_07_pdf (дата обращения: 19.01.2019).

5. Указ президента № 599 от 7.05.2012 г. «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_

[doc_LAW_129346](#) (дата обращения: 12.02.2019).

6. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие образования» на 2013–2020 гг.». URL: <https://base.garant.ru/70265348> (дата обращения: 12.02.2019).

7. Россия в цифрах. 2018: краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2018. С. 519–520.

8. Численность населения по полу и возрасту по субъектам РФ на 01.01.2018 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_111/Main.htm (дата обращения: 19.01.2019).

9. Валиев Ш.З. Рынок образовательных услуг. Санкт-Петербург: СПбГУЭФ, 2001. 139 с.

10. Валиев Ш.З., Сухочев В.И. Рынок образовательных услуг: теоретические аспекты. Уфа: УГАЭС, 2008. 81 с.

11. Галиева Г., Сабирова З. О некоторых вопросах развития экономического образова-

ния в России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. №1 (145). С. 130–134.

References

1. *Federal'nyi zakon RF № 273 ot 29.12.2012 g. «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law of The Russian Federation No. 273 of 29.12.2012 «About Education in The Russian Federation»]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (accessed 12.02.2019). [in Russian].
2. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli* [Region of Russia. Socio-Economic Indicators]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_11386-23506156 (accessed 19.01.2019). [in Russian].
3. Klyachko T.L., Mau V.A. *Budushchee universitetov* [The Future of Universities]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' — Social Sciences and Contemporary World*, 2015, No. 3, 8-9. [in Russian].
4. Gimpel'son V.E. *Vozrast, proizvoditel'nost', zarabotnaya plata* [Age, Productivity, Wages]. Available at: https://wp.hse.ru/data/2018/12/10/1145005536/WP3_2018_07.pdf (accessed 19.01.2019). [in Russian].
5. *Ukaz prezidenta № 599 ot 7.05.2012 g. «O merakh po realizatsii gosudarstvennoi politiki v oblasti obrazovaniya i nauki»* [Presidential Decree No. 599 of 7.05.2012 «On Measures to Implement The State Policy in The Field of Education And Science»]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129346 (accessed 12.02.2019). [in Russian].
6. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF «Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy RF «Razvitie obrazovaniya» na 2013-2020 gg.»* [Order of The Government of the Russian Federation «On Approval of The State Program of The Russian Federation «Development of Education» For 2013-2020»]. Available at: <https://base.garant.ru/70265348> (accessed 12.02.2019). [in Russian].
7. *Rossiia v tsifrakh. 2018: Kratkii statisticheskii sbornik* [Russia in Numbers. 2018: Summary of Statistics.]. Moscow, FSSS, 2018. pp 519-520. [in Russian].
8. *Chislennost' naseleniya po polu i vozrastu po sub'ektam RF na 01.01.2018 g.* [Population by Sex and Age by Subjects of The Russian Federation on 01.01.2018]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_111/Main.htm (accessed 19.01.2019). [in Russian].
9. Valiev Sh.Z. *Rynok obrazovatel'nykh uslug* [Education Market]. Saint-Petersburg, UNECON Publ., 2001. 139 p. [in Russian].
10. Valiev Sh.Z., Sukhochev V.I. *Rynok obrazovatel'nykh uslug: teoreticheskie aspekty* [The Market of Educational Services: Theoretical Aspects]. Ufa, USAES Publ., 2008. 81 p. [in Russian].
11. Galieva G., Sabirova Z. *O nekotorykh voprosakh razvitiya ekonomicheskogo obrazovaniya v Rossii* [On Some Issues of the Development of Economic Education in Russia]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal — Economics and Management: Research and Practice Journal*, 2019, No. 1 (145), pp. 130-134. [in Russian].

Хусаинова И. А.
Khusainova I. A.

*кандидат химических наук,
доцент кафедры «Специальная
химическая технология»,
начальник отдела профориентации
и содействия трудоустройству
Института экономики и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Коннова О. А.
Konnova O. A.

*специалист по работе с молодежью
отдела профориентации и содействия
трудоустройству Института
экономики и сервиса, ассистент кафедры
«Международные отношения
и востоковедение»,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 332.012

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-121-129

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ ВУЗОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ПО ИТОГАМ ПРИЕМНОЙ КАМПАНИИ 2018 ГОДА

Авторами представлен анализ данных приемной кампании 2018 года по ведущим высшим учебным заведениям Республики Башкортостан, отмечены основные тенденции и отличительные черты хода приема абитуриентов в 2018 году, представлены сравнительные значения по статистике приемной кампании прошлых лет в сравнении с 2018 годом. Рассмотрены контрольные цифры приема абитуриентов в разрезе бакалавриата, специалитета и магистратуры; подведены результаты по среднему баллу единого государственного экзамена, а также количеству призеров и победителей олимпиад, зачисленных на первый курс в ведущие вузы Республики Башкортостан, показаны лидирующие по востребованности у абитуриентов направления подготовки: рассмотрены направления подготовки с баллом единого государственного экзамена более восьмидесяти в разрезе всех ведущих вузов Республики Башкортостан. Отражена взаимосвязь результатов приема и профориентационной работы. Авторы рассматривают географическую составляющую поступления в вузы Республики Башкортостан и миграцию выпускников школ. Отдельное внимание в статье уделяется динамике зачисления в рамках «квот», приводится анализ за 2016 и 2017 годы в сравнении с 2018 годом. Отдельное внимание в статье уделено целевому приему и динамике соотношения договоров на целевой прием от администраций муниципальных районов и предприятий. Рассматривается положительная динамика структуры приемной кампании и обозначены реальные проблемы, встающие при приеме абитуриентов и их последующем зачислении. Обсуждается эффективность и актуальность методов проводимой вузами профориентационной работы в сотрудничестве друг с другом. Приводятся примеры апробирующихся методов и способов профориентационной работы. Затрагивается вопрос взаимодействия высших учебных заведений, министерств и ведомств, муниципальных районов и городов Республики Башкортостан для более эффективного построения системы профориентационной работы.

Ключевые слова: профориентационная работа, сетевое взаимодействие, приемная кампания, статистика и анализ данных.

IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL ORIENTATION WORK OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN ON THE RESULTS OF THE 2018 RECEPTION CAMPAIGN

The authors present an analysis of the data of the admission campaign of 2018 for the leading higher education institutions of the Republic of Bashkortostan, noted the main trends and distinctive features of the course of admission of students in 2018, presents comparative values on the statistics of the admission campaign of previous years in comparison with 2018. The control figures of admission of students in the context of undergraduate, specialty and graduate; the results of the average score of the unified state exam, as well as the number of winners and winners of the Olympiads enrolled in the first year in the leading universities of the Republic of Bashkortostan, showing the leading demand among students areas of training: considered areas of training with a score of the unified state exam more than eighty in the context of all the leading universities of the Republic of Bashkortostan. Reflects the relationship of the results of admission and career guidance. The authors consider the geographical component of admission to universities of the Republic of Bashkortostan and migration of school graduates. Special attention is paid to the dynamics of enrollment within the «quotas», the analysis for 2016 and 2017, in comparison with 2018. Special attention is paid to the target reception and dynamics of the ratio of contracts for the target reception from the administrations of municipal districts and enterprises. We consider the positive dynamics of the structure of the admission campaign and identified the real problems that arise in the admission of students and their subsequent enrollment. The efficiency and relevance of methods of vocational guidance work carried out by universities in cooperation with each other are discussed. Examples approbated methods and techniques of vocational guidance. The question of interaction of higher educational institutions, ministries and departments, municipal districts and cities of the Republic of Bashkortostan for more effective construction of career guidance system is touched upon.

Key words: career guidance, networking, admissions, statistics and data analysis.

В Республике Башкортостан (далее РБ) функционируют семь государственных вузов и филиал Финуниверситета при Правительстве РФ. По результатам Приемной кампании в 2018 году в эти вузы зачислено 22333 абитуриента — по состоянию на 1 сентября (из них 14057 человек из Республики Башкортостан). План приема в вузы по направлениям подготовки очной и заочной формы обучения выполнен.

В этом году произошло очередное снижение контрольных цифр приема (далее КЦП): на 662 места, для сравнения — в приемной кампании 2017 г. на 480 мест. Снижение приема наблюдается по ряду направлений бакалавриата (в основном «экономика и управление», «образование и педагогические науки»), программам среднего профессионального образования (далее СПО). При этом увеличиваются КЦП на программы магистратуры, заочных форм обучения, в ряде вузов — на программы специалитета (Башкирский государственный университет

(далее БашГУ), Уфимский государственный нефтяной технический университет (далее УГНТУ), Башкирский государственный медицинский университет (далее БГМУ), Башкирский государственный аграрный университет (далее БАУ).

Сравнительный анализ итогов приемных кампаний 2017 и 2018 гг. (таблица 1) выявляет следующие тенденции:

— улучшается качество подготовки абитуриентов: средний по восьми вузам РБ балл ЕГЭ в 2018 г. повысился относительно 2017 г. почти на 2 пункта (69,7–71,5) по данным приемных комиссий университетов. В соответствии с данными Мониторинга качества приема, проведенном Высшей школой экономики по состоянию на 14.09.2018 г. [1], значение среднего балла ЕГЭ зачисленных на бюджетные места имеет другие значения, так как рассчитаны для головного вуза, без учета внутреннего «творческого» экзамена, не везде выполнено требование «без учета индивидуальных достижений» [2] (рисунок 1).

Таблица 1. Итоги приемной кампании 2017 г. и 2018 г. в вузы РБ

Вуз	Средний балл ЕГЭ по одному предмету (очная форма обучения: бакалавриат, специалитет; бюджетная основа)		Количество призеров и победителей олимпиад среди зачисленных в вузы абитуриентов, чел.	
	2017	2018	2017	2018
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»	65,5	68,8	1	1
ФГБОУ ВО «БГМУ Минздрава России»	75,0	74,7	1	1
ФГБОУ ВО «БГАУ»	55,5	60,8	0	1
ФГБОУ ВО «УГИИ им. З. Исмагилова»	71,8	74,8	-	-
ФГБОУ ВО «УГНТУ»	73,0	74,0	11	30
ФГБОУ ВО «БашГУ»	67,5	68,6	3	1
ФГБОУ ВО «УГАТУ»	70,7	70,4	7	3
Уфимский филиал Финуниверситета при Правительстве РФ	78,8	79,8	-	-
	Средний балл	Средний балл	Итого	Итого
	69,7	71,5	23	37
		Δ+1,8	от бюджета 0,4% 0,7%	

Вуз	Качество приема на основании среднего балла ЕГЭ зачисленных на бюджетные места 2018	Рост/падение 2018-2017	Количество студентов, зачисленных на бюджетные места	Из них: без экзаменов	Средний балл рассчитан с учетом баллов за И.Д.?
1. Уфимский гос. нефтяной техн. ун-т.	76.9	0.9	1106	28	Нет
2. Башкирский гос. медицинский ун-т, г. Уфа	75.5	-0.5	654	1	Да
3. Уфимский гос. авиационный техн. ун-т.	68.1	1.2	1157	3	Нет
4. Башкирский гос. ун-т, г. Уфа	67.3	-0.2	793	1	Да
5. Башкирский гос. педагогический ун-т им. М. Акмуллы, г. Уфа	66.8	-0.7	594	1	Нет
6. Башкирский гос. аграрный ун-т, г. Уфа	58.9	1.6	485	0	Нет

Рисунок 1. Мониторинг качества приема 2018 г.

— количество призеров и победителей олимпиад несколько повысилось, хотя в целом остается незначительным — 0,7% от бюджетного приема, несмотря на оживление «олимпиадного» движения в вузах. Заметная динамика наблюдается в УГНТУ: 30 человек зачислено без вступительных испытаний, это составляет 2,3% от принятых на бюджет (для сравнения в Российском государственном университете нефти и газа им. Губкина данный показатель составляет 2,5%).

Заметно вырос «контрактный» балл, т.е. средний балл при поступлении на платную форму обучения, преимущественно это произошло при поступлении на гуманитарные

направления — на 4,8 балла. При этом максимум прироста наблюдается в БГАУ, Уфимском государственном институте искусств им. З. Исмагилова (далее УГИИ), Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы (далее БГПУ), Уфимском филиале Финуниверситета при правительстве РФ (далее филиал Финуниверситета). Это объясняется тем, что неуклонно снижаются КЦП на эти направления при сохраняющемся спросе у абитуриентов, а суммарное количество баллов по гуманитарным направлениям заведомо выше физики и математики.

Таблица 2. «Топовые» по востребованности у абитуриентов направления подготовки

Наименование направления подготовки	Средний балл	Вуз
Юриспруденция	89,37	БашГУ
Педагогическое образование. Иностранный (англ.) язык и профиль по выбору	88,8	БГПУ им. М.Акмуллы
Реклама и связи с общественностью	86,6	УГНТУ
Нефтегазовое дело. Эксплуатация и обслуживание объектов добычи нефти	84,3	УГНТУ
Электроэнергетика и электротехника	72,6	УГАТУ
Прикладные математика и физика	71,13	БашГУ

Среди «топовых» по востребованности у абитуриентов направлений подготовки (таблица 2): юриспруденция, педагогическое образование с языковым профилем, связи с общественностью. В то же время, средний балл по профильным физике и математике на «топовые» технические специальности явно ниже.

В группу «80+» по наличию направлений подготовки/специалитета с проходным баллом больше 80 вошли 5 вузов. Минимальные баллы варьируются от 46,6 до 77,1.

География зачисления и количество зачисленных абитуриентов из регионов РФ незна-

чительно расширились, из стран ближнего и дальнего зарубежья остается в целом на уровне 2016–2017 гг. 5,0–5,6% с заметным повышением в БГПУ, БашГУ и УГАТУ.

Существенных изменений в структуре приема по уровню образования не произошло: наблюдается повышение поступивших в ординатуру, магистратуру (БГАУ, УГНТУ, БашГУ), специалитет — в 5 вузах: БГМУ, БГАУ, УГНТУ, БашГУ, снижение бакалавриата и поступивших на программы СПО (рисунок 2).

Увеличилось количество зачисленных в рамках квот на осуществление приема детей

Таблица 3. Итоги приемной кампании в вузы РБ в 2018 г.

Вуз	Количество подготовки специальностей с балом ЕГЭ > 80	Минимальный балл ЕГЭ
ФГБОУ ВО «УГНТУ»	11	62,9
ФГБОУ ВО «БашГУ»	7	60,3
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»	4	54,2
ФГБОУ ВО «УГИИ им. З. Исагилова»	1	56
Уфимский филиал Финуниверситета при Правительстве РФ	1	77,1
ФГБОУ ВО «БГАУ»	-	55
ФГБОУ ВО «УГАТУ»	-	46,6
ФГБОУ ВО «БГМУ Минздрава России»	-	74,69

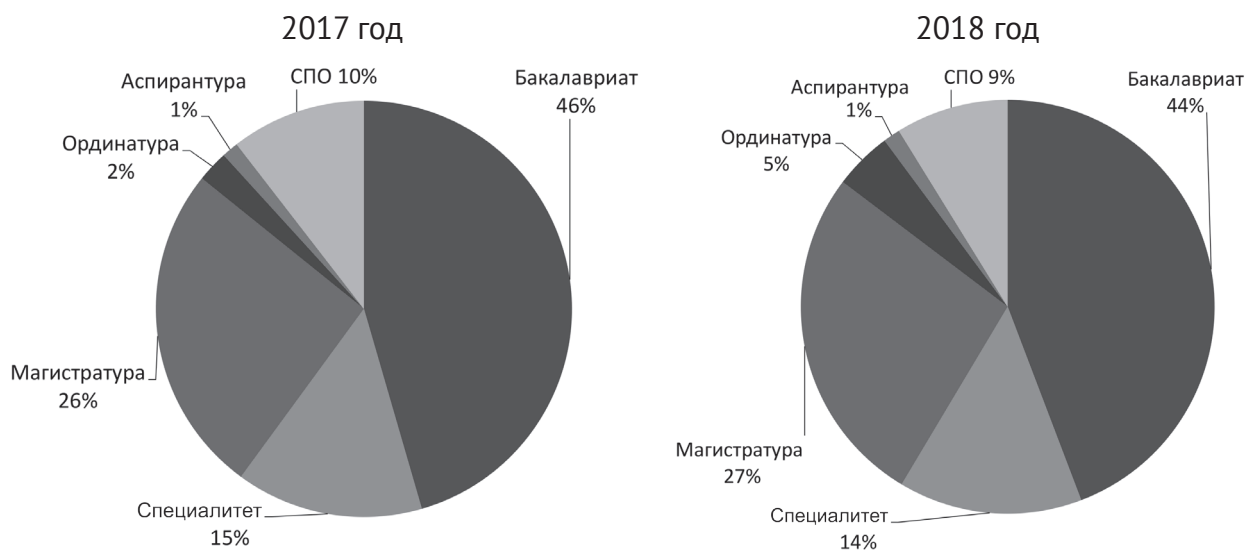

Рисунок 2. Структура приема по уровню образования

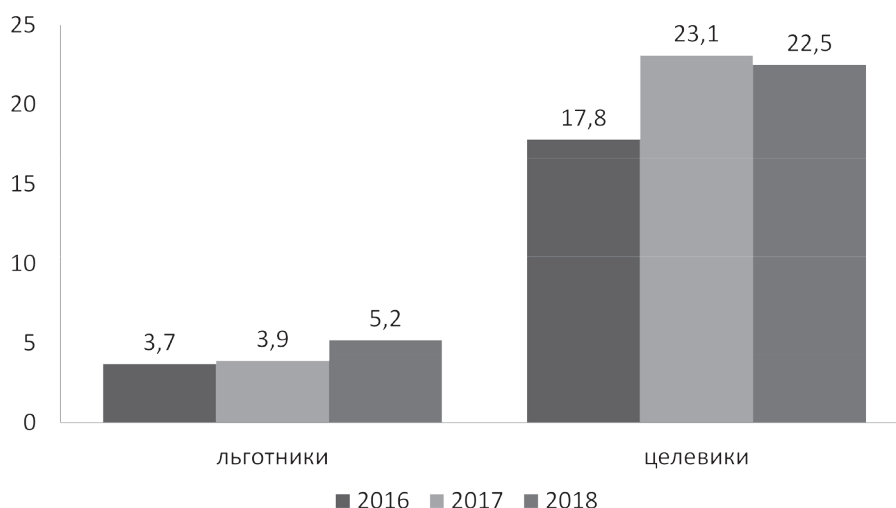

Рисунок 3. Динамика зачисления в рамках «квот» (2016-2018 гг.).

сирот, лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (3,7 % от бюджета в 2016 г. до 5,2 % в 2018 г.) (рисунок 4). «Целевой» прием относительно зачисленных на бюджет существенно не изменился. Настораживает растущий приоритет договоров от администраций муниципальных районов (далее МР) и городов относительно договоров, заключенных с предприятиями (рисунок 4).

Последствия этого для вневедомственных вузов известны и неоднократно обсуждались. Это так называемое «свободное» от обязательств с обеих сторон договора трудоустройство и серьезное снижение проходного балла ЕГЭ, что отождествляется с качеством приема: средний балл по 1 предмету зачисленных на бюджет УГНТУ в 2018 г. составил 74, по «целевому» приему 66,3 с учетом

индивидуальных достижений. По некоторым направлениям этот разрыв более существенный, особенно если договор заключает администрация МР, к примеру: одно из самых популярных среди абитуриентов гуманитарных направлений «Реклама и связи с общественностью» — по общему конкурсу 86,6, по договору с администрацией 74 (разрыв 12,6). По техническим направлениям при договоре от предприятия этот разрыв ниже, но сохраняется. При этом, зачастую, предприятие само выставляет требование высокого среднего балла ЕГЭ абитуриента, претендующего на целевой договор.

Безусловно, необходимость целевого обучения определяется спецификой вуза и направлениями подготовки: в течение трех лет наблюдается преимущественный прием по договорам от предприятий (Уфимское

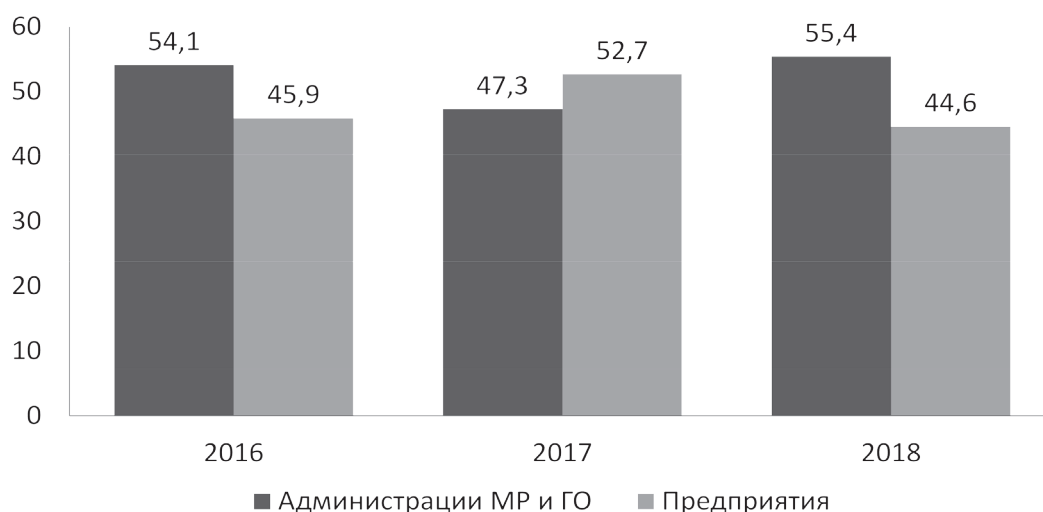

Рисунок 4. Динамика соотношения договоров на целевой прием от администраций МР и предприятий

моторостроительное производственное объединение (далее УМПО), Уфимское агрегатное производственное объединение (далее УАПО)) в УГАТУ, а также в БГМУ, что вызывает серьезное снижение проходного балла и приоритетный целевой заказ от «администраций» при достаточно высоком балле ЕГЭ. Проблема остается, и пока стремление вузов к переходу на целевое обучение тщетно.

К положительным изменениям в структуре приема можно отнести успешно продолжающийся набор по сетевым образовательным программам и программам двойных дипломов: это магистратура БГМУ — УГНТУ, программы двойных дипломов УГНТУ — БашГУ, работают многочисленные внутривузовские программы двойных дипломов.

Однако существуют реальные проблемы.

1. «Разрыв» КЦП с интересами абитуриентов и кадровым прогнозом региона.

Поскольку весь образовательный процесс в вузах должен быть «увязан» на экономике региона и производстве, мы снова говорим о необходимости создания и доступности актуального кадрового прогноза с «разносом»

потребности в рабочих и специалистах, с учетом тенденций развития перспективных направлений экономики региона. И уже на основе такого прогноза можно совершенствовать механизмы планирования КЦП, а главное обосновывать и отстаивать их.

2. Миграция абитуриентов.

Анализ распределения выпускников 11 классов школ РБ в 2017 и 2018 годах (таблица 4) показывает, что количество поступивших в эти годы в наши вузы в 1,8 раз больше, чем покинувших республику: 48,6 % к 27,1 % в 2017 году и 49 % к 28 % в 2018 г. от общего числа выпускников. Процент поступивших в учреждения среднего профессионального образования, начального профессионального образования практически стабилен.

Среди выпускников школ в 2018 году, поступивших в вузы (рисунок 5), 64 % в вузах РБ, 6 % г. Москва, 5 % г. Санкт-Петербург, 24 % — другие регионы РФ, 1 % — зарубежные вузы (из числа поступивших в вузы РФ: Москва — 18 %, Санкт-Петербург — 14 %, другие города — 68 %).

Как отмечают приемные комиссии вузов, количество абитуриентов, поступивших из

Таблица 4. Распределение выпускников школ РБ

Поступившие в ОУ	2017 % от общего числа выпускников школ РБ	2018 % от общего числа выпускников школ РБ
Вузы РБ (очно и заочно)	48,6	49,0
Вузы других регионов РФ и за граница (очно и заочно)	27,1	28,0
Учреждения СПО, НПО	21,2	20,0
Служба в рядах ВС РФ, работа, профкурсы	3,1	3,0

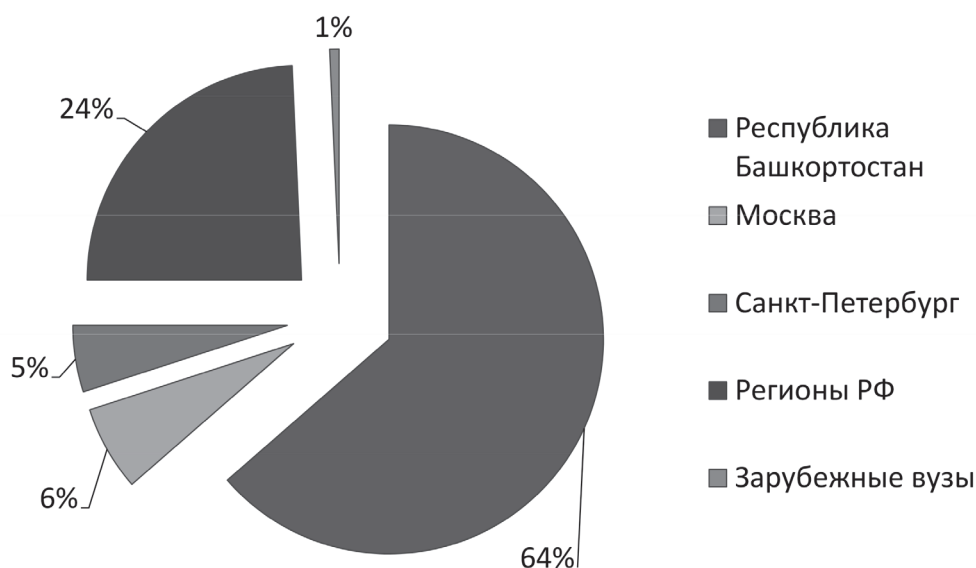

Рисунок 5. География поступления выпускников школ РБ в 2018 г.

районов с 2015 года, в целом увеличилось, в ряде вузов — существенно. Это результат системной работы вузов в муниципальных районах и городах республики, в том числе в рамках выездных профориентационных мероприятий Совета ректоров вузов Республики Башкортостан. Однако, это привело к перегрузке общежитий, и становится проблемой в организации комфортных условий проживания студентов, что среди прочего имеет большое значение при выборе вуза.

Можно выделить Топ-6 муниципальных районов по вкладу в число поступивших в вузы абитуриентов (МР Туймазинский, МР Ишимбайский, МР Мелеузовский, МР Белебеевский, МР Кармаскалинский, МР Бирский).

Картина по городам республики следующая: из города Уфа — 78 % абитуриентов поступили в республиканские вузы, из города Стерлитамак — 54 %, из города Салават — 46 %, при этом 80 % и 87 % выпускников школ этих городов поступают в вузы. Необходимо продолжать и совершенствовать формы профориентационной работы в школах муниципальных районов и городов РБ. Тем более, что 44 % выпускников этих школ получают максимальные баллы ЕГЭ. А успехи в работе с талантливыми детьми есть.

Сравнительный анализ поступления выпускников школ РБ, сдавших ЕГЭ на 100 баллов, в вузы (рисунок 6) указывает на медленное, но упорное снижение количества

уезжающих из республики с 2014 года. Это индикатор растущего устойчивого положения наших вузов и их растущего у абитуриентов и их родителей авторитета. По результатам приема в 2018 году, 40 % абитуриентов с максимальным баллом ЕГЭ поступили в вузы г. Москвы, 18,2 % — г. Санкт-Петербурга, 5,5 % — в вузы г. Казани. Основная задача — активно продолжать начатую в республике работу с одаренными детьми. Необходимы традиционные мероприятия формата «Слет отличников Башкортостана» с участием Правительства РБ, крупнейших работодателей региона, представляющих сильным выпускникам их перспективы развития в регионе и потребность региона в них. Пока 36 % талантливых детей — в наших вузах, и мы обязаны создать внутривузовскую программу, сопровождающую их обучение и развитие, возможно даже индивидуальную траекторию образования.

Таким образом, основными отличительными особенностями приемной компании 2018 года можно назвать: снижение КЦП, повышение балла ЕГЭ при зачислении на «бюджет» и на контракт, в большинстве вузов — увеличение минимального проходного балла, увеличение приема по очно-заочной форме обучения, растущее зачисление по контрактной заочной форме обучения, успешное развитие сетевых программ образования и программ двойных дипломов,

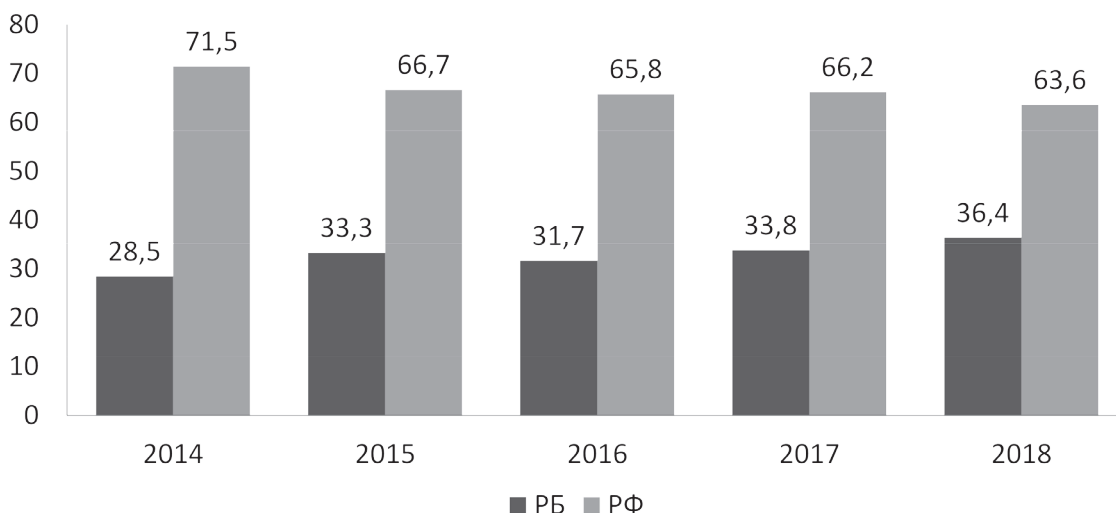

Рисунок 6. Динамика миграции стобалльников

вновь растущий «целевой прием» от администраций МР и городов республики.

Результаты приемной кампании всегда являются отражением системного подхода к профориентационной работе в регионе в целом. Ситуация такова, что сегодня в республике профессиональной ориентации молодежи как системы взаимосвязанных компонентов нет. Это проблема не только нашего региона. С 1991 года с выходом закона «О занятости населения» школьная профориентация переведена в службы занятости. Но это вовсе не означало, что учебные заведения отстранились, напротив, сегодня вузы республики используют практически все известные инструменты профориентации и предлагают новые.

Это различные форматы Дней открытых дверей, в том числе выездные; профтестирование по диагностическим комплексам «Профориентатор» и «Профкарьера» с консультацией психолога; развитие олимпиадного движения; развитие детского промышленного туризма, и в целом привлечение работодателей к проблеме; создание профильных классов на базе школ, курирование над школами и создание лицеев: много лет успешно работает Инженерный лицей № 83 имени М.С. Пинского УГНТУ; площадкой для поиска новых форм профориентационной работы стал Республиканский Инженерный лицей для одаренных детей, БГПУ им. М. Акмуллы на протяжении трех лет апробирует модель Башкирского «Сириуса», работает Молодежный технопарк УГНТУ. Вузы республики сегодня объединились в своей профориентационной работе, образовательном процессе и решении проблем с трудоустройством выпускников. Речь идет о совместных профориентационных выездах в МР и города республики, при поддержке и участии Правительства РБ и Министерства образования РБ; межвузовской ярмарке вакансий, где выпускники школ, их родители вместе со студентами вузов и ссузов могут познакомиться с работодателями региона и не только. Перспективным является проект «Поступи в

мой любимый вуз» по привлечению студентов к профориентационной работе.

Остается проблема во взаимодействии учреждений образования с органами законодательной и исполнительной власти, предприятиями, в системной работе в рамках комплексной региональной программы профориентации. Речь идет о региональном проекте, позволяющем выработать раннюю мотивацию школьников на профессии для новых отраслей экономики, провести «перезагрузку» для продвижения тех направлений, которые вводит вуз, например нано- и биотехнологии, промышленный дизайн, искусственный интеллект, робототехника. Мы хотим, чтобы в вуз пришли ребята, мотивированные на обучение с опытом предварительного погружения в отрасль. В общем, это особенность наблюдается последние 2–3 года, когда абитуриент выбирает профессию и место, где он хочет в последствии работать. Возможен проект некоего предуниверситариума, который может объединить несколько вузов, общеобразовательные учреждения, предприятия.

Большие возможности профориентационной работы заложены в Комплексном плане мероприятий по профориентации учащихся, социально-профессиональной адаптации молодых граждан на рынке труда РБ на 2016–2020 гг. [2], в рамках которого работает Министерство семьи, труда и социальной защиты РБ. Вузам необходимо подключиться к реализации этого плана, в том числе предлагается создание муниципальных Центров профориентации при отделах образования, службах занятости (или на базе хорошо оснащенной школы, библиотеки). Они должны быть оснащены мультимедийным оборудованием, иметь возможность подключения к электронным ресурсам, прежде всего — «Электронное образование», иметь всю рекламную продукцию вузов РБ, в том числе фильмы и ролики, которые будут системно транслироваться в школах. На базе таких Центров можно проводить модульные занятия со школьниками, презентации вузов, в том числе удаленно, осуществлять интерактивные профориентационные проекты — лектории для выпускников школ, родителей.

Для поддержки и развития технического образования в республике создана и успешно работает «Ассоциация школ Союза машиностроителей России», которая ставит перед собой серьезные задачи, в том числе и по работе с одаренными детьми, и успешно продвигается к их решению.

В республике открыты и успешно работают «Кванториум», Центр поддержки технического образования школьников «Гагарин-Центр», работают многочисленные клубы по робототехнике, экологический центр.

Список литературы

1. Об утверждении Комплексного плана мероприятий по профессиональной ориентации учащихся, социально-профессиональной адаптации молодых граждан на рынке труда Республики Башкортостан на 2016–2020 годы: Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 31 декабря 2015 года № 1506-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/432887365> (дата обращения 07.11.2018).

2. Мониторинг качества приема в вузы. URL: <https://ege.hse.ru/rating> (дата обращения 07.10.2018).

References

1. *Ob utverzhdenii Kompleksnogo plana meropriyatii po professional'noi orientatsii*

Вывод

По определению Пифагора, «система — множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые образуют определенную целостность и единство». В этом смысле в республике существует множество элементов профориентации, замечательно работающих самостоятельно. Нужно работать над их взаимодействием и сведением этого множества к единой системе взаимосвязанных компонентов, тогда механизм профориентации заработает в полную силу и ускорится движение вперед.

uchashchikhsya, sotsial'no-professional'noi adaptatsii molodykh grazhdan na rynke truda Respubliki Bashkortostan na 2016–2020 gody: Rasporyazhenie Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan ot 31 dekabrya 2015 goda № 1506-p. [About the Approval of the Complex Plan of Actions for Professional Orientation of Pupils, Social and Professional Adaptation of Young Citizens in the Labor Market of the Republic of Bashkortostan for 2016–2020: the Order of the Government of the Republic of Bashkortostan of December 31, 2015 No. 1506-p.]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/432887365> (accessed 07.11.2018).

2. *Monitoring kachestva priema v vuzy* [Monitoring the Quality of Admission to Universities]. Available at: <https://ege.hse.ru/rating> (accessed 7.10.2018).

Семенов В. А.

Semenov V. A.

кандидат технических наук,

доцент кафедры «Комплексный

инжиниринг и компьютерная графика»,

ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной

технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

УДК 665.662.3

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-130-136

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ САПР В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

В связи с широким внедрением в науку и промышленность компьютерных технологий встает вопрос о необходимости приобретения студентами навыков в этом направлении. Одной из первых и весьма сложных для студента технических дисциплин является дисциплина с общим названием «Начертательная геометрия. Инженерная и компьютерная графика». В связи с существующими в учебных кругах спорами относительно первой части этой дисциплины важно сказать, что она необходима и не только потому, что является подготовкой студента к изучению второй части, но и для общего развития интеллекта наряду с такой дисциплиной, как математика.

Однако преподаватель графических дисциплин в вузе сталкивается с очень сложной проблемой, связанной, с одной стороны, с «прокрустовым ложем» учебных программ и, с другой стороны, слабой подготовкой обучаемых — вчерашних школьников с их крайне неразвитым пространственным воображением. Кроме того факта, что учащийся плохо воспринимает пространственную компоновку геометрических задач, у него отсутствует мотивация изучения дисциплины, то есть отсутствует интерес к ее изучению. Вторая часть дисциплины «Инженерная графика», в принципе, является первой технической дисциплиной в вузе, которая тоже представляет собой для студента серьезную проблему, поскольку кроме слабого пространственного воображения у него, как правило, нет опыта работы с техническими изделиями.

В данной работе мы делимся опытом использования компьютерных технологий в учебном процессе вуза. Компьютер является оружием, способствующим лучшему усвоению дисциплины. Что касается начертательной геометрии, должна быть разработана такая методика, чтобы с ее использованием изучение проходило без издержек, более быстро, более качественно, более оптимально, так, чтобы учащийся знал алгоритмы геометрических задач.

Огромное значение в образовательном процессе, на наш взгляд, имеет инженерная и компьютерная графика. Компьютер в современных условиях неизмеримо поднимает уровень конструкторских разработок, а, значит, уровень технического прогресса страны. И это должно быть приоритетным направлением учебного процесса. Некоторые аспекты работы по внедрению компьютерных технологий и САПР в учебный процесс в нашем вузе приведены в статье.

Ключевые слова: учебный процесс, начертательная геометрия, инженерная графика, компьютерные технологии, САПР, конструирование.

EXPERIENCE OF USING CAD IN THE EDUCATIONAL PROCESS

In connection with the widespread introduction of computer technology in science and industry, the question arises of the need for students to acquire skills in this direction. One of the first and very difficult for the student technical disciplines is the discipline with the general title «Descriptive

geometry. Engineering and computer graphics». In connection with the disputes existing in educational circles regarding the first part of this discipline, it is important to say that it is necessary not only because it is preparing the student for studying the second part, but also for the general development of intelligence along with such a discipline as mathematics.

However, a teacher of graphic disciplines at a higher education institution faces a very complex problem, connected, on the one hand, with the «pro-crusted bed» of curricula and, on the other hand, weak preparation of trainees — yesterday's schoolchildren with their extremely underdeveloped spatial imagination. In addition to the fact that the student perceives poorly the spatial arrangement of geometric problems, he lacks the motivation to study the discipline, that is, there is no interest in studying it. The second part of the Engineering Graphics course is, in principle, the first technical discipline at the university, which also represents a serious problem for the student, since apart from his weak spatial imagination, he usually has no experience with technical products.

In this paper we share the experience of using computer technology in the educational process of the university. The computer is a weapon that promotes better learning discipline. As for descriptive geometry, such a technique should be developed so that with its use the study proceeds without costs, more quickly, more qualitatively, more optimally, so that the student knows the algorithms of geometric problems.

Of great importance in the educational process, in our opinion, is engineering and computer graphics. The computer in modern conditions immeasurably raises the level of design development, and, therefore, the level of technical progress of the country. And this should be a priority for the educational process. Some aspects of the work on the introduction of computer technology and CAD in the educational process in our university are given in the article.

Key words: educational process, descriptive geometry, engineering graphics, computer technology, CAD, design.

Нынешнее время является принципиально новой эпохой в проектировании и конструировании изделий. Вместо традиционной технологии создания проектно-конструкторской документации пришла технология компьютерная. В связи с этим встает вопрос о необходимости приобретения студентами навыков в этом направлении. Тем более, что инженерная графика это первая общетехническая дисциплина, которая играет весьма важную роль в становлении будущего инженера.

Существует много систем автоматического проектирования (САПР), используемых для разработки конструкторской документации. Наиболее известные среди них и широко используемые это АВТОКАД и КОМПАС. Система КОМПАС-График используется для плоских геометрических построений. Она обладает очень гибким, удобным для пользователя интерфейсом, обеспечивает полную поддержку ЕСКД и весьма проста для освоения [1].

КОМПАС-График можно использовать для решения задач начертательной геоме-

трии, следуя традиционным алгоритмам, т.е. используя компьютер в качестве бумаги и карандаша. Это позволяет с высокой точностью выполнять геометрические построения, при этом за студентом остается право выбора решения [2].

На смену плоским чертежам приходят чертежи, основанные на трехмерном моделировании. Мощным аппаратом для создания 3D-моделей и 3D-сборок является система КОМПАС-3D. Система позволяет создавать трехмерные модели самых сложных деталей и сборок. При проектировании деталей конструктор, используя наглядные методы создания объемных элементов, оперирует простыми и естественными понятиями: основание, ребро жесткости, отверстие, фаска и т.д. При этом процесс проектирования часто воспроизводит технологический процесс изготовления детали. При проектировании сборочных единиц конструктор работает с деталями, подсборками и стандартными изделиями.

Для формирования базы конструкторской документации на основе трехмерных моделей создаются плоские чертежи. При внесении конструктором каких-либо изменений в модель детали или сборки система автоматически перестраивает плоские чертежи. Это дает возможность при конструировании изделия рассмотреть множество вариантов без большого увеличения времени, что в разы повышает производительность труда конструктора. Этому же способствует и визуализация результатов его труда.

Система обеспечивает полную поддержку ЕСКД и обладает очень гибким, удобным для пользователя интерфейсом и для создания плоских чертежей, и для создания трехмерных моделей. Она обладает наличием прилагаемых библиотек, которые можно использовать для быстрого создания типовых элементов: канавок, проточек, различного рода отверстий, шпоночных пазов и т.д., для вставки пружин, крепежных деталей и других типовых элементов.

Впрочем, КОМПАС-3D можно использовать и при решении задач, сугубо относящихся к начертательной геометрии. Положительным моментом этого направления является визуализация процесса и результата решения, это дает возможность студенту представить задачу в пространстве. Но есть и отрицательный момент. Он заключается в том, что процесс решения остается за кадром. Он заключен внутри программы. При этом обучаемый лишен необходимости самостоятельно и осмысленно осуществлять алгоритм решения. Мы используем следующий выход из этой ситуации: студент разрабатывает модель пространственной задачи, по модели строит плоский чертеж, а затем вручную добавляет необходимые построения. Пример представлен на рисунке 1.

При использовании системы КОМПАС-3D, впрочем, как и любой другой системы САПР в учебном процессе вуза, мы сталкиваемся с проблемой, как нам кажется, общей для системы образования. Ведь первоосновой для пользователя любой системы САПР является его базовая подготовка по черчению: способность строить технический чер-

теж и элементарное знание стандартов. Между тем преподаватель графических дисциплин в вузе сталкивается с очень сложной проблемой, связанной, с одной стороны, с «прокрустовым ложем» учебных программ с их ограниченным объемом по времени и значительным объемом по содержанию, регламентируемому государственными образовательными стандартами, и, с другой стороны, слабой подготовкой обучаемых — вчерашних школьников с их неразвитым пространственным воображением. Все свое время преподаватель вынужден отдавать ликбезу студентов в области инженерной графики. Времени для освоения работы на компьютере не остается.

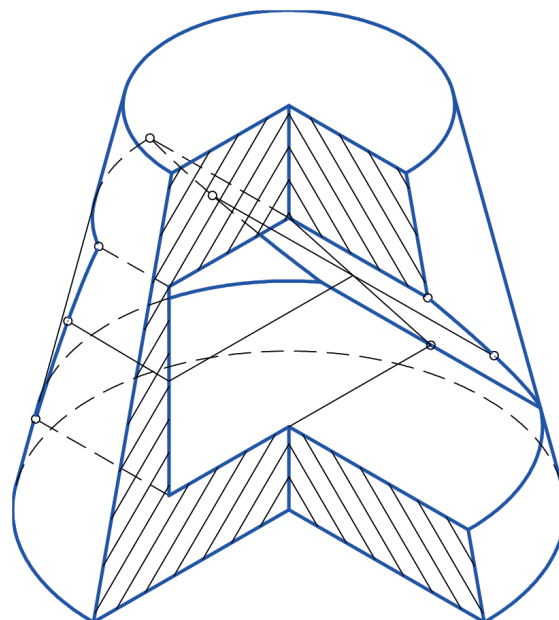

Рисунок 1. Изометрия фигуры с добавленными построениями

На наш взгляд, идеальным выходом из этой ситуации было бы включение в учебные планы специальностей отдельной дисциплины, связанной с компьютерной графикой. В УГНТУ в учебный план для бакалавров специальности «Теплоэнергетика» включена дисциплина «Основы конструирования и САПР», которую студенты проходят в течение третьего семестра после того, как они в течение предыдущих двух семестров освоили начертательную геометрию и инженерную графику.

В курсе ОК и САПР студент осваивает работу в системе КОМПАС-график для построения плоского чертежа, а затем — принципы разработки трехмерных моделей деталей и сборок в системе КОМПАС-3D и построение по ним документации на изделие: рабочих чертежей деталей, чертежей сборочных и спецификаций. Студент выполняет в течение семестра два задания. При выполнении первого задания он осваивает работу в системе КОМПАС-график и КОМПАС-3D и разрабатывает модели выданных ему по варианту трех резьбовых деталей, модель сборки условной сборочной единицы, состоящей из этих деталей. По этим моделям он строит рабочие чертежи деталей, чертеж сборочный и специфика-

цию. Последний документ выполняется системой в автоматическом режиме.

В результате выполнения задания не только приобретает и совершенствуется умение работать в системе КОМПАС, но и закрепляется знание стандартов ЕСКД, умение работать со справочной литературой.

Для выполнения задания издано учебно-методическое пособие [3], в котором даются варианты задания, принципы разработки моделей деталей, сборок и спецификаций, необходимый справочный материал, приведен пример выполнения задания. Пример сборочного чертежа по заданию (чертежи деталей не приводятся) представлен на рисунке 2.

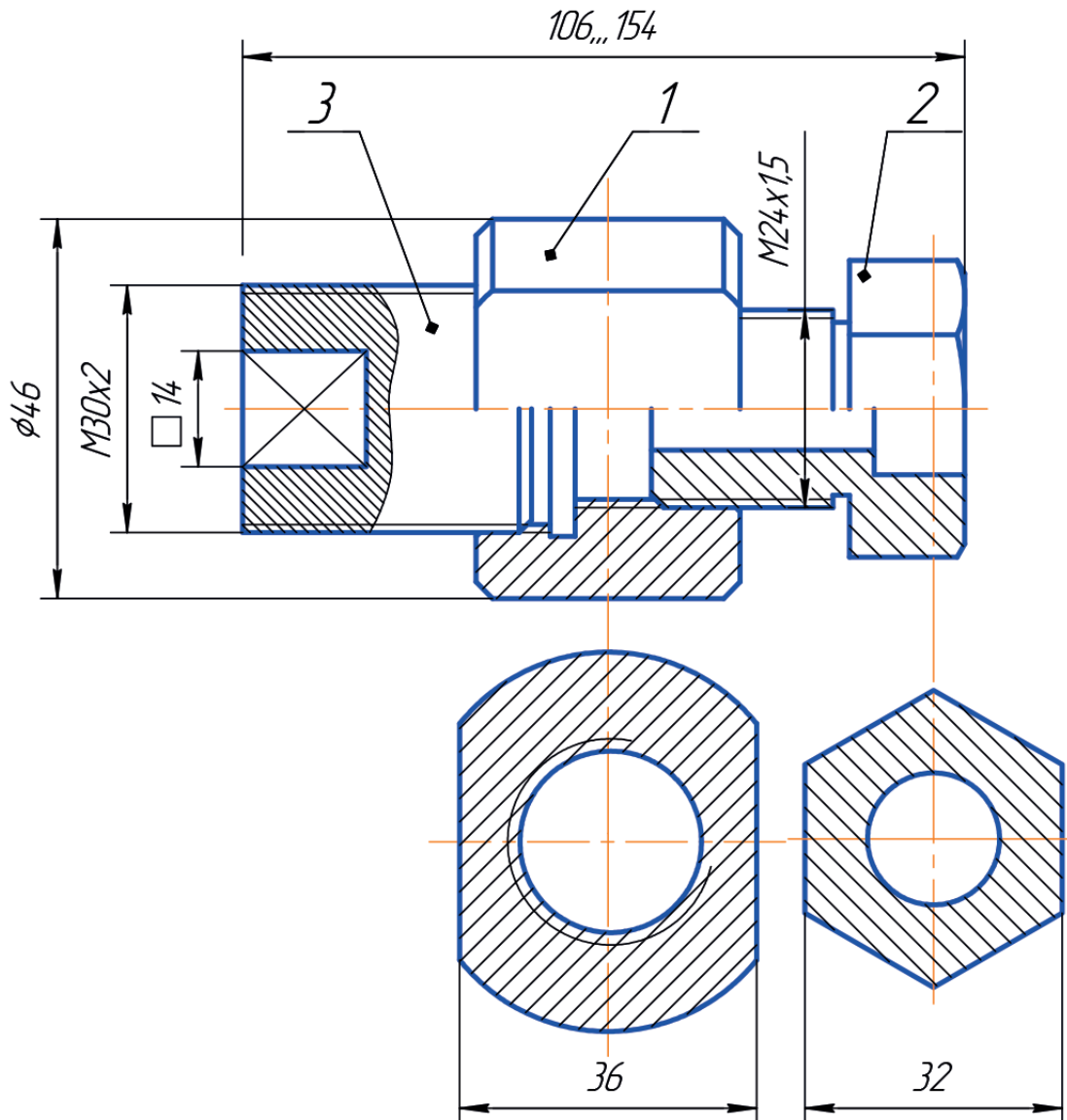

Рисунок 2. Чертеж условной сборочной единицы

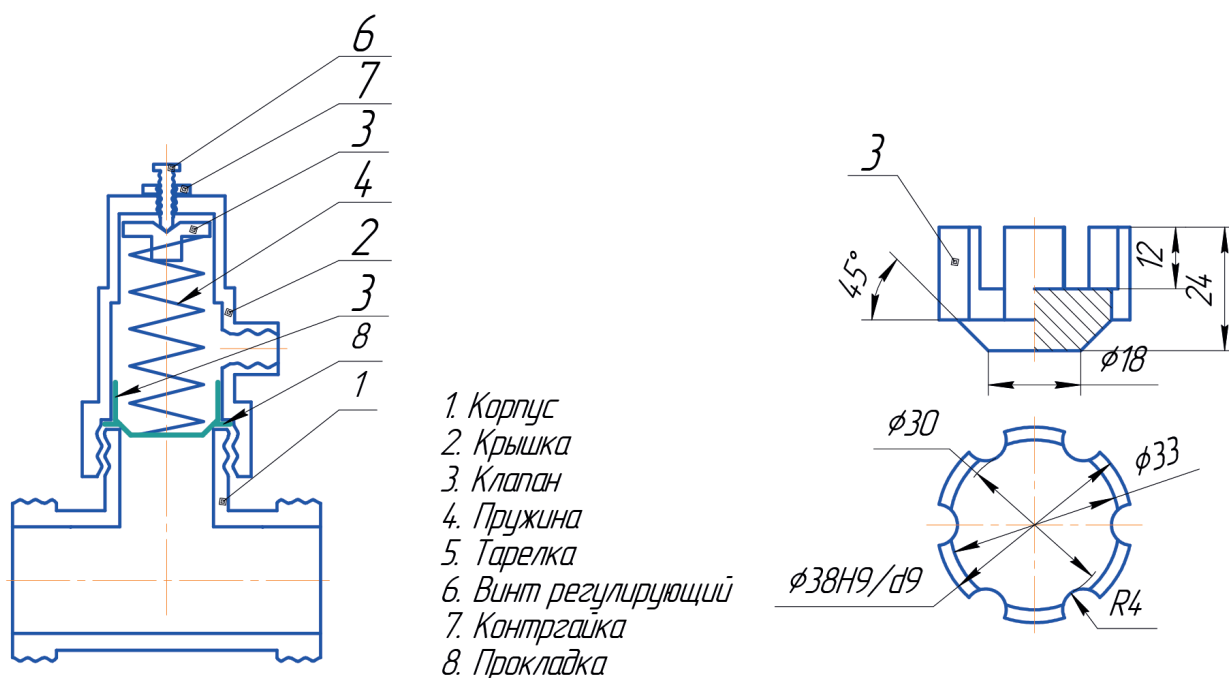
Целью второго задания кроме совершенствования работы в системе КОМПАС-3D является знакомство с принципами конструирования изделия, умение работать со справочной литературой, с прикладными библиотеками КОМПАС-3D. Студенту предлагаются принципиальная схема изделия, размер присоединительной резьбы, некоторые другие параметры. Он должен разработать чертежи деталей, чертеж сборочный и спецификацию. При этом студент знакомится с такими понятиями, как предельные отклонения размеров, посадка, шероховатость поверхности и отражает их в этих документах. Для выполнения задания разработано и издано учебно-методическое пособие [4].

Пример исходных данных для второго задания представлен на рисунке 3. Приведены

принципиальная схема устройства (перепускного клапана), его состав, а также чертежи детали «Клапан», в котором по размеру $\varnothing 33$ принята посадка с зазором H9/d9. По этому размеру конструктор подбирает размеры сопрягаемых деталей, принимая во внимание нормы на толщину стенок литых деталей, значения стандартных размеров резьб, размеров «под ключ» и т.д.

Задание не предусматривает расчет пружины на нагрузку. Принимаются и даются в исходных данных такие параметры пружины, как ее наружный диаметр, ее длина и толщина проволоки.

Чертеж сборочный по приведенным исходным данным приведен на рисунке 4.

Исходный параметр	Значение
Присоединительный размер	M56x3
Длина пружины в свободном состоянии, мм	74
Наружный диаметр пружины, мм	32
Диаметр проволоки пружины, мм	2,0
Число рабочих витков	6

Рисунок 3. Пример исходных данных для задания

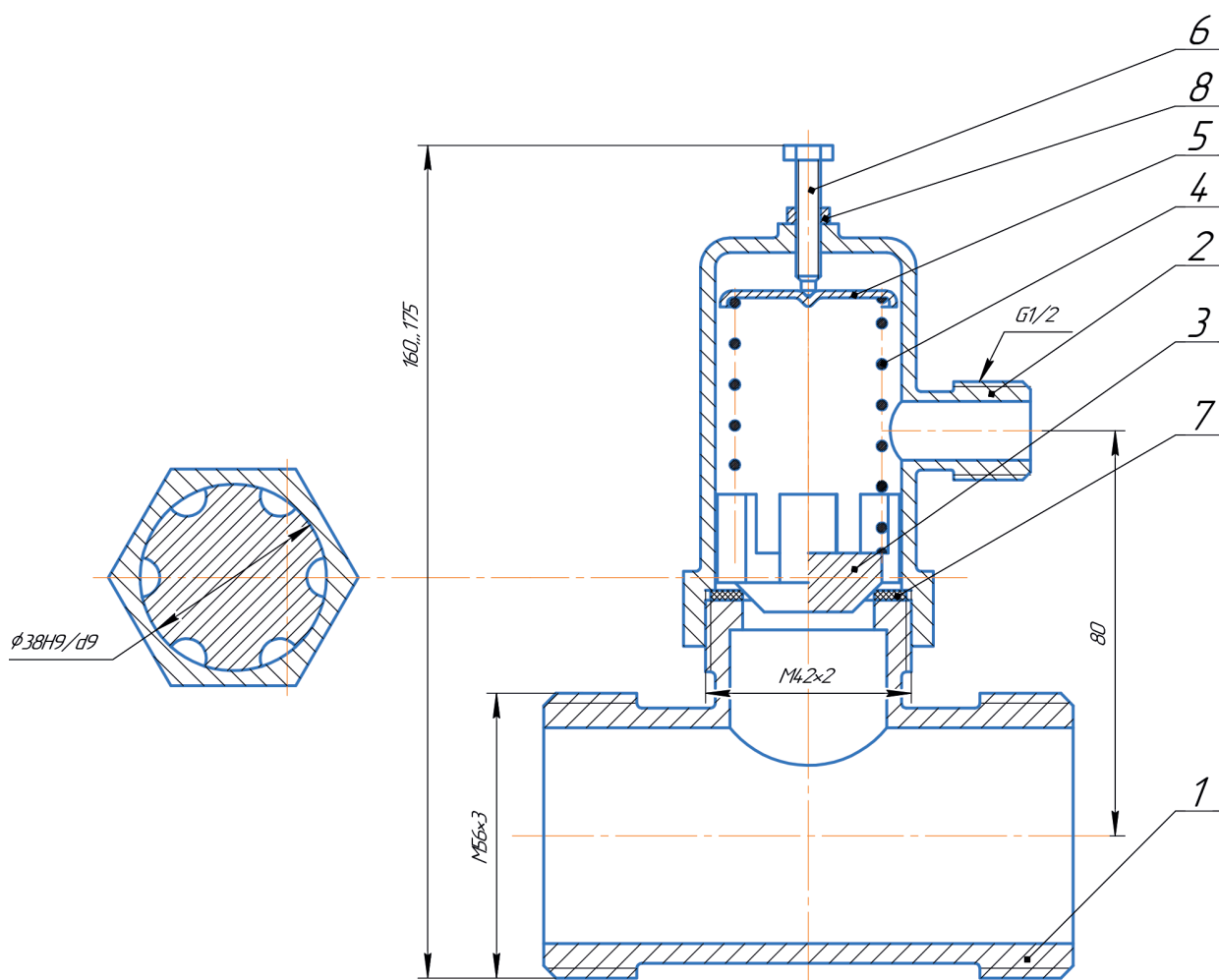

Рисунок 4. Чертеж сборочный по заданному варианту

Выводы

Компьютерные технологии в настоящее время становятся важнейшим средством образовательной деятельности. Огромное значение они приобрели в таких дисциплинах, как «Начертательная геометрия», «Инженерная графика», «Основы конструирования и САПР». Особую роль использование компьютера в учебном процессе приобретает у студентов первого курса, вчерашних школьников с их весьма слабым пространственным представлением. 3-D технологии позволяют развивать его вполне эффективно. Нельзя исключить при этом и такой фактор, как рост интереса к дисциплине, без которого, в принципе, невозможен процесс образования. Всё это подтверждается результатами нашей работы в этом направлении.

Необходимо также отметить, что при использовании компьютерных технологий в учебном процессе реализуются компетенции, предписанные рабочими программами:

- способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением коммуникационных технологий (ОПК-2);
- способность использовать современные информационные технологии, технику, прикладные программные средства при решении задач профессиональной деятельности (ОПК-3);
- способность участвовать в разработке технической документации, связанной с профессиональной деятельностью (ОПК-5).

Список литературы

1. Орехов В.Б. Методология и программное обеспечение компьютерного обучения инженерной графике // Проблемы методологии и методики применения компьютерных технологий в графических дисциплинах: тез. докл. 3 Российской конференции. М., 1995. С. 37-39.

2. Савельев В.К. Выполнение геометрических построений начертательной геометрии в системе Компас-График // Актуальные проблемы теории и методики графических дисциплин: матер. семинара-совещания ведущих графическими кафедрами вузов России. Пенза, 1999. С. 15-21.

3. Семенов В.А., Головкина Н.Н. КОМПАС-3D в разработке чертежей деталей и сборочных единиц. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2015.

4. Семенов В.А., Головкина Н.Н. Разработка документации на изделие по его схеме. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2008.

References

1. Orekhov V.B. Metodologiya i programnoe obespechenie komp'yuternogo obucheniya inzhenernoi grafike [Methodology and Software for Computer-Aided Training in Engineering Graphics]. *Tezisy dokladov 3-ei Rossiiskoi konferentsii «Problemy metodologii i metodiki primeneniya komp'yuternykh*

tekhnologii v graficheskikh distsiplinakh» [Proceedings of The 3rd Russian Conference «Problems of Methodology and Methods of Application of Computer Technologies in Graphic Disciplines»]. Moscow, 1995. pp. 37-39. [in Russian].

2. Savel'ev V.K. Vypolnenie geometricheskikh postroenii nachertatel'noi geometrii v sisteme Kompas-Grafik [Execution of Geometric Constructions of Descriptive Geometry in The Compass-Graph System]. *Materialy seminara-soveshchaniya zaveduyushchikh graficheskikh kafedr vuzov Rossii «Aktual'nye problemy teorii i metodiki graficheskikh distsiplin»* [Materials of the Seminar-Meeting of Heads of Graphic Departments of Russian Universities «Actual Problems of Theory and Methodology of Graphic Disciplines»]. Penza, 1999. pp. 15-21. [in Russian].

3. Semeno V.A., Golovkina N.N. *KOMPAS-3D v razrabotke chertezhei detalei i sborochnykh edinit* [COMPASS-3D in The Development of Drawings of Parts and Assembly Units]. Ufa, USPTU Publ., 2015. [in Russian].

4. Semeno V.A., Golovkina N.N. *Razrabotka dokumentatsii na izdelie po ego scheme* [Development of Documentation for The Product According to Its Scheme]. Ufa, USPTU Publ., 2008. [in Russian].

ОБ АВТОРАХ

Атаева Айсылу Гарифулловна

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Российская Федерация

Ахмедина Гульнур Бадретдиновна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономико-правовое обеспечение безопасности», Институт истории и государственного управления, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Российская Федерация

Блаженкова Наталья Михайловна

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Финансы и кредит», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Бочкарев Алексей Михайлович

старший преподаватель кафедры «Информационные системы и телекоммуникации», ФГБОУ ВО «Пермский государственный аграрно-технологический университет им. академика Д.Н. Прянишникова», г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: albo-73@mail.ru

Валиев Шамиль Зуфарович

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Региональная экономика и управление», Институт экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Гайнанов Дамир Ахнафович

доктор экономических наук, профессор, директор ФГБУН Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: 2d2@inbox.ru

Галиева Гузель Маратовна

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан», г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: galievagm@isirb.ru

Галимова Маргарита Петровна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Проектный менеджмент и экономика предпринимательства», Институт экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет», г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: polli66@mail.ru

Галиуллина Светлана Дмитриевна

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения, история и востоковедение», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Гилева Татьяна Альбертовна

доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры «Проектный менеджмент и экономика предпринимательства», Институт экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: t-gileva@mail.ru

Деркач Владислав Вячеславович

кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия, история и социальный инжиниринг», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Жилина Екатерина Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и предпринимательство», Башкирский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», г. Уфа Российская Федерация

Закирова Айгуль Энгелевна

аспирант, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Захаров Денис Юрьевич

кандидат технических наук, ведущий экономист, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Коган Ольга Станиславовна

доктор медицинских наук, профессор кафедры «Международные отношения, история и востоковедение», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Коннова Ольга Александровна

специалист по работе с молодежью отдела профориентации и содействия трудоустройству Института экономики и сервиса, ассистент кафедры «Международные отношения и востоковедение», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Кузьяшев Азат Нургалеевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Гуманитарные и естественнонаучные дисциплины», Башкирский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», г. Уфа, Российская Федерация

Курманова Диана Асхатовна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и налогообложения, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: Kdiana09@mail.ru

Маликов Рустам Илькамович

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Проектный менеджмент и экономика предпринимательства», Институт экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Насретдинова Зульфия Табрисовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и предпринимательство», Башкирский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», г. Уфа Российская Федерация, e-mail: zulf.2018@ya.ru

Рахматуллин Юлай Ялкинович

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономико-правовое обеспечение безопасности», Институт истории и государственного управления, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Российская Федерация

Ремишевская Карина Викторовна

специалист Службы информационного обеспечения, ООО «Газпром ВНИИГАЗ», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: heyjude945@gmail.com

Семено Валерий Акимович

кандидат технических наук, доцент кафедры «Комплексный инжиниринг и компьютерная графика», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Старицына Ольга Александровна

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Международные отношения, история и востоковедение», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: olstar-09@mail.ru

Токарева Светлана Андреевна

ведущий экономист, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Федорова Ольга Анатольевна

экономист Института дополнительного профессионального образования, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Хисаева Алия Инисовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Проектный менеджмент и экономика предпринимательства», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: oa@rusoil.net

Хусаинова Ирина Анатольевна

кандидат химических наук, доцент кафедры «Специальная химическая технология», начальник отдела профориентации и содействия трудоустройству Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Хуснутдинова Ляйля Гельсовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Международные отношения, история и востоковедение», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Ямалетдинова Залифа Такиевна

аспирант кафедры «Проектный менеджмент и экономика предпринимательства», Институт экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

ABOUT THE AUTHORS

Ahmedina Gulnur B.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor Assistant Professor of Economic and Legal Support of Security Department, Institute of History and Public Administration, FSBEI HE «Bashkir State University», Ufa, Russian Federation

Ataeva Aisylu G.

Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, FSBIS Institute of Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Blazhenkova Natalia M.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Finance and Credit Department, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Bochkarev Aleksey M.

Senior Lecturer of Information Systems and Telecommunications Department, FSBEI HE «Perm State Agrarian Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov», Perm, Russian Federation, e-mail: albo-73@mail.ru

Derkach Vladislav V.

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Assistant Professor of Philosophy, History and Social Engineering Department, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Fedorova Olga A.

Economist, Institute of Continuing Professional Education, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Galieva Guzel M.

Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation, e-mail: galievagm@isirb.ru

Galimova Margarita P.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of Project Management and Business Economics Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Aviation Technical University», Ufa, Russian Federation, e-mail: polli66@mail.ru

Galiullina Svetlana D.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of International Relations, History and Oriental Studies Department, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Gaynanov Damir A.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the FSBIS Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation, e-mail: 2d2@inbox.ru

Gileva Tatyana A.

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of Project Management and Economics of Entrepreneurship Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation, e-mail: t-gileva@mail.ru

Khisayeva Aliya I.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department «Project Management and Economics of Entrepreneurship», FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation, e-mail: oa@rusoil.net

Khusainova Irina A.

Candidate of Chemical Sciences, Assistant Professor of Special Chemical Technology Department, Head of Career Guidance and Assistance to Employment Department, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Khusnutdinova Lyaylya G.

Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of International Relations, History and Oriental Studies Department, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Kogan Olga S.

Doctor of Medical Sciences, Professor of International Relations, History and Oriental Studies Department, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Konnova Olga A.

Specialist in youth work, Department of Career Guidance and Employment Assistance, Assistant of International Relations and Oriental Studies Department, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Kurmanova Diana A.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of Finance and Taxation Department, FSBEI HE «Bashkir State University», Ufa, Russian Federation, e-mail: Kdiana09@mail.ru

Kuzyashev Azat N.

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor of Humanities and Natural Sciences Department, Bashkir Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Ufa, Russian Federation

Malikov Rustam I.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Project Management and Economics of Entrepreneurship Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Nasretdinova Zulfiya T.

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor of Economics and Entrepreneurship Department, Bashkir Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation, Ufa, Russian Federation, e-mail: zulf.2018@ya.ru

Rakhmatullin Yulai Y.

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor of Economic and Legal Security Department, Institute of History and Public Administration, FSBEI HE «Bashkir State University», Ufa, Russian Federation

Remishevskaya Karina V.

Information Support Service Specialist, Gazprom VNIIGAZ LLC, Saint-Petersburg, Russian Federation, e-mail: heyjude945@gmail.com

Semenov Valeriy A.

Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor of Integrated Engineering and Computer Graphics Department, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Staritsyna Olga A.

Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor of International Relations, History and Oriental Studies Department, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation, e-mail: olstar-09@mail.ru

Tokareva Svetlana A.

Leading Economist, Saint-Petersburg State Economic University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Valiev Shamil Z.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Regional Economics and Management Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Yamaletdinova Zalifa T.

Postgraduate Student of Project Management and Economics of Entrepreneurship Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Zakharov Denis Yu.

Candidate of Technical Sciences, Leading Economist, FSBEI HE «Saint-Petersburg State University of Economics», Saint-Petersburg, Russian Federation

Zakirova Aigul E.

Postgraduate Student, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Zhilina Ekaterina V.

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor of the Economics and Entrepreneurship Department, Bashkir Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation, Ufa, Russian Federation

Требования к оформлению материалов, предоставляемых для публикации в журнале:

1. Статьи, предоставляемые авторами в журнал, должны соответствовать профилю журнала, обладать новизной, интересовать широкий круг научной общественности.
2. Редакция принимает к публикации только открытые материалы на русском и английском языках (для иностранных авторов).
3. Поля — 2,5 см с каждой стороны; шрифт — TimesNewRoman, кегль — 14, межстрочный интервал — полуторный; ссылки на литературу в квадратных скобках. При наличии ссылок список литературы обязателен (в порядке цитирования, в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 или ГОСТ Р7.05–2008).
4. В правом верхнем углу жирным курсивом: фамилия, имя, отчество авторов (обязательно полностью), ученая степень, ученое звание, должность, наименование организации (полностью), страна, город.
5. По центру, жирным шрифтом, заглавными буквами: название статьи. УДК — в правом верхнем углу.
6. В конце статьи укажите почтовый адрес с указанием индекса, фамилию и инициалы получателя (позтому адресу будет выслан журнал), телефон (мобильный), e-mail контактного лица. Файл со статьей оформить: Фамилия И.О. doc (или docx). Отправлять по адресу: uor-ugaes@mail.ru.
7. Обязательно прислать цветное фото авторов отдельным файлом (не менее 1 Мб и не более 5Мб).
8. К статье должны быть приложены на русском и английском языках: название статьи, аннотация (не менее 240 слов, определяющих теоретическую ценность и практическую новизну статьи), ключевые слова (не менее 10), список литературы обязателен (не менее 8 источников).
9. Автор дает согласие на воспроизведение на безвозмездной основе в сети Интернет на сайте ФГБОУ ВО «УГНТУ» электронной версии своей статьи, опубликованной в журнале «Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика».
10. Графический и табличный материал должен быть представлен в приложении к WORD. Например, MicrosoftGraph, без использования сканирования; для диаграмм применять различную штриховку, размер шрифта 10 или 11 pt, математические формулы оформляются через редактор формул MicrosoftEquation, а их нумерация проставляется с правой стороны. Таблицы подписываются 12-м шрифтом в правом верхнем углу, диаграммы, рисунки — по центру внизу.
11. Сокращение слов, имени названий, как правило, не допускается. Разрешаются лишь общепринятые сокращения мер, физических, химических и математических величин и терминов и т. д.
12. Поступившие в редакцию статьи в обязательном порядке будут проходить рецензирование. Рецензии отклоненных работ высылаются авторам и содержат аргументированный отказ от публикации. В рецензиях работ, отправленных на доработку, указываются замечания к статье.
13. Все статьи, поступившие в редакцию, в обязательном порядке проходят проверку в системе «Антиплагиат». Для аспирантов, студентов, кандидатов наук допустимая норма заимствований — не более 25 %, для докторов наук, профессоров — не более 15 %.

Памятка авторам

В статье настоятельно рекомендуется:

- НЕ использовать табуляцию (клавиша Tab);
- НЕ устанавливать свои стили абзацев (кроме принятых по умолчанию);
- НЕ расставлять автоматические списки (при нумерации строк и абзацев);
- НЕ ставить двойные, тройные и т. д. пробелы между словами. Рекомендуется применять в статье только один тип кавычек («»).

Помнить о том, что необходимо различать дефис и тире. Тире выставляется сочетанием двух клавиш («Ctrl» + «-»).

Все цитаты в статье должны быть соотнесены со списком литературы, при прямом цитировании обязательно указывать номера страниц. Список литературы не следует смешивать с примечаниями, которые должны располагаться перед списком литературы.

Статьи, не соответствующие требованиям, отклоняются для доработки.

Requirements for the materials, provided for publication in the journal:

1. Articles provided by the authors in the Journal should match the profile of the magazine, are new, are interested in a wide range of scientific community.
2. Revision accepted for publication only open materials in Russian Federation and English (for foreign authors).
3. Fields — 2.5 cm on each side; font — Times New Roman, font size — 14, line spacing — one and a half; References in square brackets. If there is a list of literature references is required (in order of citation in accordance with GOST 7.1–2003 or GOST R7.05–2008).
4. In the upper right corner in bold italics: surname, name, patronymic of the author (certainly in full), academic degree, academic rank, position, name of organization (in full), country, city.
5. Centered, bold capital letters: title of the article. UDC — in the upper right corner.
6. At the end of the article, specify the e-mail address with ZIP code, name and initials of the recipient (the address will be sent to the magazine), telephone (mobile), e-mail the contact person. Article File Contents: Surname N. P. doc (or docx). Send to the address: uop-ugaes@mail.ru.
7. Be sure to send a color photo of the authors in a separate file (at least 1 MB and not more than 5 MB).
8. To the article must be accompanied by the Russian Federation and English languages: the article title, abstract (not less than 240 words, determine the theoretical value and practical novelty of the article), keywords (at least 10), references required (at least 8 sources).
9. Author agree stop lay free of charge on the Internet at the website FSBEI HE «USPTU» electronic version of his article published in the journal «Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy».
10. Graphical and tabular material should be presented in the annex to the WORD. For example, Microsoft Graph, without scanning; diagrams for applying a different shading, font size 10 or 11 pt, mathematical formulas are made through the formula editor Microsoft Equation, and their numbers stamped on the right side. Table signed by the 12th print in the upper right corner, diagrams, drawings — at the bottom center.
11. Reductions of words of names usually are not permitted. Allowed only standard abbreviations measures, physical, chemical and mathematical quantities and terms, etc.
12. Received articles will necessarily be reviewed. Reviews of rejected papers are sent to the authors and contain are atoned rejection of the publication. In reviews of works sent for revision, specify comments on the article.
13. All articles received by the editorial compulsorily tested in the «Anti-plagiarism». For graduate students, candidates of sciences allow able rate loans — no more than 25 % for doctors, professors — not more than 15 %.

Memo to authors

The article is highly recommended:

- DO NOT use the tab key (Tab);
- DO NOT place your paragraph styles (other than the defaults);
- DO NOT set automatic lists (with line numbers and paragraphs);
- DO NOT put double, triple and so. D. The spaces between words. Recommended in the article is only one type of quotes («»).

Remember that it is necessary to distinguish between hyphens and dashes. Dash exhibited a combination of two keys («Ctrl» + «-»).

All quotations in the article should be correlated with the list of literature, with direct quotations necessarily indicate page numbers. References should not be confused with the notes that must be placed before the bibliography.

Articles that do not meet the requirements will be rejected for revision.